

Андрей Чернов

ЭНЕИДА РЁРИКА ЮТЛАНДСКОГО

опыт историко-филологической реконструкции

Приходит рыцарь в оружейную лавку:

– Мечи завезли?

Хозяин стелется в поклоне:

– Какие пожелаете! Вот каролингские, с клеймами
нижнерейнских мастеров. Вот дамасские из Багдада
с сертификатом качества и гарантией на год.

А вот очень редкий экземпляр, только вчера получили –
меч-кладенец из кургана конунга Хельги в
Альдейгьюборге... Что брать будете?..

– Иерусалим.

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ *AB OVO*

Египетские сфинксы у Академии художеств спорят с Невой, кто старше.

Но тайну хранят не сфинксы, а река. Им три с половиной тысячи лет, а сколько ей? Молчит, как сфинкс. Сфинксы, конечно, озадачены. Но в недоумении и геологи. Рождение реки они еще недавно датировали с точностью до тысячи лет: нашей ветренице, так умело скрывающей свой возраст, геологическим часам – то ли 3900, то ли 2900 годиков. И лишь последние исследования сжимают временной зазор и переносят его ближе к нашим дням: «Резкое падение уровня Ладожского озера, устанавливаемое в интервале 2,8–2,5 тысяч лет назад (1000–400 до н.э.), обусловленное образованием р. Невы, вызвало понижение уровня воды во всей гидрологической системе, включая р. Волхов и озеро Ильмень»¹.

Если так, то сфинксам есть чем гордиться: они старше Невы на тысячелетие.

Разгадка прорыва Невы к морю может лежать на Охтинском мысу, где в культурном слое покоятся три шведских крепости (два Ниеншанца и Ландскрона) и древнерусская крепостца XII века со славным именем Венец, а ниже, под полутораметровым слоем принесенного Невой песка, – неолитические стоянки Пятого тысячелетия до н. э. Тут и скрывается тайна прорыва Невы. Только геологов туда не пустят: одна федеральная корпорация собиралась построить здесь четырехсотметровую кукурузину, и до сих пор вынашивает планы возведения офисного здания помельче.

Рождению реки предшествовали удивительные события: после последнего отступления ледника финские граниты вздохнули свободней, и Скандинавский полуостров начал подниматься. За 12 000 лет северный берег Балтики подрос на такую же величину, на какую Кавказ смог подняться за 750 000. Средняя скорость поднятия Мурманского побережья за последние 12 тысяч лет – до полутора сантиметров в год. (Хотя в последние 4 тысячи лет она не более 6 мм год). В результате Вуокса, работавшая пра-Невой, потеряла выход к морю и превратилась в цепь озер. Чаша низменности стала наполняться талой водой, Волхов потек вспять, озеро Нево и Ильмень превратились в единое гантелевидное озеро. Но то, что все время наполняется, когда-то должно и переполниться. Нева перевалила через Ивановские высоты и устремилась к Финскому заливу.

¹ См. Библиографию. С. 292. Сорокин 2017: 10 (2800–3100 лет назад со ссылкой на Малаховский и др. 1993: 61–73); Шитов, Бискэ, Плешивцева, Марков 2005 (2900–3900 лет назад); Александровский и др. 2009: 686 (последняя, узкая датировка – 2800–2500 лет назад).

Сотни лет уровень Ладожского озера падал, а бывшее дно подсыхало.

Финские племена жили в Приладожье с неолита. Это были охотники и рыболовы, и новые земли их мало интересовали. Что и определило сравнительно мирное проникновение кривичей, шедших с юго-запада. На Любшанском мысу кривичи в VII веке возводят крепостцу на месте существовавшей здесь стоянки финских рыболовов.

После на освободившиеся от водного плена земли Южного Приладожья и Ильменского поозерья пришли от Вислы и Одера в конце VII или первой половине VIII века будущие новгородские словене. Они умели обрабатывать тяжелую пойменную почву, вместо бороны-суковатки пахали плугом с металлическим наконечником. Один такой наральник найден на левом берегу Волхова в урочище Сопки, другой в 2006-м обнаружил Сергей Кузьмин, сделав всего один небольшой шурф на правом берегу, в яблоневом саду на любшанском посаде.

Как в Египте ежегодные разливы Нила создали избыток «простого продукта» и обеспечили расцвет древнеегипетской цивилизации, так и тут, на северо-западе Восточной Европы, геологическое поднятие Балтийского щита привело к тысячелетнему разливу Ладоги и Ильменя, а потом, когда за полторы тысячи лет до новой эры чаша переполнилась, к Финскому заливу прорвалась новая река – Нева, и стал падать уровень Ильменя. Еще через две тысячи лет это обернулось появлением новых, буквально всплывших с озерного дна плодородных земель. В Новгороде, надо думать, и родилась легенда о граде Китеже: люди знали, что их кормит дно бывшего озера. И верили, что в случае опасности озеро их и укроет.

В 753 году на территории будущего Земляного городища обустроена скандинавская кузнечно-ювелирная мастерская. Открывший ее археолог Евгений Рябинин считал, что мастерскую основали выходцы с Готланда. Дата определена по дендрохронологическому исследованию положенных на слой торфа деревянных мостков. Но раньше лет на 50 или даже 100 на горке в устье речки Любши появляются славяне. (Рябинин полагал, что это кривичи). Ладожская мастерская просуществовавший, недолго – всего лишь года три. Но и Любша, и Ладога – не столько центры сельскохозяйственной округи, сколько перевалочные и ремонтные базы на древнем торговом пути. Возникновение Ладоги как протогородского поселения связано с тем, что в середине VIII века заработал Балто-Камский торговый путь («Из Варяг в Хазары»), но морским судам преграждали дорогу Волховские пороги, и мореходы должны были пересаживаться на речные суда. По скандинавским сагам мы знаем, что это и происходило в Альгейгии (Ладоге).

На сайте Староладожского музея-заповедника можно узнать, что первые археологические раскопки в России провел в 1708 г. пастор евангелической общины Санкт-Петербурга и всего Российского флота Вильгельм Толле. Немецкий путешественник вспоминал, что Толле, «будучи человеком любознательным, однажды с несколькими приданными ему в помощь людьми потрудился в окрестных местностях, в Старой Ладоге раскопал несколько языческих могил, курганов, где нашел различные древние редкие сосуды, монеты и всякого рода языческие предметы, и составил перечень части найденных в этом путешествии редкостей и прочих достопримечательностей. Но сделал это, как я видел, только карандашом, и прочесть написанное нелегко»². Были обнаружены урны X–XI вв. с пеплом кремированных ладожан. Находки составили коллекцию В. Толле³. Но систематические археологические изыскания в Старой Ладоге начинаются в XIX веке.

У Пушкина в «Езерском» есть строки:

Но каюсь: новый Ходаковский
Люблю от бабушки московской
Я слушать толки о родне,
Об отдаленной старине...

К фамилии Ходаковский поэт делает примечание: «Известный любитель древностей». Под псевдонимом Зориан Доленга-Ходаковский печатал свои работы археолог Адам Чарноцкий (1784–1825)⁴. Летом 1820 г. Ладоге Ходаковский раскопал центральную часть легендарной «Олеговой могилы», самой крупной из сопкок Заморья (по-иному это урочище между старой Ладогой и деревенькой Велешей местные жители называют Мёрьевщиной).

Полагают, что он не знал, что именно он копает, и, более того, «очевидно, что ему был неизвестен летописный рассказ о могиле Олега в Ладоге»⁵. Но это ошибка. Ходаковский сообщал в печати, что хочет найти и раскопать «могилу под Ладогою,

² *Беспятых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях /Л., 1991. С. 62.

³ *Кирпичников А.Н.* Поиски археологов / А.Н. Кирпичников // *Старая Ладога – древняя столица Руси.* СПб., 1996. С. 156–157.

⁴ К замечаниям Ходаковского прислушивался Карамзин. Увы, посвященный «Слову о полку Игореве» том Ходаковского утерян, а большинство трудов до сих пор не опубликованы. Его собрание насчитывает более полутысячи записей белорусских и русских песен, записи заговоров, загадок, материалы по славянской этнографии, диалектологии, топонимике, археологии. Это была первая попытка систематизации славянского фольклора.

⁵ *Панченко, Петров, Селин 1999* – Панченко А. А., Петров Н. И., Селин А. А. Дружина пирует у берега. На границе научного и мифологического мировоззрения // *Русский фольклор.* СПб., 1999. Т. 30. С. 82–91.

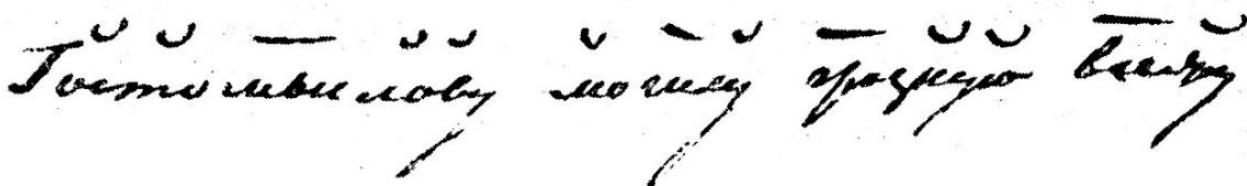
упомянутую Летописцем Архангелогородским». Нашел. И за девять дней прокопал конусом поврежденную ранее курганную насыпь, обнаружив сожженные кости, еловые, сосновые и ольховые угли, железную задвижку замка и большой наконечник архаичного двушипного⁶.

* * *

Пушкин бросил горстку созвучий в память о Гостомысле, ильменском старейшине, который, как утверждало новгородское предание, выдал младшую дочь Умилу за море, и, поскольку все сыновья престарелого Гостомысла были или убиты на войне, или уже умерли, вождь перед смертью велел звать на словенский стол Рюрика, сына Умилы.

Вот эта строка с метрической ее записью (отдельный лист ПД 39):

«Гостомыслову могилу грозную вижу...»

Дальше стихотворение не пошло. Не помог и набросок рисунка, оставленный поэтом в записной книжке...

О том, что это именно курган Гостомысла, говорит верхняя строка на следующем листе: «Вадим в мрачную ночь сокрытый у Гробницы Гостомысла».

На рисунке огромный, еще не оплывший курган, с бдыном на дивинце.

Бдын (от глагола «бдеть») – шест на дивинце, а дивинец – площадка на вершине кургана, место, откуда «дивятся», то есть наблюдают за окрестностями сторожа. Христианка княгиня Ольга, умирая, завещала «ни могилы (кургана) над ней не насыпать, ни бдыны не ставить».

Бдын Пушкин нарисовал в виде могильного креста на фоне полной луны.

Согласно Никоновской летописи, Вадим – славянин, восставший против узурпации власти Рюриком. Восстание Вадима Новгородского было подавлено.

⁶ Доленга-Ходаковский 1820 – Доленга-Ходаковский З. Проект ученого путешествия по России для объяснения древней славянской истории // Сын Отечества. 1820. Ч. 63–64. № 27–33. С. 288–312.

Пушкин. Могила Гостомысла. Рисунок в ПД 830. Л. 57. 1821 или 1822 год.
Сверху западноевропейская монетка с надписью *Solus* (Солид или Соль).
Ниже изображение овальной древнерусской копейки («чешуйки»).

Фигуру привалившегося к корням ели мятежника Вадима не сразу и угадаешь. Она и впрямь «сокрыта», ибо сливается с пейзажем. Однако сделаем компьютерную расчистку: ничего не дорисовывая, лишь ослабим линии, призванные спрятать мятежника.

Компьютерная расчистка фигуры Вадима Новгородского на рисунке Пушкина и фигура Волхова у ростральной колонны на стрелке Васильевского острова

На этом рисунке Вадим изображен в западноевропейской короне. Он прячется на Волхове (!) у «гробницы Гостомысла» на берегу Ильменя (на заднем плане гладь озера).

Герой сидит, опираясь левой, согнутой в локте рукой, на корни склоненной в сторону кургана ёлки. О том, что это не просто «могила Гостомысла», но еще и реминисценция Голгофы (гора увенчана христианским крестом), говорит и монетка, повешенная на сухом дереве слева от кургана. На монетке ясно читаются три первых буквы записанного по-гречески имени: Ιού[δας] – Иуда. Эта монетка, по форме идентичная средневековым русским серебряным и медным копейкам – символ тридцати серебряников и самого первого хриstopродавца.

Видимо, тема предательства должна была прозвучать в пушкинской поэме. Увы, в нашем распоряжении остались лишь несколько строк ее плана.

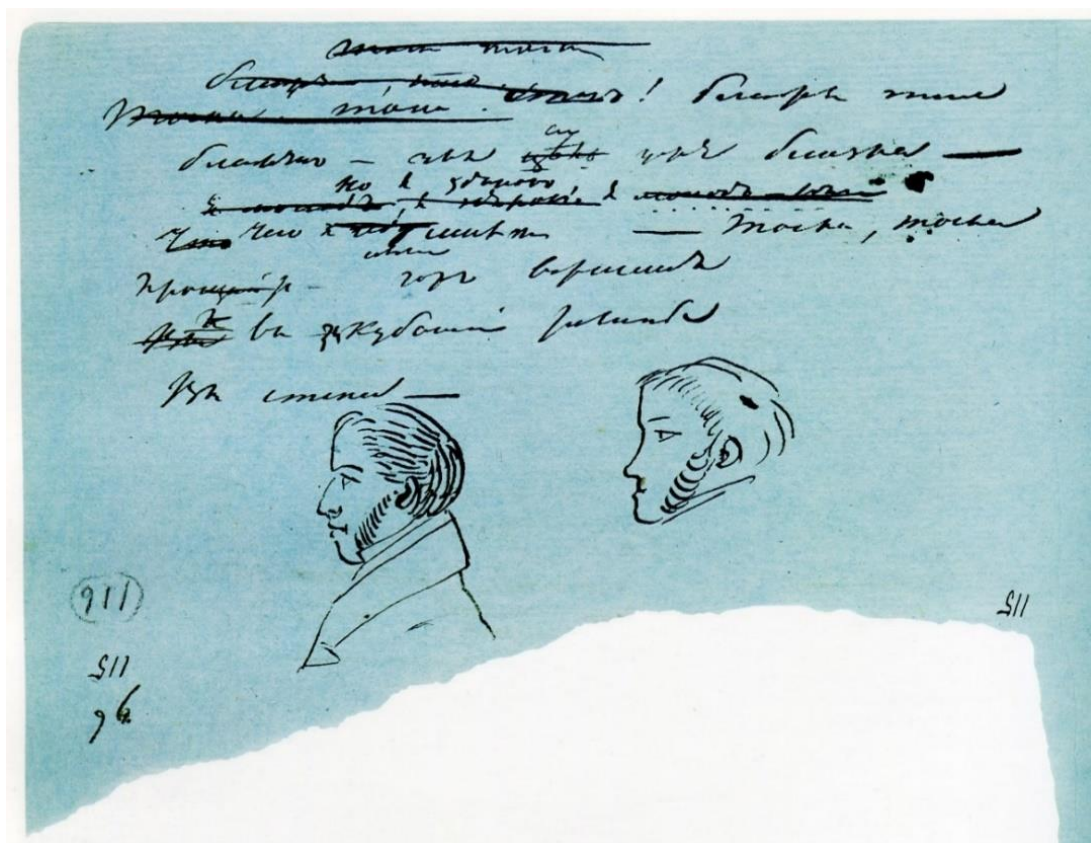
Итак, в августе 1820 г. в Ладогое Ходаковский копает «Олегову могилу», а после под Новгородом на Волотовом поле раскапывает «могилу Гостомысла». И монетки на пушкинском рисунке с курганом старейшины Ильменских словен, и само употребление термина «могилой Гостомысла», скорее всего, говорят о том, что в Кишиневе поэт встречался с Ходаковским.

Факт их петербургского знакомства предположил еще Ф. Я. Прийма, но сделал это весьма деликатно:

«Ныне полузабытое имя Зориана Доленги-Ходаковского упоминается Пушкиным дважды. Первый раз... в поэме „Езерский“... Второй раз – назвал великий поэт Ходаковского в своей статье „Песнь о полку Игореве“ 1836 г. „Но ни Карамзин, ни Ерм[олаев], ни А. Х. Востоков, ни Ходаковский никогда не усумнились в

подлинности Песни о полку Игореве"... В Петербурге Ходаковский знакомится с представителями ученого и литературного мира; „Вольное общество любителей российской словесности" избирает его своим членом. Не исключена возможность, что уже в конце 1819 – начале 1820 г. с именем Ходаковского познакомился и молодой Пушкин... Под Новгородом в 1820 г. Ходаковский раскапывал так называемую „могилу Гостомысла"»⁷.

2 марта 1822 г. Пушкин пишет свою «Песнь о Вещем Олеге».

Ходаковский и Рылов на рисунке Пушкина
в черновике «Путешествия Онегина». 1829 г. ПЛ 841. Л. 11

Петербургский график и карикатурист Виктор Богорад, к которому я обратился как к эксперту по технике портретирования, подтвердил мне, что на рисунке Ксаверия Прека 1818 г. и на пушкинском рисунке 1829 г. может быть изображен один человек:

«По общему впечатлению оба рисунка имеют больше совпадений, чем несовпадений. Графически идентичны нос, рот, подбородок, бакенбарды, пряди, зачесанные вперед и прикрывающие лысеющую голову. Несколько отличается линия лба, но это зависит не от модели, а от руки художника».

⁷ Прийма Ф. Я. Зориан Доленга-Ходаковский и его наблюдения над «Словом о полку Игореве». ТОДРЛ. Т. 8. Ленинград. 1951. С.71–92.

http://lib.pushkinskijdom.ru/Portals/3/PDF/TODRL/08_tom/Priima/Priima.pdf

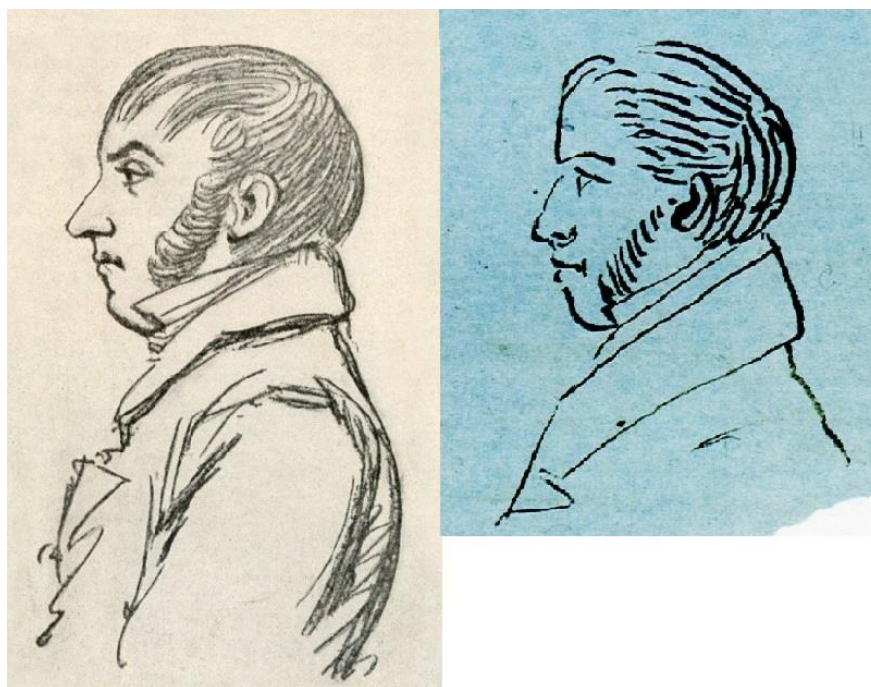
Образ на двух этих портретах разный. Но человек – один. Просто два разных художника по-разному и увидели того, кого рисовали.

СОВПАЛЕНИЕ ВЕРТИКАЛЬНЫХ ПРОПОРЦИЙ ЭТИХ ПОРТРЕТОВ

При приведении рисунков в один масштаб на одних горизонталях находятся:

- Верх черепной коробки
- Переносица
- Зрачок
- Нижнее веко
- Верх уха
- Кончик носа
- Линия рта
- Переход нижней губы к подбородку (на той же линии и низ бакенбардов)
- Низ подбородка (на пушкинском рисунке подбородок несколько утяжелен).

При совмещении профилей совпали все девять основных параллелей.

Два портрета Зориана Доленги-Ходаковского
Первый подписан: «Зориан Доленга-Ходаковский,
нарисованный Ксаверием Преком в Синяве в 1818 году
для Адама Клодзинского, а тем подаренный
в собрание Гвалберта Павликовского.
Сходство не может быть больше».

Легко узнаваемый (хотя и небрежно начертанный) профиль Рылеева подсказывает, что наша атрибуция верна. Ходаковский раскопал в Ладогe Олегову сопку, а у Рылеева есть дума «Олег Вещий» (1822 г.), по поводу которой Пушкин пенял в письме к Рылееву, что тот на прибитом к царьградским вратам щите Олега увидел «герб России, то есть двуглавого орла.

Вячеслав Всеволодович Иванов и Владимир Николаевич Топоров реконструировали «основной миф», лежащий в фундаменте культур многих народов, в том числе и индоевропейских (Иванов, Топоров 1974).

Согласно этому мифу, бог неба раз в год поражает огненной стрелой выползшего на камень змееподобного бога земли. И начинается очистительный дождь. У скандинавов громовежец Тор бьется с мировым змеем, который хвостом обнимает все земные материки, у славян в роли Тора – Перун, а имя его противника, видимо, – Велес (Волос). «Скотным богом» (богом скота и богатства) Волосом клянутся при заключении договоров с греками Олеговы дружинники в 907-м и воины Святослава в 971-м. Но в «Повести временных лет» Велес отсутствует.

Т. А. Бернштам объясняет разницу между Велесом и Волосом. Первого через его прибалтийские «водные» корни она соотносит с северо-западными (приморскими и озерными) землями к водному культу.

А Волос – персонификацией лесного культа, поскольку имя Волос приписывается и архаическому «хозяину» поволжских лесов в обличье медведя (так называемый «медвежий культ»), и более позднему идолу и злему духу лесных пастбищ Ростово-Ярославского края (Бернштам 1996: 104–105).

Если Волос ассоциировался с медведем, то Велес со змеем (а, значит, и с библейским змием). Имя Велеса мелькает лишь в одном из списков «Хождения Богородицы по мукам» (XII–XIII вв.), где сказано, что язычники Трояна, Хърса, Велеса, Перуна на богы обратиша, да еще в «Житии Авраамия Ростовского» говорится, что старец разрушил в Ростове каменный идол Велеса.

Как сообщил мне С. Л. Николаев, та же картина и в финно-угорских языках: у коми «гондыр» – дракон, змей, а удмуртское «гондыр» – медведь.

Именно такую модель языческого мироздания мы встречаем в топонимике Волхова⁸. Пороги делят реку на две части. У истоков Волхова находится Перынь (первая горюшка на новорожденной реке), а последняя возвышенность, уже на краю глинта – урочище и существующая до сих пор деревенька Велеша. Святилище бога подземного и подводного мира Велеса, расположено на Alode-jogi (от финского «Нижняя река»), откуда и скандинавское название Ладоги – Альдейгия. И, как у коми

⁸ О том, что волховская топонимика подтверждает реконструкция Основного мифа, я успел сообщить Владимиру Николаевичу Топорову (1928–2005), послав ему журнал со своей статьей «Из Ладоги с Любовью» («Terra incognita», № 1 (11), 2003. С. 4–14) и получил от него приглашение написать об этом для его сборника. Увы, тогда мне нечего было добавить к уже мною написанному.

хозяин Нижнего мира – змей, а у удмуртов – медведь, так и на Волхове, на Нижней реке, мы встречаем бога Нижнего мира в двух его ипостасях: словенского Змея-Велеса и кривичского Медведя-Волоса. Вот с чего в конце позапрошлого века начинал свое исследование Ладоги генерал Николай Ефимович Бранденбург:

Оставив за собой Варяжское море и направляясь по летописному пути «из Варяг в Греки», путник встречает скучное и однообразное течение Невы, за которым вступает в безбрежную даль Ладожского озера, древнего Нево, и по волнам последнего достигает устья Волхова. Историческая русская река приветствует его здесь одним из древних урочищ Новгородской земли – Медведкой, занятым с 1704 г. глухим уездным городом Новой Ладогой, но много ранее здесь же стоял Николаевский монастырь, носивший название Медведского или Медведицкого и существовавший еще в XV столетии. Отсюда путь лежит по Волхову, но неприветливы в начале берега последнего, покрытые дюнными песками с утрюмыми соснами, занявшими место когда-то плескавшегося на этих песках Ладожского озера, отступившего впоследствии в свои нынешние пределы. Местность понемногу поднимается; вот еще урочище, напоминающее о векодавнем пребывании здесь того же озера – нынешнее сельцо Ивановский Остров, расположенное почти на гребне начинающейся за ним возвышенности, а несколько далее и первые следы местных доисторических поселений – два уединенно стоящих кургана. За ними река делает короткий, но крутой поворот на Запад, на том же берегу открывается еще цепь курганов, но давно уже разрушенных, и между ними один огромных размеров, также неизвестно кем разоренный еще в минувшем столетии. Курган поражает, своей выдающейся величавостью, не имея далеко кругом себя соперников, и при взгляде на него невольно приходится в голову поэтическая легенда Новгородской летописи о смерти и погребении где-то здесь, в окрестностях, на Волхове Олега Вещего. Близь подножия этой огромной насыпи река снова принимает свое прежнее направление и за поворотом показывается старинная церковь Иоанна Предтечи, стоящая на холме, издревле называемом Малышевой горой. В небольшом отдалении заблестели кресты на главах Успенского монастыря, еще далее забелелись на темной зелени строения монастыря Никольского, а на противоположном берегу картинно обрисовалась выросшая на горе, во всей оригинальности своей новгородской архитектуры, древняя церковка (бывший монастырь) Василия Кесарийского. Здесь отовсюду повеяло древней Русью, и глаза путника невольно ищут центра этой дышащей стариною местности, – перед ним Старая Ладога. (Бранденбург 1896: 1–2).

В «Слове» князь-оборотень Всеслав Полоцкий кидает жребий «на девицу себе любу». Под девицей надо понимать Киев и главное его сокровище – мозаичную Оранту Киевской Софии (Богородицу Нерушимую Стену), с которой Всеслав не мог поступить так, как с новгородскими колоколами, – забрать в Полоцк. Сквозь легенду о Всеславе зримо проступает миф о поединке Велеса и Перуна, а мотив кидания жребия на деву, приговариваемую к участи Велесовой невесты, приводит нас в Ладогу, первую столицу Рюрика. Именно здесь от укуса змеи Вещий Олег гибнет после того, как по версии Архангелогородской летописи обещает, вернувшись в Киев, перебить солгавших ему волхвов.

Н. Е. Бранденбург. Фотография 1890-х.

Упомянутую в новгородских и северных летописях могилу Олега в Ладогe еще в пушкинское время Зориан Доленга-Ходаковский отождествил с огромной сопкой на берегу Волхова, находящейся в километре к северу от Ладоги близ деревеньки Велеши. Эта сопка на повороте Волхова к озеру, – последнее, что видно из Ладожской крепости, если смотреть от церкви святого Георгия или от находящегося сразу за ней Земляного городища. Здесь важно и то, что эта сопка находится на пределе просматриваемого пространства (и зрительно замыкает его), и то, что она защищает город с той стороны, откуда приходят находники-викинги. В Георгиевской церкви сохранилась фреска, на которой греческий мастер очень бережно и, похоже, даже с юмором пересказал красками страницу из жития святого воина. Георгий – совсем

мальчик! – едет к городу на фоне иконных горок. Но одна из них, та, из-под которой дева Елисава и выводит змея, стилизована под ладожскую сопку. Конь у Георгия белый, в серых яблоках. Правое переднее копыто написано так, что невольно приходит на ум фальконетовский Медный всадник: копыто упирается в землю за спиной змея, но касается хребта чудовища. И смотрящему кажется, что всадник змея попирает. А змей покорно выползает из реки на белокаменную набережную, и Елисава, всплескивает левой дланью: «Пожалуй-ка в ворота!»

* * *

С 70-х в Выре, в доме архитектора Александра Сёмочкина, я познакомился с архитектором-реставратором Марком Колядой, а конце лета 95-го он зазвал меня в Старую Ладугу. Здесь Георгиевской церкви XII века Владимир Сарабьянов закончил реставрацию удивительной греческой фрески, на которой Георгий не поражает, а умиряет змея. У воина ни меча, ни копыта – только щит и оранжевый флажок на длинном, без наконечника, древке. А змея ведет в город дева Елисава.

Я знал, что в Ладого находится большая сопка – упомянутая в летописи могила вешего Олега, и потому решил, что можно снять телесюжет об этом, таком нестранном сближении: Георгий без копыта и Олег, у которого в Ладого не оказалось копыта, чтобы поразить ужалившего его змея. По дороге я спросил у Марка, а как близко от Георгиевской церкви до Олеговой сопки, и его ответ поверг меня в уныние: «Да километра полтора. Там всё близко». В версте от Старой Ладуги Марк остановил машину, и мы поднялись на «Олегову могилу».

Археологи называют ее – «полой сопкой»: вершину в пушкинское время прокопал Зориан Доленга-Ходаковский, и сопка стала двугорбой. (Мог бы и всю раскопать, но на это правительство не дало денег.)

Вечерело, когда с высокого дивинца сопки нам открылась та картина, которую Николай Рерих называл «одним из лучших русских пейзажей»: излучина Волхова и на заднем плане старая крепость. В этот момент, поднырнув под низкое облачко, солнце высветило на самом-самом заднем плане белую свечу какой-то церковки.

– Что это там за храм?

– Так он и есть – наш Георгий.

– ...Марк, ты понимаешь, что мы и впрямь стоим на сопке Вешего Олега?..

Почему я так решил, и расскажу в этой книжке. (См. объяснение на с. 231.)

Любой рукотворный человеческий пейзаж – это текст. И как любой текст он нуждается в прочтении. Это же относится и к географическим описаниям. Если бы три века назад Михаил Васильевич Ломоносов вчитался в то место Повести временных лет (далее ПВЛ), где перечислены народы, живущие по балтийскому пути, то на Руси не завелось бы унылого племени «антинорманистов, и не был бы объявлен антинорманистом историк Василий Татищев⁹. А первый норманист – это, конечно, летописец Нестор. ПВЛ локализует «русь» после «готов» (жителями острова Готланд) и перед «агнянами» (англами, живущими покуда на материке). А в одном из списков одного из источников летописи – еврейском хронографе X в. «Иосиппоне» – сказано: «Мешех – это Саксани. Тирас – это Руси. Саксани и Энглеси живут на великом море» (речь, очевидно, о Британских островах и Северном море).

Ряд Саксани (саксы) – Руси (Русь) – Энглеси (англы) не оставляет сомнений в североевропейской локализации упоминаемых в этой версии народов, хотя далее в «Иосиппоне» приводится и вторая, восточноевропейская локализация народа «русь». Говорится о еще одной «руси», только не ладожской, а киевской: «Руси живут на реке Кива, впадающей в море Гурган», т. е. Каспийское море. (Беляев 1929: 249; Петрухин 1995: 26–35). Свидетельство о том, что некое племя по имени «(х)рюстры», отдаленно напоминающем слово «русь», жило рядом с англами и саксами, подтверждается Анналами франкских королей (*Hriustri*), хронистом XII в. Гельмольдом, автором «Славянской хроники» (*Chronicon Slavorum*): «фризы, которые называются *Rustrī*».

Приморскую провинцию *Rüstringen* на картах XVII в. мы находим в Восточной Фрисландии. Сегодня это на границе Германии с Нидерландами. И поскольку в географическом перечне ПВЛ «русь» поставлена летописцем между готами и англянами, значит, отсюда и пришел Рёрик Ютландский.

* * *

Нестор, киевский монах и летописец, в начале XII столетия поставил вопрос: откуда (а, значит, и куда) идет Русская земля. И сам ответил на него, отправившись в

⁹ Что касается *антинорманизма*, то он существует в реальности уже два с половиной века. Но существует только в России и нигде больше в мире. Хотя нашествия скандинавов были по всей Европе и даже вне ее. Поэтому есть все основания считать, что антинорманизм – это не научное течение, а идеологическая тенденция, внедряемая в науку из соображений, которые представлены как патриотические. Это характерный именно для нашего народа комплекс национальной неполноценности, корни которого нужно искать в современной ситуации (Лев Клейн. Антинорманизм как диагноз. // ПОЛИТ.РУ. 3 декабря 2010).

https://polit.ru/article/2010/12/03/klejn_antinormanism/

1114 году в Новгород и Ладогу. Первая редакция его «Повести временных лет» была закончена к 1115 году. А за двести лет до этого 2 (7 по новому стилю) сентября 912 г. Вещий Олег подписал внешнеполитический акт о вечном мире и любви с греками и поклялся в том не Перуном и Велесом, а «предлежащим честным крестом и святою единосущною Троицей единого истинного Бога нашего». За 77 лет до Владимира Олег предпринял попытку крещения Руси. Для этого он и отправляется в Ладогу, объявив, что, вернувшись в Киев, перебьет солгавших ему волхвов (так по Архангелогородскому летописцу). А за 250 лет до того, как Нестор закончил свою повесть, славяне Приладожья вместе с «русью» (финнами и местными скандинавами) наняли на службу викинга Рюрика «со всей русью». Корректность отождествления Рёрика Ютландского и Рюрика Повести временных лет сегодня всё очевидней.

Рёрик – датчанин, внучатый племянник принца Гамлета (Амлета по Саксону Грамматику). Однако мать его, надо думать, славянка. Иначе Рёрик, бежав из тюрьмы (было и такое в его жизни) не мог бы стать на два года королем у ободритов (см. западноевропейские хроники). До прихода на Русь этот конунг печатал в Дорестаде серебряную монету и был превосходным министром финансов у трех поколений Каролингов. И по договору с ладожанами Рюрик должен был блюсти торговый путь, по которому через Ладогу шло в Европу арабское серебро.

В 1840–70-е ладожские курганы изучали Н. А. Ушаков, В. Прохоров, А. С. Уваров, Д. Европеус, однако серьезных публикаций по результатам проведенных работ не последовало. В конце XIX в. Ладогой увлекся Николай Ефимович Бранденбург – археолог, военный историк и организатор Санкт-Петербурге Артиллерийского музея. В 1880-е гг. он вместе с П.А. Сусловым раскопали ряд ладожских сопок, разрушенных храмов, первыми приступили к изучению руин каменной крепости рубежа XVI вв. Результаты исследования вошли в монографию Н.Е. Бранденбурга «Старая Ладога»¹⁰.

На рубеже XIX века стало понятно, что недо начинать исследование Земляного городища Старой Ладого. По средневековым источникам именно здесь, возле собора Святого Климента в XII в., находился административный центр города. Н. Е. Бранденбург сформулировал задачу изучения фундаментов собора, и в 1884 году Д. А. Сабанеев провел археологические разведки.

В 1909–1913 годах археологические изыскания на территории Земляного городища Старой Ладого продолжил Н. И. Репников, в конце тридцатых и сороковых

¹⁰ Бранденбург Н.Е. Старая Ладога. СПб., 1896.

В. И. Равдоникас и его ученик С. Н. Орлов, в пятидесятых Н. Н. Гурина и Г. П. Гроздилов. Копали и Ладожское поселение, и скандинавский могильник Плакун на противоположном берегу Волхова.

Исследователь Ладоги археолог Галина Федоровна Корзухина пишет:

«В 1952 г. раскопки на Плакуне были продолжены Н. Н. Гуриной и Г. П. Гроздиловым. В 1968 г. на могильнике исследовано 11 курганов, из них в десяти обнаружены обычные сожжения в ладьях, совершенные на стороне и затем ссыпанные на поверхности погребенной почвы, и в одном – погребение в глубокой камере с остатками сожженной ладьи, ссыпанными над гробовищем. Особый интерес представляет курган № 7 (сожжение в ладье на горизонте). Кроме ладейных заклепок, фрагментов железных оковок, грубой лепной керамики, в кургане найден ряд вещей, представляющих особый интерес: бусы из стекла и серебряной рубчатой проволоки, фрагменты кувшина, сделанного на гончарном круге из светлой хорошо отмученной глины и со следами орнамента в виде серых слегка выпуклых фигур геометрического характера – полос, сетки, креста. Массивный «с горбинкой» носик кувшина, вылепленный отдельно, соединяется с внутренней полостью кувшина лишь небольшим отверстием. Вдоль ручки – продольный паз. Даже предварительная реконструкция кувшина не оставляет никаких сомнений в том, что в кургане № 7 на Плакуне оказался кувшин, принадлежащий к группе сосудов, пользующихся особым вниманием у скандинавистов Западной Европы. Это так называемые фризские кувшины (*friesische Kannen*). У необгоревших сосудов наружная поверхность покрыта черным составом и орнаментирована накладной серебристой фольгой. Таких кувшинов известно лишь около трех десятков. Не считая депаспортизованных фрагментов в музее Утрехта, фризские кувшины найдены только в 11 точках, из них в Швеции – в пяти (около 20 кувшинов), в Норвегии – в одной (1 кувшин) и на европейском континенте – в пяти (примерно 10 кувшинов). Несмотря на то, что большая часть фризских кувшинов найдена в Швеции, исследователи считают, что мастерская по их изготовлению находилась в низовьях Рейна, то есть на территории древней Фризии, поскольку в Скандинавии для них нет исходных элементов. Судя по находкам кувшинов в хорошо датированных комплексах, все они укладываются в очень узкие хронологические рамки. Х. Арбман датирует их только IX в., а Д. Селлинг сужает их датировку до первой половины IX в. Таким образом, в кургане на Плакуне оказался кувшин, достаточно редкий и для западных территорий, сделанный во Фризии в IX вв. находка его прибавляет еще одну – 12-ю – точку на карте находок кувшинов этого рода»¹¹.

В культурном слое Ладоге второй половины IX – начала X в. обнаружена кожаная обувь, особенности раскроя которой вкупе с индивидуальностью мелких элементов конструкции и формами декора указывают на ее происхождение из Хедебю. В тех же слоях покоились и фрагменты фризских кувшинов, который изготавливались только в одной мастерской в Дорестаде (Мусин 1995: 78–82). А сотрудник Эрмитажа Р. С. Минасян первым обратил внимание на то, что наиболее ранние находки выделенной им IV группы ножей, бытовавших в меровингское и викингское время в Норвегии и Швеции, в Восточной Европе обнаружены в горизонтах E3–E1 (760–830-е гг.)¹² Староладожского Земляного городища (Минасян

¹¹ Корзухина Г. Ф. О некоторых ошибочных положениях в интерпретации материалов Старой Ладоги // Скандинавский сборник XVI. – Таллин: Ээсти Раамат, 1971. С. 123–131.

<http://ulfdalir.ru/literature/735/765>

¹² Такая датировка может говорить о том, что производство ножей IV группы на Земляном городище прекратилось после того, как Приладожье в конце 830-х было оккупировано находниками.

1980: 68–74; Черных 1985: 76–80). Эти ножи отличаются от прочих и внешним видом, и техникой производства – сваркой трехслойного пакета (железо – сталь – железо). Такие лезвия называют самозатачивающимися (Хомутова 1984: 208).

В 1969-м школьный учитель Виктор Фёдорович Игнатенко был назначен директором нового краеведческого музея «Старая Ладога», а первую экспозицию Староладожского историко-архитектурного и археологического музея-заповедника открыли 15 июля 1971 г. (спасибо археологу Анатолию Кирпичникову и академикам Лихачеву и Рыбакову). Статью В. Ф. Игнатенко о создании музея см. на сайте музея¹³.

В 1972 в Старую Ладогу пришла экспедиция Института истории материальной культуры. Отдельными ее отрядами (каждый по своему открытому листу) копали Евгений Рябинин, Валерий Петренко, Евгений Носов, Владимир Назаренко и Анатолий Кирпичников. Попав в Ладогу, я застал здесь только Анатолия Николаевича Кирпичникова. Носов в 1975 г. ушел к истокам Волхова копать на берегу Сиверсова канала Рюриково городище, Петренко умер, Назаренко уехал в Мюнхен, а Рябинина, сделавшего все главные ладожские находки и датировавшего основание ладожского поселения 753 годом, начальство попросило заняться чем-нибудь не столь громким.

Женю привел ко мне на Васильевский остров всё тот же Марк Коляда. Очень быстро мы подружились. Мой новый друг хотел вернуться в Ладогу, и я придумал, как это сделать – организовал Любшанскую экспедицию Евгения Рябинина, которая пять полевых сезонов (с 1997 по 2001 год) работала на Любше (это правый приток Волхова в полутора километрах ниже Ладоги) и открыла древнейшую на территории Восточной Европы славянскую каменно-дерево-земляную крепость.

Россия начиналась со свободных людей, которые наняли Рюрика блюсти торговый путь. За хвостом куницы мы дошли до Аляски и Калифорнии. Похоже, отсюда и русский тип цивилизации – не кочевой и не оседлый, но промысловый: прекраснотушный, мечтательный, безбытный.

Эта краеведческая книжка – о Рюрике, Олеге, Ольге, о Ладоге и нашей Любшанской экспедиции. Спасибо всем, кто прочитал ее, чьими советами и подсказками я воспользовался, спасибо Сергею Белецкому и Евгению Биллеру за помощь в подготовке рукописи к печати.

*А. Ч.
14 марта 2021*

¹³ <http://www.ladogamuseum.ru/litera/ignatenko/pub63/>

I. ФИБУЛА ИЗ КОЛОДЦА В ДОРЕСТАДЕ И СЕРЕБРЯНЫЙ КЛАД НА ВОЕННО-МОРСКОЙ БАЗЕ РЁРИКА

Однако начать надо с другого археологического сюжета – с фибулы из мастерских Карла Великого, найденной археологами в древнем колодце нидерландского Дорестада. И прежде – о самом Дорестаде, самом большом городе Нидерландов во времена Каролингов.

Этот город на Нижнем Рейне находился в двадцати километрах к юго-востоку от Утрехта и – по той же прямой – в пятидесяти от Амстердама.

Археологи именуют Дорестада IX века средневековым мегаполисом:

«Стратегически расположенный, с вытянутой гаванью и несколькими тысячами жителей, он был торговым центром в раннесредневековой Европе. Продавались рейнское вино, итальянское стекло, франкские мечи и скандинавские меха, а также рукописи, охотничьи собаки и рабы. На рынке люди обменивались модой, обычаями и идеями. Жизнь в Дорестаде имела международный шарм. Отчеканенные здесь золотые и серебряные монеты были найдены по всей Европе. Дорестада также сыграл важную роль в распространении христианства. Большая фибула Дорестада, сверкающая золотая брошь, полная христианской символики, инкрустированная алмазном, жемчугом и цветным стеклом, связывает город со двором императора Карла Великого. Между 834 и 863 годами Дорестада подвергался нападениям викингов почти каждый год. В конечном итоге город ослабел, отчасти из-за политических волнений, отчасти по причине изменения водного ландшафта. Дорестада исчез с карты в IX веке, но был вновь обнаружен в 1840 году»¹⁴.

Сегодня Дорестада не существует, однако через века на его месте вырос городок Вейк бей Дюрстедде (*Wijk bij Duurstede*).

Когда-то в Дорестаде был стол Рёрика Ютландского, датского принца, родича принца Гамлета, уступившего в борьбе за датскую корону, изгнанного из своей страны и нашедшего пристанище в Фрисландии. Из Дорестада Рёрик в 857 г. уходит в Хедебю, а через несколько лет «со всей русью» перебирается на будущую Русь, в земли восточных славян – кривичей и словен. И тут мы видим его уже как князя Рюрика¹⁵.

Мы ничего не знаем про круг чтения Рёрика, а потому не станем гадать, осознавал ли принц-изгой, что повторяет судьбу Энея, и не сам ли Вергилий привел принца-изгоя в Ладогу? Однако отражение тут точней, чем бывает в зеркале: оба – принцы, оба изгнаны из отечества, оба пытались осесть на чужбине и даже вроде

¹⁴ Annemarieke Willemsen. Dorestad. Een wereldstad in de middeleeuwen – Zutphen: Walburg Pers, 2009. P. 191.

¹⁵ В последние годы у такого отождествления всё больше сторонников. Из новейших работ о Рёрике см.: Войтович 2005; Пчелов 2010; ПВЛ 2012: 398–430; 469–475; Губарев 2016; Губарев 2019.

неплохо там устроились. Но потом боги указали, куда надо плыть, чтобы основать великую империю.

Впрочем, в Средние века именно «Энеида» – один из немногих оставшихся в обращении античных текстов: её читали, перерабатывали, даже пародировали. В эпоху переселения народов ее сюжет был актуален.

Фибула из древнего колодца в Дорестаде. Ок. 800 г. Диаметр 8,5 см.
Лейден. Национальный музей древностей. Инвентарный номер: f 1978 / 1.1
<https://www.rmo.nl/collectie/topstukken/broche-fibula-in-de-vorm-van-twee-in-elkaar-passende-kruisen/>

Фибула эта – уникальная: королевская, или даже императорская.

Найдена она в 1969 году археологической экспедицией Голландской молодежной исторической Ассоциацией. По технологии – перегородчатая эмаль, инкрустированная вставками из жемчуга, стекла и альмандина (род граната). Жемчуг истлел, а некоторые из камней утрачены, равно как и булавка, скреплявшая на груди хозяина крылья плаща.

Хранится это сокровище в Национальном музее древностей в Лейдене. Спорят, где между 775 и 800 годами изготовлена фибула – в придворных мастерских Карла Великого, или в Бургундии.

Почти невероятно, чтобы ее хозяин склонился напиться воды, и не заметил, что обронил фибулу в глубь колодца. А если бы заметил, то у воина его статуса была

возможность приказать своим людям вычерпать колодец, сколь бы глубоким он ни был. И вряд ли брошенная в колодец фибула – бескровная жертва. Или кто-то до последнего отбивался от ворвавшихся в город викингов, и, не желая, чтобы этот предмет достался язычникам, припертый к колодцу, сорвал с себя плащ, а фибулу утопил? Может, спасаясь от ареста, владелец инсигнии Карла Великого или Людовика Благочестивого бежит, а дарованный императором ярлык бросает к колодец, чтобы когда-то вернуться и предъявить свои права на утраченную территорию? Увы, – не вернулся.

Серебряный денарий Карла. 780–790-е.

Аверс: KAROLVS IMP AVG (*Karolus imperator augustus*) – Карл император Август
Реверс: CHRISTIANA RELIGIO. Первое слово CHRISTIANA – христианин, но буквы прописные греческие, а сигма в этом слове строчная, латинская. *Religio* (лат.) – совестливость; благочестие, религия.

Карл в античной тоге, а надпись греко-латинская, где ХР – монограмма Христа.
Греческий мастер утверждает единство Восточной и Римской империи Карла Великого.

Если так, то инсигния власти с зашифрованной на ней христианской символикой (вероятно, личной тамгой благочестивого Карла Великого и его сына Людовика Благочестивого) принадлежала Харальду, старшему брату Рёрика.

Эта фибула – вещь сакральная, тайная, магический щит веры, совмещающий два креста: красный – прямой Прозцветший крест Христа, а Х-образный (на фибуле синий) – тот, на котором был распят Андрей Первозванный. Оба креста наложены на розетку, выполненную в подражание круглым щитам викингов. В центре ее на месте умбона овальный камень, темный альмандин. Он и соединяет два креста в одном рисунке. Если этого не знать, то кресты сливаются, превращаются в неинтерпретируемый орнамент.

На каждой из четырех ветвей Андреевского креста есть утолщения с вписанными сюда рисунками. В них можно увидеть и плодоносящее Мировое древо с кроной, обозначенной двумя сердцевидными синими листочками и парой красных ягод, и фигурку ангела с небесными дарами (и тогда листья – пара ангельских крыл).

Ангел плодоносящего Мирового древа.
Фрагмент фибулы из Дорестада

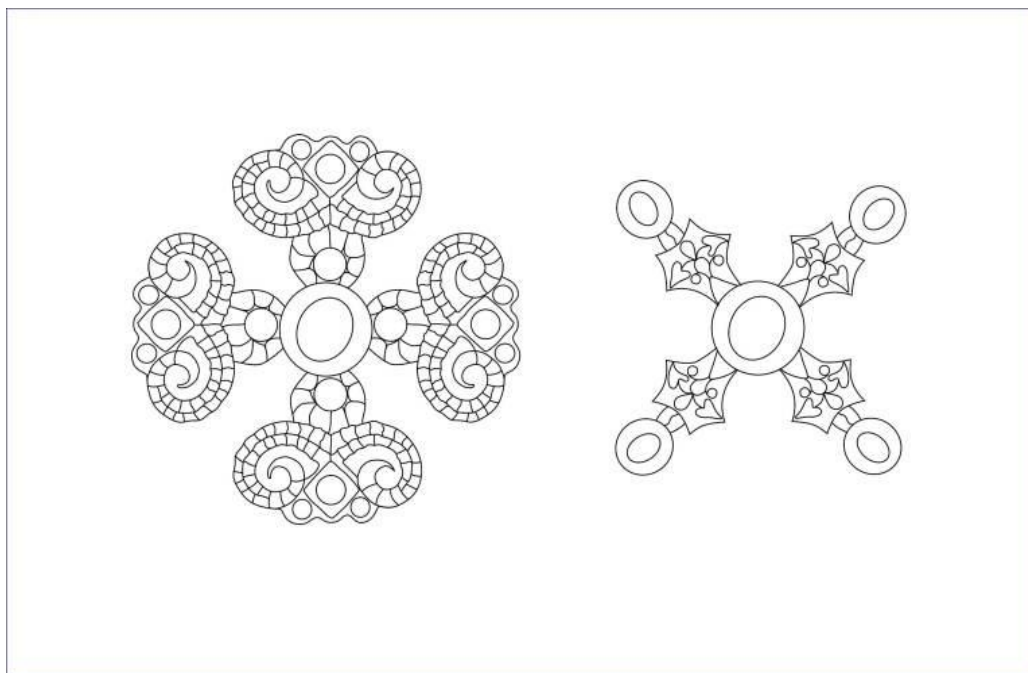
Головы ангелов – стремящиеся вверх жемчужные всплески – согреты солнцем истины. (Солнца – четыре красных алмандинов в золотой оправе на краю щита.). Это еще и модель человеческой жизни. Про такое в «Слове о полку Игореве»: «Единъ же изрони жемчужну душу из храбра тела чрезъ злато ожерелие».

Крест такой формы позже будет назван «лилевидным», или «лилейным». На круглом щите фибулы он акцентирован вставками холодных цветов. На общем теплом красном фоне эти цвета и дают ключ к чтению сокровенного Андреевского знака.

Когда Наталия Введенская по моей просьбе сделала прориси обоих крестов, стало ясно, что Андреевский крест и в этой композиции вторичен по отношению к кресту Христа. Христос – овен, приносящий себя в жертву, и на фибуле на его крест указывают корона с волютой в виде рогов Овена. (Элемент, который в дальнейшем многократно будет использоваться в оформлении нидерландских монет и жетонов.)

По отношению к лицевой стороне фибулы застежка располагается горизонтально. (Это подтвердили мне в музее Лейдена.) Значит, как ни закрепляй ею

плащ, прокалывая ткань справа налево, или сверху вниз, положение крестов будет именно таким, как показано на рисунке.

Два креста, совмещенных на одной дорестадакской фибуле в одну розетку.
Прорись Наталии Введенской

Косой крест апостола Андрея в XV веке появится на флаге местного, голландского властителя. Филипп Добрый (*фр.* Philippe le Bon), он же Филипп III Бургундский (1396, Дижон – 1467, Брюгге) – герцог Бургундии, граф Бургундии, Артуа, Эно, Голландии и Зеландии, происходил из Бургундской ветви династии Валуа.

Считается, что это он принес в Голландию сучковатый Бургундский крест, ставший после флагом Испанских Нидерландов. Поскольку большая часть территории Нидерландов была во владении бургундских лордов, в провинциях, принадлежавших герцогам Бургундии из династии Валуа с 1482 г. использовался сучковатый Андреевский крест.

Этот крест и парил на флаге Семнадцати провинций Нижних земель.

Фибула из Рёрикова колодца удревает бытование Бургундского креста в Нижних землях на 600 лет. В XV веке он стал «бургундским», а вообще-то он каролингский, и, как и Нидерландский вздыбленный лев, восходит к геральдической символике времен Карла Великого.

Принц Рёрик был крещен. И даже дважды. В первый раз – еще отроком, Майнце, в 826 г. Но в бурной своей молодости он отпадал от христианской церкви,

был у славян (язычников-обдритов) королем и даже получил прозвище «язва христианства» (что, собственно, и говорит о его отпадении). После таких прегрешений, согласно седьмому правилу Второго Вселенского собора, он должен был войти в купель вторично. Иначе не получил бы от каролингов Дорестада и не чеканил бы там серебряную монету. А покинул он Дорестада, когда Рейн в результате мощного наводнения изменил течение, корабли перестали приходить, и город начал медленно угасать.

Фибула сделана еще до рождения Рёрика. Похоже, что артефакт из императорских мастерских Карла Великого был пожалован, скорее всего, предполагаемому деду Рёрика – Хальвдану Старому, отцу Гаральда Клака, Хемминга и Рёгинфрида.

Хальвдан мог получить область Хрюстри (*Hriusti*; др.-фриз. *Rustri*, земли фризов в устье Везера) от Карла Великого еще в 780-х.

Но нельзя исключить, что это фибула отца Рёрика, – датского короля Рёгинфрида (*Ragnfrid*), изгнанного из в 813-м и убитом, как записано в *Annales regni Francorum*, при попытке возвращения в Данию в 814 году.

Современный историк, кембриджский специалист по средневековой нумизматике Саймон Коупленд, занимающийся монетами, которые при Рёрике печатались в Дорестаде, полагает, что с 841 г. Рёрик управлял Дорестадом по бенефициарному праву вместе со своим старшим братом Харальдом.

Однако по сообщению Фульдских анналов (850) Рёрик вместе с братом правили в Дорестаде еще при жизни Людовика Благочестивого, то есть до 840 г.

Но в 844 г. Рёрик и Харальд впали в немилость у Лотаря и были заключены в тюрьму.

Полагаю, что перед арестом Харальд и мог найти самое надежное место для сохранения императорской инсигнии власти, ярлыка на управление графством. Таким местом был, без сомнения, колодец. Однако Харальд в Дорестада не вернулся. Судя по всему, умер в заключении, а Рёрик бежал и объявился у Людовика Немецкого, брата Лотаря, а в конце концов нашел приют у язычников. Перед нами не просто артефакт, а знак, ставший прологом к истории европейской геральдики. Гербы – не просто эмблемы или значки. Это опознавательные знаки на рыцарском щите. В случае фибулы из дорестада колодца перед нами знак на круглом норманнском (да еще с пупком-умбоном) щите эпохи викингов.

Повторю: либо дед, либо отец Рёрика, получили эту фибулу из рук Карла Великого (742/748 – 814), или его сына Людовика Благочестивого (778–840), и этот

сакральный предмет – императорская инсигния власти, изготовленная для жизни ее владельца среди язычников: на вид просто драгоценная фибула, однако с вписанными в нее тайным смыслом – двумя христианскими крестами.

Клад с острова Вирингена, военно-морской базы Рёрика Ютландского

<https://www.rmo.nl/museumkennis/archeologie-van-nederland/nederland-in-de-middeleeuwen/wieringse-vikingschat/>

Перевод текста о кладе викингов с сайта музея в Лейдене:

Этот клад викингов был найден в 1996 году в Северной Голландии, в Вестерклифе, на бывшем острове Вирингене. Сокровище состояло из шести серебряных браслетов, ожерелья из шести плетеных серебряных проволок, такого же браслета, трех монетных ювелирных украшений, шестнадцати серебряных слитков, фрагмента серебряного пояса, 78 серебряных монет и фрагментов фибулы. В Нидерландах это первая находка клада викингов.

Более 1600 граммов серебряных сокровищ было похоронено в горшочке с глиняной посудой Бадорф, который был наполнен травой. Во времена Каролингов (750–900 гг. н.э.) Бадорф был центром гончарной промышленности на территории современного Брюля, недалеко от Кельна. Основная часть этой керамики попала в Нидерланды, Скандинавию, Англию и регион Дуная.

Большая часть серебряных сокровищ родом из Дании. Большинство монет чеканились в Нидерландах. Это денарии Каролингов. Все монеты имеют крест с четырьмя точками в передних углах; сзади мы видим храмовое здание церкви. Они были отчеканены во времена Людовика Благочестивого (814–840) и его сына Лотария I (840–855). Две монеты носят имя Карла Лысого (843–877), брата Лотаря, который правил империей Западного Франка. Самые молодые монеты датируются ок. 850 года. Три монеты перечеканены из арабских монет, вокруг которых было установлено кольцо с филигранным украшением, так называемый жемчужный ободок. Две монеты датируются 590–628 годами, третья 750–754 годами. Три монеты использовались в течение долгого времени в качестве украшений.

Между 850 и 885 годами голландские прибрежные районы временно попали под власть Дании. Датские князья Рёрик и Годфрид получили эти области у императоров-Каролингов. Когда Рёрик имел шанс стать королем Дании, он ушел, но позже он вернулся в Нидерланды.

Если в Нормандии и Англии были раскопаны целые города викингов, то до открытия этого серебряного клада было мало доказательств того, что викинги жили в нашей стране.

Сокровища Вестерклифа – первое доказательство этого. Вероятно, здесь была их зимняя резиденция. (зимняя стоянка немалого флота Рёрика – прим. А. Ч.). Серебряное сокровище предположительно принадлежало норманну из Дании, который временно жил в Вирингене. Оказавшись там, он, очевидно, расширил свою собственность местными монетами.

Неудивительно, что найдены украшения с арабскими монетами. У викингов было много торговых контактов в арабском мире.

Трава в горшке с кладом показала, что сокровище захоронено в весенний день на довольно открытом, незастроенном луговом пространстве. [...] В составе клада шесть серебряных браслетов, ожерелье из шести плетеных серебряных проволок, три монетных ювелирных украшения, шестнадцать серебряных слитков, фрагмент серебряного пояса, фрагменты фибулы и 78 серебряных монет из Дорестада.

С VII по середину IX века Дорестада – бойкое место. Он находится на перекрестке двух основных торговых путей. Один вел через Нижний Рейн и Утрехт, соединяя германскую Рейнскую область со Скандинавией и регионом Балтийского моря, другой шел вдоль рек – Нижнего Рейна и Лека – к побережью Северного моря, и водная артерия Рейна связывала Центральную Европу с Атлантическим побережьем и Англией.

Рёрик в Дорестаде из арабского серебра печатал монету для каролингов. При трех из них он был чем-то вроде министром финансов.

Арабское серебро шло в Европу через Ладугу. Керамика и стекло поступали из района между Бонном и Кельном, вино – из Гессена и зерно – из Эйфеля, янтарь – из Прибалтики, шлифовальные камни – из Скандинавии.

Торговали и с Русью: как отмечают нидерландские археологи, монеты с именем Дорестада на реверсе можно найти в России¹⁶. Есть такие и в хранилище Государственного Эрмитажа.

¹⁶ J. Dijkstra, J. Van Doesburg en M.M. Sier. (нидерл.) // Archeologische Kroniek Provincie Utrecht 2004–2005. – Utrecht: Rotosmeets Grafiservices, 2007. P. 225–227. Подробнее о Дорестаде см. статью Аннемарики Виллемсен «Дорестада – средневековый мегаполис» (Willemsen 2009: 191).

https://www.researchgate.net/publication/284782788_Annemarieke_Willemsen_Dorestad_Een_wereldstad_in_de_Middel_eeuwen

и

https://www.academia.edu/8027463/Dorestad_a_medieval_metropolis?email_work_card=thumbnail

II. ПОЧЕМУ РЁРИК УШЕЛ В ЛАДОГУ¹⁷

В середине VIII века арабы замирились с хазарами. В то время на Арабском Востоке были открыты богатые серебряные копи, и заработал Балто-Каспийский (из Варяг в Хазары) торговый путь. С 770-х через Волгу, на север, в Ладугу, потекло арабское серебро. Ну а путь из Варяг в Греки пробил только Вещий Олег.

Говоря о ладожской торговле, исследовательница стеклянных бус Злата Александровна Львова пишет о двойном обмене, а археолог Евгений Александрович Рябинин¹⁸, нашедший на Земляном городище Ладоги стеклодельню 770–830-х годов, работавшую по низкотемпературной технологии на ближневосточном сырье, называет это двухступенчатой торговлей.

Однако можно говорить о тройном обмене и о трехступенчатой торговле:

- Ладожане глазки (стеклянные бусы) меняли на пушнину;
- Пушнину – на арабские дирхемы;
- Дирхемы – на каролингские мечи и прочие западноевропейские товары.

Эта разработанная и осуществленная во второй половине VIII века промышленно-торговая операция определила магистральный путь развития Руси и ее тип цивилизации – не оседлый и не кочевой, а промысловый. За хвостом куницы пошли на Восток до Тихого океана, а там и до Калифорнии. (Привет легендарным Буревою и Гостомыслу, то есть тому вождю восточных славян, который «намыслил гостей». В летописи он называется первым посадником Новгорода.)

Рёрик Ютландский, печатавший для трех поколений Каролингов серебряную монету, идет из Дорестада и Хедебю в Ладугу потому, что она была серебряными воротами Балтики: через нее с арабского востока поступало в Европу куфическое серебро.

На реверсе монет Людовика Благочестивого и Лотаря читается название Дорестада. Резчики монетных чеканов у Рерика были искусные, но не шибко

¹⁷ В основу этой главки положен комментарий к Повести временных лет, в соавторстве подготовленный А. Г. Бобровым, С. Л. Николаевым, А. Ю. Черновым, А. М. Введенским и Л. В. Войтовичем / Вита Нова. СПб., 2012. С. 247–253.

¹⁸ Петербургский археолог Евгений Александрович Рябинин (1948–2010) исследовал Ладожское земляное городище в 1970-х – 1980 х. Он раскопал стеклодельню, работавшую здесь с 770-х по конец 830-х и по дендрохронологии датировал основание первого поселения на территории Ладоги 753 годом. Он же в 1997–2001 гг. открыл на Любше предшествующую Ладоге первую на Северо-Западе России славянскую каменно-дерево-земляную крепость переселенцев, пришедших в Приладожье из Центральной Европы (Рябинин, Дубашинский 2002).

грамотные, надписи копировали с затертых монет прежних выпусков и делали ошибки. С Дорестадом у Рёрика не получилось. Как и с другими торговыми центрами – отеческим Хедебю, богатыми Рибе и Биркой. Не получилось и вернуть датскую корону. Получилось с Ладогой.

Фризы торговали по всей Балтике, их колония была даже в Бирке. Но в середине 860-х Рейн меняет русло и портовый Дорестада начинает хиреть, а Рёрик идет в Ладогу, через которую и поступало в Европу арабское серебро. Сама логика его пути – ответ тем, кто считает, что летописный рассказ о Рюрике или полностью вымышлен, или заимствован из иных времен и обстоятельств.

Имя Рюрик (Рёрик) было широко распространено (древнескандинавское *Hrǫrkír/Hrýrikr* от *hróðr* – ‘слава’ и *rikr* – ‘могущественный’).

Оно засвидетельствовано многочисленными памятниками, в том числе руническими надписями (*Rørik, Rurik, Hroerekr, RurikaR*); его носили сын датского конунга (V в.) из известного древнескандинавского памятника «Беовульф», а также датский конунг VII в., дед принца Амлета, о котором рассказал Саксон Грамматик и работу которого использовал Шекспир в своей знаменитой трагедии, и др. Это имя до сих пор носят жители Швеции, Норвегии, Финляндии, Дании и Исландии (подробную библиографию работ о Рюрике см.: Войтович 2005: 25–35; Войтович 2006-б: 196–203).

В IX столетии нам известен только один Рёрик – Ютландский, он же Дорестададский, он же Фрисландский.

* * *

Бельгийский пастор Г. Ф. Голлманн, развивший догадку российского канцлера Н. П. Румянцева о вероятном отечестве Рюрика, написал исследование о Рустрингии (Hollmann 1816; Голлманн 1819), где привел средневековые латинские варианты этого названия: «*Rustringi*», «*Hrustri*», «*Riustri*» (Голлманн 1819: 35)¹⁹.

Перечисляя ряд известных «у фрисландцев, а именно в Рустрингии» личностей, носивших имя Рурик (Рерик), автор упоминает и князя, правившего у ободритов. Приводит он и имя местной горы – Рериксберг. И заключает: «Руссы первоначально были Рустринги – сие становится весьма вероподобным» (Голлманн 1819: 45), и потому Рустрингия «должна быть признана подлинным отечеством Рюрика и его братьев» (Голлманн 1819: 54).

¹⁹ Согласно С. Л. Николаеву, начальное *hr-* упростилось в *r-*, но у фризов оно сохранялось до XII в.

В 882 г., уже после смерти Рёрика, Фульдские анналы называют его «верником» (*fidelis*) королям франков (*Francorum*). Дело в том, что сыновья и внуки конунга Хальвдана, проигравшего борьбу за датский трон, вынуждены были искать удачу викингов в других землях. И потому Рёрик последовательно находился на службе у внуков Карла Великого – Карла II Лысого, Людовика II Немецкого, Лотаря I, а также у сына последнего – Лотаря II (Coupland 1998: 95–101). Всю жизнь Рёрик претендовал на датскую корону, а потому должен был вести себя как конунг (король).

Поэт Седулиус Скоттус, живший около Льежа в 850–860-х гг., описывает алтарь, построенный «во время королевского правления Рёрика». Кроме того, в Житии св. Адальберта (конец X в.) Рёрик назван «королем варваров».

К IX веку франкская империя Каролингов ослабела, и пришло время «северных людей» – шведов, норвежцев и датчан. Когда в начале века Карл Великий заключил союз с вендами (славянскими племенами Северо-Западной Европы), это не понравилось датскому конунгу Гудфреду. Тот пытался обеспечить безопасность порта Хедебю и удержать под своим контролем морской торговый путь, на который претендовали и франки, и славяне. Гудфред напал на ободритов и разрушил их порт, называвшийся (по стечению созвучий) Рериком.

В начале второго десятилетия IX в. король Гудфред Датский умирает. Даны захватывают Норвегию (она оставалась частью Дании до XIX в.) и Харальда (Гаральда/Гериольда), бывшего соправителем сыновей Гудфреда (датчан), заставляют уйти из Норвегии. В результате междоусобицы двое из четверых братьев Рёрика гибнут, двое – Харальд и Хемминг – в 826 г. бегут к франкскому императору Людовику Благочестивому и с четырьмя сотнями спутников принимают крещение. Братья получают земли в той части Фрисландии, которая зовется Рюстрингия. Кроме того, Харальду достается Дорестада – порт фризов на Рейне, крупный торговоремесленный центр Северной Европы в междуречье Рейна и Лека близ современного города Вейк-бей-Дюрстеде (на территории Нидерландов, южнее Утрехта).

Саймон Коупленд пишет: «Хотя сам Рёрик не упоминается в франкских источниках до 850 г., можно рассмотреть его историю ретроспективно, предполагая, что Рёрик прежде управлял Дорестадом по бенефициарному праву вместе со своим братом... Начало правления Харальда в Дорестаде может быть датировано 841 г.» (Coupland 1998: 95–96).

Однако с этим утверждением можно не согласиться. Фульдские анналы за 826 г. сообщают, что графство Рюстрингия передано Людовиком Благочестивым Харальду. Из тех же рук Харальд должен был получить и фризский Дорестада, ведь по

сообщению Фульдских анналов (850) Рёрик вместе с братом правили в Дорестаде еще при жизни Людовика Благочестивого, то есть до 840 г.

В 844 г. Рёрик и Харальд впали у Лотаря в немилость и были заключены в тюрьму. Харальд, видимо, умер в заключении. Во всяком случае за золотой фибулой, брошенной в дорестадский колодец, он не вернулся. А Рёрик, бежав из-под стражи, объявился у Людовика II Немецкого, брата Лотаря. И в конце концов нашел приют у язычников.

К востоку от Рюстрингии лежали земли славян. Обобщенно северо-западных славян франки называли *winithi*, *winidi*, позднее немцы называли их вендами. Племен было множество, скажем о некоторых: на Эльбе жили лютичи, к которым относились, в частности, велеты (вильцы), полабцы (сохранявшие свой язык до XVIII в.), руяне (жители острова Руян/Рюген), по Одере сидели ободриты. Тех, кого Фульдские анналы в 844 г. называют «абодритами» (а их убитого короля Готцомюсли), Ксантенские именуют «винитами», то есть вендами (их король – Гестимус). На следующий год под пером хрониста виниты станут винодами. При этом указывается, что Рёрик (*Rorik*) – их царь (*rex*).

По версии Фульдских анналов (850), Рёрик несколько лет жил не у ободритов, а у саксонцев. Но те же анналы шестью годами ранее в контексте тех же событий говорят об ободритах. Напомню: еще в начале XIX века Г. Ф. Голлманн обратил внимание на то, некий Рурик был «князем у ободритов». Это указание принято игнорировать: предполагают, что в дошедшем тексте анналов то ли неудачное сокращение, то ли ошибка. Место это выглядело столь странно, что исследователи оказались не готовы поставить вопрос, почему Рёрик Ютландский, попав в опалу, из заключения бежит к Людовику II Немецкому, но вслед за этим объявляется у славян в виде их короля. Ответ, без сомнения, был бы найден, стоило только обратить внимание на созвучное с именем Рёрика имя некоего принца Рёгнхери. Когда, после дерзкого набега на Париж тот заразился чумой и умер, Рёрик заменил его на вершине ободритской иерархии.

То, что Рёгнхери – брат Рёрика, предположил С. Л. Николаев.

Сходство их имен и подсказало, что оба – сыновья Рёгнфрида, одного из сыновей Хальвдана Старого. (Подробнее об этом см. ниже, в главе «Кто был отцом Рёрика?»)

Однако вопрос задан не был, а потому и ответ не был получен.

Союз викинга Рёрика с ободритами и, более того, факт его пребывания в роли «короля» – сюжет загадочный.

Чужак просто так не может стать королем (во всяком случае, эта ситуация – явно не тривиальная).

В 845 г. «виноды» в беде. Хронист рассказывает, что в их земле разразилась катастрофа (мор), и волхвы безуспешно кидали жребий перед идолами.

Жребий каждый раз падал неудачно. Тогда один из пленных, христианин, предложил бросить жребий перед изображением христианского Бога.

Жребий выпал как должно. Рёрик²⁰ и весь народ язычников 14 дней постился и не пил медового напитка. Вдобавок он отпустил пленников. И вскоре бедствие прекратилось.

После этого Рёрик мирит «винодов» с Людовиком II Немецким.

(Собственно, для того он и был направлен Людовиком к славянам.)

В 850 году Рёрик с Годфредом Харальдсоном отвоевал у Лотаря Утрехт и вернул себе Дорестада. Лотарь пошёл с ним на мир с условием, что Рёрик будет ограждать северные его пределы от набегов датчан. Таковы будут и условия его договора с ладожанами – обеспечение безопасности города и торгового пути.

В Ладоге князь первым делом отстроит крепость, а через два года уйдет к Ильменю, где обоснуется у истоков Волхова на острове, который потом станут звать Рюриковым городищем.

В 850 г. Бертинские анналы сообщают: «Рёрик, Харальдов племянник, недавно бежавший от Лотаря, набрал целое войско норманнов и множество судов, после чего опустошил Фризию и остров Бетуже и другие места в окрестностях, плывя вверх по Рейну и Ваалу. Лотарь, будучи не в состоянии одолеть его, принял его в свои вассалы и дал ему Дорестада и другие графства».

В 857 г. викинги в третий раз напали на Париж и ограбили несколько аббатств (в частности Сен-Жермен-де-Пре и Сен-Дени). В тот же год резко обострились отношения Карла II Лысого и его брата, правителя Восточно-Франкского королевства Людовика II Немецкого. Помимо этого, случилось и другое – море крадет у конунга его город: после опустошительного наводнения, заиливания и изменения русла Рейна бо́льшая часть этой территории станет непригодной для обитания. Экономическое

²⁰ Евгений Пчелов, автор книги «Рюрик» (М., ЖЗЛ, 2010), полагает, что здесь в анналах описка и читать надо не «Рорик», а «Хорик». Однако легко перепутать одно имя с другим, созвучным, но куда сложнее приписать события одной военной экспедиции – другой: по Бертинским анналам датский король Хорик I в это время воюет в Германии на Эльбе и разграбляет монастырь Ситдиу. Между тем из Ксантенских анналов следует, что в то лето венды ни на кого не нападают, и мор поражает их в родных пределах. Потому в данном случае имя «Рорик» не является следствием описка. Речь именно о нем.

благополучие Дорестада подорвано; «с 860-х годов коммерческая деятельность в Дорестаде, по-видимому, полностью прекратилась» (Coupland 1998: 96).

В Фульдских анналах под 857 г. читаем такие строки: «Норманн Рорих, управлявший Дорестадом, с согласия своего господина, короля Хлотаря, повёл флотилию в область данов и по соглашению с королём данов Хорикум взял во владение вместе со своими товарищами часть земли, находящейся между морем и [рекой] Эгидора (*Эйдер/Айдер – А. Ч.*)».

Не желая вмешиваться в спор двух монархов на стороне одного из них, Рёрик со своей морской базы на острове Виринген уходит в Ютландию к Эйдеру. Он вступает в борьбу за корону, но она достается Хорику, сыну Гудфреда Датского. Рёрик воюет с ним и в качестве отступного получает порт Хедебю.

«Контроль над этим важным портом, видимо, представлялся равноценной платой Рёрику за отнятый у того фризский бенефиций, и Лотарь, вероятно, одобрил завоевания Рёрика, за которыми последовал бы подъем торговли между Лотарингией и Скандинавией. Но каковы бы ни были их планы, они закончились крахом. Скандинавские разбойники, воспользовавшись отсутствием Рёрика, напали на Дорестада и Бетуве и разграбили весь регион, включая Утрехт. В 863 г. Рёрик вновь обосновался в Дорестаде. Но вскоре был вновь атакован датскими пиратами...» (Coupland 1998: 96–98).

Про «обосновался» – сильно сказано. Мы не знаем подробностей, Рёрик мог и, не покидая Хедебю, по договору восстановить свой статус первого лица Фризии. Но теперь его интересует не Фризия и даже не Дания, а вся Балтийская ойкумена.

И потому он охотно примет предложение ладожан стать их князем. И «со всей русью» – данами и фризами – на трехстах кораблях отправился в Ладогу. (Рёрик по отцу викинг, по матери – сын славянки, более того, видимо, – ладожанки).

Зачем перед прыжком в Ладогу морскому льву нужен торговый порт Хедебю? Полагают, что в Хедебю Рёрик родился. Значит, у него могли сохраняться какие-то сторонники в элите этого города, и здесь он доформировал верными ему данами свой экспедиционный корпус. Бросок к Ладоге он готовил в Хедебю семь лет. Но взглянем на карту. От острова Вирингена во Фризии, где была зимняя морская база Рёрика, до Ладоги – 2500 км. (От Вирингена до выхода из пролива Эресунн в Большую Балтику – 1100 км и отсюда до Ладоги – 1400 км).

От Хедебю до выхода из пролива Эресунн в Большую Балтику – 250 км, и от Хедебю до Ладоги – 1620 км. То есть путь из Хедебю до Ладоги на 880 км (более чем в полтора раза!) короче, чем от Вирингена.

Ладога – серебряные ворота Балтики. Через них в Европу поступает арабское серебро. Рёрик толк в серебре знает. И когда Дорестада из-за заболачивания рукава Рейна перестанет быть международным торговым портом, Рёрик «со всей русью» (с верными ему данами и жителями Нижних земель Северного моря рустрингами уходит на Нижнюю реку Приладожья, в царство бога скота и богатства).

Дед Рёрика Хальвдан Старый (как показал на материале саг Леонтий Войтович) в 780-х был конунгом в Альдейгьюборге, то есть в Ладоге.

Имя Ладоги восходит к *др.-исландскому* Aldeigjuborg, Aldeigja, а это произошло от финского *Alode jogi* (Mikkola 1906; Джаксон 2001; Джаксон 2015). Евгений Хелимский с этим не соглашается (Helinski 2008). Не вмешиваясь в спор лингвистов, замечу, что Волхов порогами делится на Верхнюю и Нижнюю реку. Альдейгия – столица страны Нижних земель²¹, царство Нижнего мира Волоса/Велеса, бога скота, богатства и песнетворчества.

Видимо, в Ладоге Хальвдан пригладел жену для сына Рёгнфрида, будущего недолгого короля Дании, отца Рёрика (об этом см. главу VI. «Кто был отцом Рёрика?»), и мать рассказала сыну про свою родину. Потерпев поражение в борьбе за датскую корону, Рёрик уходит в разоренные находниками-свееми земли своей матери. Это отразилось в новгородском предании, в татищевской Иоакимовской летописи и попало в поздние летописи XVI века,

Сохранились два датированных 863 г. письма архиепископа Реймса Хинкмара (*лат.* Hincmarus, *фр.* Hincmar, *нем.* Hinkmar), из которых следует, что «Рёрик лишь недавно был обращен и окрещен, что открывает удивительный факт: он не был христианином, когда ему предоставлялся бенефиций Дорестада в 841 и 850 гг.» (Coupland 1998: 98). Однако заметим, что Рёрик (видимо, крещенный еще отроком в 826 г. в Майнце) отпадал от христианской церкви, был у язычников королем и даже получил прозвище «язва христианства» (что, собственно, и говорит не о том, что он «природный язычник», а о его отпадении от христианства). После таких прегрешений, согласно седьмому правилу Второго Вселенского собора, конунг должен был войти в купель вторично. По сообщению Бертинских анналов, в 854 г. Лотарь передал Фризию своему сыну, и Рёрик с Готфредом приняли участие в распрях за ютландскую корону,

²¹ Аналогичное название встречаем на самом западе континента: Средневековья область вдоль побережья Северного моря в низовьях рек Рейна, Мааса и Шельды именовалась «Приморскими низинными землями» или «Нижними Землями» (по-нидерландски: *De Lage Landen bij de zee, de Nederlanden*) – Нидерланды. Первое упоминание о Нидерландах относится к рубежу XIV–XV веков. Нельзя исключить, что имя это было дано под влиянием Волховской (Ладожской) модели.

но успеха не добились. Три года спустя те же анналы сообщают о новом вторжении Рёрика в Данию. На этот раз, с одобрения Лотаря, ему удалось занять земли за пограничной рекой Айдер – возможно, до самого фьорда Шлее, на котором стоял отеческий Хедебю.

Реймский архиепископ Хинкмар 863 года в письме к Рёрику призывал его не давать приюта фландрскому графу Балдуину I, который сбежал с королевской дочерью. Во втором послании, адресованном утрехтскому епископу, Хинкмар советовал ему наложить на Рёрика епитимью за сотрудничество с варварами.

Оба этих письма свидетельствуют о том, что, уйдя в Ютландию, Рёрик и в 863 г. продолжает контролировать Дорестада и Фризию.

С 857 года Рёрик в Хедебю. Он затаился, он готовится к чему-то грандиозному. Литовский исследователь Томас Баранаускас обратил внимание, на то, что «Деяниях датчан» Саксона Грамматика (Saxonis 1931) содержатся уникальные сведения о Рёрике (Baranauskas 2000). Цитирую текст его книги по фрагменту, размещенному на сайте «Средневековая Литва»²²:

«По данным Саксона Грамматика куши и шведы, ранее платившие датчанам «ежегодную дань», напали на Данию, когда Рёрик стал королем Дании (так! – может иметься в виду корона Ютландии, то есть корона отца Рерика – А. Ч.). К восстанию присоединились также и другие племена, которые выбрали общего короля. Этих «варваров» Рёрик разбил в морском сражении, а потом и остальных славян принудил подчиниться и платить ему дань».

Хотя не со всеми утверждениями и интерпретациями литовского исследователя можно согласиться, продолжим цитату:

«Этого Рёрика можно отождествить с викингом Рёриком... Император Людовик Благочестивый около 837 г. поручил ему оборону Фрисландского города Дорестада, на которого нападали викинги. Император Лотарь около 841 г. изгнал его оттуда, но в 850 г. Рёрик снова силой укрепился в Дорестаде. Когда в Дании начались внутренние столкновения, Рёрик ходил на Данию в 855 и 857 гг. и укрепился в Южной Ютландии в 857 г. В то же время его положение в Фрисландии усложнилось. В 863 г. он с датчанами безуспешно напал на Дорестада, в 867 г. вновь упоминаются намерения изгнанного из Фрисландии Рёрика укрепиться в бывшем лене. Только в 870–873 гг. франконские короли подтвердили ему его лен. В 882 г. Рёрик был уже мертв. Поскольку Саксон борьбу Рёрика в Балтийском море увязывает с началом его правления в Дании, их можно отождествить с укреплением исторического Рёрика в Ютландии в 857 г. Эта дата хорошо сходится и с событиями на Руси. В последнее время получает все больше признания мнение, что Рёрик Ютландский и родоначальник династии Русских

²² <http://viduramziu.istorija.net/ru/vikings.htm>

князей Рюрик есть одно и то же лицо. <...> В середине IX в. племена окрестностей Ладоги восстали против шведских варягов и изгнали их. Примерно в то же время в Балтийском море показался энергичный датский викинг Рёрик, который удачно воевал с шведами и куршами. Естественно, что жители окрестностей Ладоги пригласили Рёрика оборонять их от шведов».

Со ссылкой на Саксона Грамматика далеко не всё просто. В тексте речь идет о предке Рёрика и деде принца Амлета. Хрёрик Метатель Колец (др.-сканд. *Hrærekr Slöngvanbaugi*) жил в VII веке тоже правил в Ютии. (Надо полагать, в честь него Рёрик получил свое имя.) Чтобы принять реконструкцию Томаса Баранаускаса, мы должны допустить саговую контаминацию. И она весьма вероятна. Пойдя в середине 850-х в поход против куршей и свеев, Рерик мог разбить их в морском сражении, а после обложить данью их и славян.

Томас Баранаускас полагает, что завоевания Рёрика в Ютландии не были долговечными, ибо в течение десяти лет эти земли вернулись под власть датского конунга. В 863 г. хронисты винят Рёрика в том, что он пропустил датские драккары вверх по Рейну в Рейнланд, где викинги разграбили и выжгли Нойс и Ксантен. Но, если Рёрик в то время находился в Хедебю, он не мог лишь косвенно контролировать свои земли на Рейне.

Ксантенские анналы сообщают, что в 866 г. язычники разорили Фрисландию, но Рёрик не упомянут даже мельком. Считается, что в 867 г. его вытесняют из Фризии некие когинги²³. Впрочем, происходит это в отсутствии конунга во Фризии. В Бертинских анналах за 867 г. читаем: «Лотарь... объявил в своем королевстве о наборе войска для защиты родины от норманнов, полагая, что с подмогой данов возвращается Рёрик, которого из Фризии изгнали ее жители, зовущиеся новым словом «конкинги» (*conkingi*)»²⁴.

Сначала на два года – с 867 по 869 – (а, если считать с ухода в 857-м из Дорестада в Хедебю, то на целых двенадцать лет), а после с 874 по 882 еще на восемь лет Рёрик исчезает со страниц западных хроник.

²³ Петербургский историк Олег Губарев пишет мне: «Люит ван дер Туук полагает что это термин произведен от одного из типов фризского судна. *Ког* – плоскодонка с клинкерными бортами. Эти суда были успешны на фризском заболоченном мелководье, и Рёрик разверстал фризов на когинги (по примеру ледунгов, скандинавских корабельных округов). И обязал поставлять один ког от округа. Повинность была тяжкой, когинги восстали. Развитие этот тип судов получил позже во времена Ганзейской лиги». [L. van der Tuuk. 'Noormannen in de Lage Landen. Handelaren, huurlingen en heersers' / Omnipboek (Utrecht) en Davidsfonds (Leuven), 2008.] Глеб Лебедев приводит название одной из бухт Бирки – Kughamn».

²⁴ Ну а когинги (здесь *конкинги*), судя по сообщению в Бертинских анналах, восстали не в 867 г., а лет на десять ранее, или уже после ухода Рёрика из Дорестада.

Его, столь деятельного в 850-х, хронисты теряют из вида. Следов военной активности Рёрика в Западной и Центральной Европе, да и самого его присутствия тут, в последующие десятилетия мы не обнаруживаем. (Два его эпизодических появления здесь в 870–873 гг. – кратковременные государственные визиты.) Но именно после середины 860-х в слоях Земляного городища Ладоги обнаруживаются фризские костяные гребни, а на правом берегу Волхова, в урочище Плакун, – фризские кувшины. Рёрик приходит после изгнания находников и прекращения гражданской войны.

867 год а качестве даты переселения Рёрика «со всей русью» в Ладогу подтверждает слой пожара, уничтожившего город в середине 860-х.

В 870–873 гг. Рёрик вновь в Западной Европе. Саймон Коупленд пишет: «В феврале 872 г. Карл провел дальнейшие переговоры с Рёриком, к которому на сей раз присоединился его племянник Рудольф. Встреча проходила в *Monasterium*, возможно, в Мустье-сюр-Самбр в провинции Намюр, близ границы первоначальных владений Лотаря. Причина переговоров нам неизвестна, но, когда трое мужчин снова встретились в октябре того же года в Маастрихте, король приветствовал Рёрика и поблагодарил его за верность, тогда как Рудольф был обвинен в вероломстве, и людям Карла было велено его остерегаться. Последний раз о Рёрике сообщается в следующем, 873 г., когда он посетил Людовика Немецкого в Аахене. Взяв у короля заложников, он поклялся в верности. По-видимому, эти предосторожности понадобились Рёрику из-за его связи с соперником Людовика, Карлом Лысым. Рёрик оказался в незавидном положении, контролируя бенефиций, который включал земли по обе стороны границы, проложенной по Меерссенскому договору 870 г.» (Coupland 1998: 99).

По мнению Г. С. Лебедева, в то время как Рёрик улаживает владельческие отношения с королем Франции Карлом Лысым и Германии Людовиком Немецким, «в Ладоге и Новгороде, видимо, формируется антикняжеская оппозиция во главе с Вадимом Храбрым. Вернувшись, Рюрик сумел расправиться с непокорными и, вероятно, в это время вступил в династический брак с одной из представительниц местной знати». По В. Н. Татищеву ее звали Ефанда, по С. Л. Николаеву – Сфанидр; см. ПВЛ²⁵).

«Второй период его пребывания на Руси (875–879) отмечен стабилизацией экономических связей на Балтике» (Лебедев 2005: 492–493). Согласно Повести

²⁵ Повесть временных лет. СПб., Вита Нова, 2012. С. 398.
https://nestoriana.files.wordpress.com/2012/11/pvl_all_25-11-2012.pdf

временных лет, Рюрик умер в 879 г., а в 882 г. император Карл Толстый передает Фризию Годфриду, племяннику Рёрика. По мнению исследователей, это значит, что Рёрика уже нет в живых.

А что же два брата Рюрика – Синеус и Трувор – которых упоминает летописец Нестор? В статье «Семь ответов на варяжский вопрос» С. Л. Николаев пишет²⁶:

«...это была надпись на могильном камне, а поставили ее преемник Рюрика Олег и благодарные жители «варяжской слободы» в Новгороде (или в Ладоге?). Ниже в квадратных скобках дается не реконструкция надписи, а возможное содержание: «[Олег и холмгардцы возвели эту плиту в память] Рюрика, их домов надежного защитника».

[hailaki ok
hulmkarþaR
ristu stain þis
at] **rurik**
sina husa
tru uara

Не знавшие северогерманского языка новгородцы, помня из устной традиции звучание надписи, могли воспринимать три строчки, начиная с общеизвестного Рюрика, как имена похороненных здесь трех братьев, по аналогии с киевскими Кием, Щеком и Хоривом».

Итак, «...Рюрика, их домов надежного защитника».

За этим Рюрика позвали после изгнания оккупантов-находников, когда оказалось, что гражданская смута страшней, чем оккупация. Но для того, чтобы понять это, ладожанам пришлось испить чашу бедствий до дна. В середине 860-х их город гибнет в тотальном пожаре, и выбор падает на Рюрика по сумме четырех весомых причин, речь о которых впереди, но если коротко, то в его активе: 1) мощный морской флот; 2) служба Каролингам и знание, как выстраиваются отношения внутри империи; 3) понимание, как работает рынок куфического серебра; 4) и то, что его дед был конунгом Альдейгии, отец – королем Ютии, а мать – ладожская славянка.

...В один из ветряных дней на волховском берегу директор Староладожского музея Людмила Александровна Губчевская сообщила нам, что северный ветер («северяк»), при котором Волхов «течет вспять» в Ладоге считается плохой приметой.

«Ну, конечно, – прокомментировал мой сын, в то лето десятиклассник, – ветер в паруса находников».

²⁶ Там же. С. 408–411.

III. КОНУНГ НА ЛАДОЖСКОМ ПЕПЕЛИЩЕ

У Валентина Берестова в одной из ранних его книжек есть стихотворение «Слой пожара». Написано оно в 1956-м. Прочитую три первых четверостишья:

Археологи, ликуя,
Открывают этот слой:
Храм, дворец и мастерскую
Между пеплом и золой,
Луки формы необычной,
Сабель ржавые клинки
И сохранности отличной
Человечьи костяки.
Слой набега, слой пожара –
Он таит предсмертный крик,
Ужас вражьего удара
И безумие владык...

Сообщение в Бертинских анналах за 867 г., на которое до сих пор внимание исследователей не обращалось, с точностью до года датирует появление Рёрика в Ладогe. Хотя анналы – не саги: ни о какой Ладогe ни тут, ни вообще в западноевропейских хрониках, упоминаний нет: «Лотарь... объявил в своем королевстве о наборе войска для защиты родины от норманнов, полагая, что с подмогой данов возвращается Рёрик...».

Лотарь II знает, что Рёрик в 857 г. ушел на Эйдер к данам, в родную свою Ютландия. Но по логике вещей конунг должен вернуться, ведь один раз он уже вернул себе Дорестада, отняв его у Лотаря I, отца Лотаря II.

Тревога императора ложная: хотя в Хедебю Рёрик и впрямь мобилизует рать и строит флот (полагают, что у него под парусами бывало до 300 кораблей), но он не собирается отвоевывать хиреющую столицу Фризии.

Он, бывший при трех императорах-каролингах чем-то вроде министров финансов и печатавший в Дорестаде серебряную монету, получил приглашение с другого конца Балтики. И теперь отправляется в свою новую столицу – Ладогу, город, через который и идет в Европу арабское серебро. Далекая восточная страна, самый край ойкумены, где после изгнания оккупантов началась гражданская война, город от которого остались разве что одни головешки.

В тот год император Лотарь так не дождался нападения Рёрика. Разведка, сообщившая достоверные сведения о подготовке Рёрика к ратному походу и стягиванию в Хедебю огромного датско-фризского флота, видела воинские приготовления датского принца, но не могла знать, что морской лев прыгнет не в

сторону Фризии, а пойдет на восток ойкумены, чтобы заложить фундамент будущей мировой империи. Пойдет в Ладогу, где только что закончилась междоусобная смута, ведь, изгнав оккупантов (находников-свеев), местные племена учинили уже гражданскую распрю.

Первая половина IX в. Серебряная монета из Хедебю, предполагаемой родины Рёрика Ютландского. Над двуголовым (по голове на носу и на корме) драккаром – два бича на коротких рукоятках – символы ветров, гонящих корабль в обе стороны, под днищем корабля рыба. (Сравни с монетой на с. 76.) Музей Викингов в Роскилле.

Археологи выделяют в Ладоге три слоя тотального пожара. Первый – 770-е. (Время Хальвдана Старого, деда Рёрика, конунга Ладоги). Второй – конец 830-х. Это как раз начало шведской оккупации. (Нестор сдвинул начальную дату оккупации Приладожья находниками-свеонами на 859 г.) И, наконец, третий – изгнание оккупантов и последовавшая за этим гражданская война. Летописец запишет: «...встал род на род».

Вот что пишет об этом третьем пожаре разработавший стратиграфическую таблицу ладожского культурного слоя петербургский археолог Сергей Кузьмин (Кузьмин 2000): «В середине 860-х гг. (около 865 г.) поселение очередной раз подверглось полному разгрому. Кроме мощного слоя пожара драматичность этого события подчеркивают обгоревшие останки женщины и ребенка, обнаруженные в заполнении дренажной канавки в раскопе А. Н. Кирпичникова (Кирпичников, Назаренко 1997: 76)». Добавим: мать и дитя погибли близ стоявшего на склоне коренного берега Ладожки срубного двухкамерного жилища с обложенным камнями

очагом и помещением домницы для выплавки сыродутного кричного железа. Видимо, это была семья ладожского литейщика. Антрополог С. Л. Санкина определила, что ребенку было года четыре или пять, ладожанке – лет 35–40²⁷.

Археологические данные и сообщение Бертинских анналов сомкнулись, и мы можем утверждать, что а) Рюрик русских летописей – это Рёрик Ютландский; б) Приходит он в Ладогу не в 862-м, как высчитал Нестор, а в 867 году.

В Ладоге Рюрик первым делом «срубил крепость» на мысовом городище. И за два года отстроил посад. В культурном слое одного из домов оказалось начертанное на деревянном строительном локте стихотворное послание. Эти руны, в середине XX века найденные археологами на ладожском Земляной городище и прочитанные лингвистом С. Л. Николаевым, адресованы нам, потомкам.

Археологические слои Земляного городища Старой Ладоги говорят, что произошло это не в 862 г., как считал Нестор, а на три или четыре года позже. Именно к середине 860-х относится уничтоживший Ладогу тотальный пожар (напомню, что город погиб при восстании против находников или в гражданской смуте, которая последовала за изгнанием иноземцев). Но вскоре кто-то отстраивает Ладогу. Это подтверждено ладожской археологией и даже рунической надписью, обнаруженной на деревянном жезле в слое строительного мусора.

Это послание нам, потомкам, весть о том, что в Ладоге (на Нижней реке, то есть в царстве Змея-Велеса), произошли некие трагические события, в результате которых город и его защитники погибли. Но эта страница теперь перевернута «плугом побед». Ови – бог Один, а ястреб великана Хрима скоро превратится в сокола Рюриковичей²⁸. Ритуальное запахивание – обязательная часть похоронного обряда, с которого начиналось возведение сопки.

Цитирую лингвиста Сергея Николаева²⁹:

«Условное прочтение надписи по-древнеисландски: *[E]s Æfi of variðr hali valr Hrims fránmanna grand fimbulsinni plóga*. Вероятный перевод: Это Эви (или Уви), ястреб Хрима, на хвост которого надето [кольцо]. Для сиятельных (или змеиных)

²⁷ Осенью 1995 г., в один из первых моих приездов в Ладогу, именно на этом месте я обнаружил на археологическом отвале четырнадцатигранную бронзовую гирьку IX в. и в тот же день передал ее хранительнице музейных фондов Староладожского музея Зое Дмитриевне Бессарабовой. Это была первая моя «случайная» ладожская находка, и, как мне тогда же пояснил Евгений Рябинин, – первая весовая гирька, найденная в Ладоге не в сопке, а на селище. На этом же месте мой сын Александр обнаружил древний ювелирный пинцет.

²⁸ См. на «Несториане» мою работу «Не знамя ворона, а знамя сокола» https://nestoriana.wordpress.com/2020/06/17/znamya_sokola/

²⁹ ПВЛ 2012. С. 427

мужей – горе (или: горькое (для) мужей горе), для плугов (или побед) – волшебный/чудесный путь. Изображение ястреба/сокола в охотничьей амуниции, по видимому, было основным или единственным на данном боевом оружии владельца, поэтому характеристика птицы является характеристикой оружия».

В моем стихотворном переводе:

Это Ови – яростный воитель.
Рвется на ловитву ястреб Хрима.
Скорбный путь мужей в низине Змея
Плуг побед волшбой перепахал³⁰.

В Повести временных лет призвание Рёрика датировано 6370 г. Пересчитывая с классического Константинопольского летоисчисления, русские историки XVIII века получили 862 г. по Р. Х. Но вся серия начальных дат ПВЛ дана Нестором по болгарской («старовизантийской») эре, то есть по какому-то болгарскому хронографу. 6370 г. болгарской эры соответствует 6373 г. по константинопольской эре, то есть имеется в виду 865–866 г. по Р. Х.

Итак, на время призвание Рёрика указывают: а) археологически датированный слой тотального пожара Ладоги, предшествующий приходу Рёрика (ок. 865 г.); б) пересчитанное по болгарской («старовизантийской») эре известие ПВЛ о призвании Рёрика (865–866 г.); в) сообщение Бертинских анналов о мобилизации, объявленной императором в связи с ожидаемым нападением Рёрика и данов (867 г.). Нападение не состоялось, а Рёрик становится невидимкой.

Летописная дата оккупации Приладожья может быть соотнесена с ладожским пожаром конца 830-х: греческая «Мю» (40), механически переписанная в глаголическое «М», превращалась в 60. Если в протографе варяжская экспансия была датирована не 6367-м, а 6347 г., то внутри константинопольской эры мы получим 839 г., год прихода к византийскому императору Феофилу посольства народа «рос» (см. Бертинские анналы). Но это и слой пожала конца 830-х, который фиксируют ладожские археологи. В *ПВЛ* сведения об экспансии находников отличаются от сведений о приходе Рюрика тем, что датированы по константинопольской, а не по болгарской эре, то есть летописец должен был извлечь их из какой-то греческой

³⁰ Там же. С. 214–216. Вся эта виса – описание шлема (Вендель-14), на котором наносник выполнен в виде пикирующего ястреба, выпущенного Одином, а раскинутые руки Одина – это два змея, в пасти которых цепочкой тянутся погибшие воины. Горе змеиных мужей – это, надо понимать, о павших ладожанах жителях Поволховья (Альдейгии, т. е. Нижней реки – страны Велеса, Ормаланда). Изображение на этом вендельском шлеме с некоторыми вариациями повторяется и на других шлемах. Рисунок см. в нашем издании ПВЛ на с. 214.

хроники времен императора Феофила, где говорилось о захвате свеонами Приладожья и создании русского каганата.

Следующая «непустая» статья *ПВЛ* рассказывает о походе Аскольда и Дира на греков. Она отнесена летописцем к 6374, но это простая описка, имеется в виду лето 6364 по болгарской эре (859/860). По Никоновской летописи после недатированной статьи «О Варязѣхъ», пришедших «из заморья» и обложивших данью словен, мещеру и кривичей, получаем такой хронологический ряд:

6367 по болгарской эре (862 по Р. Х.) – словене, меря и кривичи изгоняют варягов за море. Начинается междоусобица.

6367 (дата повторена, пустая);

6368 (пустая дата)

6369 по болгарской эре (864) – словене, меря, кривичи и варяги призывают Рюрика.

6370 по болгарской эре (865) – приход Рюрика, Синеуса и Тривора (так! – А. Ч.).

6371 по болгарской эре (866) – поход на болгар Михаила и Варды, голод в Болгарии, крещение Болгарии.

6372 по болгарской эре (867) – убит сын Аскольда, убит Вадим Храбрый.

6373 по болгарской эре (868) – умерли Синеус и Тривор (и тут «Тривор» – А. Ч.).

То есть на другое лето после призвания Рюрика в 867-м. Тут же находим и такую уникальную подробность: «...воеваша Аскольдъ и Диръ полочанъ и много зла сътвориша».

6374 (болгарская дата 6364 + 10) – «Пошли Аскольд и Дир на Греки». (Вставка, поскольку о походе Аскольда и Дира речь в недатированной части в статье «Пришествие агарян на Царьград», предшествующей последней недатированной статье «О Варязѣхъ»).

6375 (болгарская дата 6365 + 10) – возвращение Аскольда и Дира из Царьграда с малой дружиной.

6376 по константинопольской эре (868) – начало царствования Василия. (В дальнейшем даты Никоновской летописи – константинопольские.)

Перед нами шесть идущих друг за другом статей, заимствованных из некоей греческой или болгарской хроники и датированных по болгарской (старовизантийской) эре. Фрагмент Никоновской летописи, который мы здесь рассмотрели, сохранил исторические подробности и мотивировки, частично утраченные в Лаврентьевском, Ипатьевском и прочих списках *ПВЛ*. А поскольку, судя по болгарской датировке, из той же рукописи взята и первая датированная статья *ПВЛ* (6360) г., надо думать, мы имеем дело с текстом, в котором отразилась одна из ранних редакций Повести временных лет.

Существенно, что и по Московско-Академической летописи призвание Рюрика также датировано *6370 по болгарской эре* (865) г. (впрочем, как и предшествующее ему изгнание Варягов за море)³¹.

* * *

Все меньше исследователей сомневаются в тождественности Рёрика Ютландского (Фрисландского) и Рюрика русской летописи.

В последней попытке развести Рёрика и Рюрика (Яманов 2002) новые аргументы отсутствуют. Автор попытался убедить читателя, что «в 857–861 гг., когда Рёрик владел Южной Ютландией, его деятельность не была напрямую связана даже с Западной Балтикой, не говоря уже о Восточной».

Но этот аргумент – всего лишь републикация априорного мнения польского историка Генриха Ловмянского (*польск.* Henryk Łowmiański; 1898–1984), который доказывал, что вся биография Рорика свидетельствует о его стремлении удержаться во Фрисландии а торговые интересы фрисландских купцов не простирались далее Бирки. И Русь, конечно, не попадала в сферу интересов ни фрисландских купцов, ни Рюрика. (Ловмянский 1963).

Генрих Ловмянский пытался учить фризов торговать.

Не получалось. После открытия в ладожском культурном слое заготовок (!) фризских гребней и фризских кувшинов, аргументы Ловмянского мало кто вспоминает. А новых аргументов против отождествления Рёрика и Рюрика у антирёриковских скептиков нет, и им приходится уходить в глухую оборону, игнорируя и археологическую ладожскую реальность, и логику научного поиска.

В Старой Ладоге на противоположном от крепости правом берегу Волхова в урочище Плакун находился скандинавский могильник, который использовался для захоронений в последней трети IX – первой половине X в. (18 курганов, 15 из которых были раскопаны археологами). То есть лежащие здесь скандинавы – не оккупанты-находники, а люди, которые тут жили не один год, то есть ладожане.

В одном из женских погребений были найдены фризские кувшины IX в., орнаментированные серебряной фольгой с изображением креста.

³¹ Подробнее о пересчете летописных дат в моей работе «Рудименты старовизантийской хронологии в русском летописании» (Чернов 2012-а)

В сети: https://nestoriana.wordpress.com/2017/09/05/problema_6360/

В запасниках Староладожского музея:

Конек-единорог. IX–X вв. Бронза. 2,2 × 3,7 см. Найден вместе с комплектом весовых гирек IX–X веков хранительницей фондов Староладожского музея Зоей Бессарабовой в 1981 году в поле разрушенной сопки

(урочище Победище, южная окраина Старой Ладogi);

стеклянный «глазок» и синяя стеклянная лунница из раскопок Евгения Рябинина; ювелирный пинцет IX–X вв. на кирпичниковском отвале осенью 1995-го обнаружил мой сын Сашка (здесь пинцет уже после эрмитажной реставрации), а четырнадцатигранную весовую гирьку на том же отвале, на месте, где стояла мастерская литейщика и погубила его семья, поднял автор этих строк.

Спустя три года там же я подобрал еще одну, сильно руинированную весовую гирьку, которую после сильного ливня вымыло из отвала.

Фото Андрея Усова. Январь 1996 г.

В 1968 г. археологи раскопали здесь погребение знатного викинга лет шестидесяти-семидесяти; по дендрохронологии погребение датировано 890–895 гг. (Черных 1996: 113–119). Археологи отмечают датский характер погребального обряда. Подобный тип захоронений (дощатый гроб в деревянной камере) известен в Ютландии; аналог ладожского погребения найден близ Хедебю (Михайлов 1996: 52). Вероятно, в Ладoge был похоронен кто-то из высших дружинников Рюрика.

В 2008 г. на Земляном городище Старой Ладogi экспедиция А. Н. Кирпичникова в слое середины X в. обнаружила фрагмент глиняной литейной формы (утрачено около одной трети изделия) с частью рельефного изображения сокола в геральдической позе, а в Пскове было найдено изображение увенчанной крестом головы сокола на серебряной подвеске княжеского наместника X в. (обратная сторона увенчана двузубцем Рюриковичей). В это же время точно таких соколов под таким же крестом чеканила на своих псевдодирхемах Ольга (ранее считалось, что Ярополк). Рисунок на литейной форме аналогичен рисунку на монете датского конунга из области Данло в Северо-Восточной Англии Олафа Гутфридссона (Анлафа

Гутфритссона); монета датируется 939–941 гг. (См.: Кирпичников, Сарабьянов 2010: 79; Чернов 2008–2011). В Ладогe по фризской технологии было налажено производство составных костяных гребней, и делали их фризские мастера (Корзухина, Давидан 1969: 16–17; Корзухина 1971: 123–130; Назаренко 1985: 156, 162, 168).

Воскресенская летопись (XVI в.) сообщает: «В то время в Новгороде некий старейшина именем Гостомысл готовился к смерти и созвал тех, кто с ним владел Новгородом. И сказал: „Даю вам совет. Да пошлите в Русскую (sic!) землю мудрых мужей и призовите князя от живущих там потомков римского царя Августа“. Они же пошли в Прусскую (sic!) землю и разыскали Рюрика, происходившего от рода римского царя Августа, и молили его послы от всех новгородцев, чтобы шел к ним княжить».

Тут Пруссия – творчество позднего летописца, дань созвучию с Руstringией, а упоминание о Русской земле – эхо Повести временных лет, рассказавшей о том, что ладожане, в том числе и местная русь, послали за Рюриком к заморской руси.

В более развернутом виде находим тот же сюжет в Иоакимовской летописи, о подлинности которой у ученых нет единого мнения, но никто не спорит, что некие подлинные события, эта рукопись отразила³².

Древнейший вождь словен – старейшина Гостомысл – мелькает в Комиссионном списке Новгородской первой летописи младшего извода, и в Первой подборке Новгородской Карамзинской летописи (XV в.). Местное летописание называет его и «первым новгородским посадником»³³. Имя Гостомысла напомнит прозвище Ярослава Галицкого, названного в «Слове о полку Игореве» Осмомыслом (Восьмимысленным).

Именно при «намыслившем гостей» старейшине Гостомысле расцветает ладожская торговля с арабским Востоком и Скандинавскими странами³⁴.

Рёрику, будучи, как о нем писали, «язвой христианства», то есть человеком крещеным, но впавшим в язычество, силой оружия получил в управление императорский торговый город Дорестад, фактическую столицу Фризии. Потом на Рёрика пало подозрение в измене Лотарю, и он был брошен в темницу. Сумел бежать. И, вернув себе Дорестад силой, доказал свое право на эту землю. Император Лотарь отправил к беглецу посольство, прося вернуться и взять на себя труд по спасению

³² В частности, археологически подтверждено подробно описанное в Иоакимовской летописи выгорание Торговой стороны в год новгородского крещения.

³³ Подробнее о Гостомысле см. наше издание Повести временных лет. СПб., 2012. С. 464.

³⁴ Существует деревня Гостелюбле (Михайловский погост Бежицкой пятины, сер. XVI в.), и существовали Гостьмеричи (в берестяной грамоте № 492, сер. XIV в.) (Васильев В. 2005: 65, 242).

государства от разбойников-викингов. И ведать государственной казной. Саймон Коупленд пишет, что в Дорестаде Рёрик чеканил монеты с именем императора Лотаря (например, с такой легендой: LOTARIVSIMPERAT)³⁵, и это доказывает, что Рёрик был вассалом императора франков (Coupland 1998: 96).

Денарий Лотаря I. 840–855 гг.
+HLOTIARIVS IMP[erator] AV[gvstvs]
Христианин Лотарь император Август (т. е. Великий)

Денарий Лотаря I (?). На реверсе имя монетного двора – DORESTATVS

Людовик Благочестивый. До 840 г.
На реверсе кораблик и имя: DORESTATVS

³⁵ До XVI в латыни графема V обозначала звуки V и U.

Монеты из Дорестада

Арабский дирхем 804 г. (188 г. хиджры)

Молодой Рёрик претендовал на то, чтобы контролировать Дорестада и Хедебю. Но эти города являются важнейшими торговыми центрами Балтики. Третьим таким центром была шведская Бирка. Четвертый, самый важный, – далекая восточная Ладога. Через нее шел в Европу основной поток арабского серебра. И именно здесь уже на закате жизни появляется конунг Рюрик. Так в пользу отождествления Рёрика с летописным Рюриком говорит сама биография конунга, связывающая его с важнейшими торговыми путями, что проницательно угадал еще Н. Т. Беляев (см.: Беляев 1929). Опыт чеканки серебряной монеты в Дорестаде должен был многому научить Рёрика. Видимо, тогда он не только узнал, кто, как и откуда привозит серебро в Северную Европу, но и стал задумываться об установлении контроля над балтийским серебряным потоком.

Напомним, что финансово-производственная схема, которую разработали и осуществили предприимчивые ладожане, проста и монументальна: изготовленные на

Земляном городище бусы меняли у финских охотников на пушнину, а пушнину продавали арабским купцам за дирхемы. По Рябинину ладожская стеклоделательная мастерская работала с 770-х по конец 830-х на импортированном ближневосточном сырье, а не на стеклянном ломе, как это ошибочно излагает А. Н. Кирпичников³⁶.

Петербургский экономист Борис Николаи, в последние десятилетия XX века подолгу живший в Ладого, предполагал, что стеклодельня существовала в режиме эмиссионного банка: сколько пушнины поступило на рынок, столько стеклянных «глазков» и производилось. (См.: Львова 1965–2008; Рябинин 1982; Рябинин 1985; Рябинин 1997; Рябинин 2003.)

Известно, что «в Западную Балтику арабское серебро поступало лишь со второй половины IX в.» (Потин 1970: 64–80; Потин 1982: 127–134), это как раз и есть результат более чем тридцатилетней деятельности Рёрика Ютландского.

Во второй половине IX в. число восточных монет, попавших в клады Швеции и Готланда, резко возросло (Noonan 1994: 225–226; Седых 2005). Если 46 кладов, попавших в землю с 800 по 859 г., содержат немногим более 11 тысяч монет, то только за два следующих десятилетия в 23 кладах обнаружено более 13 тысяч монет. А за последние двадцать лет века (после Рюрика!) лишь 3 клада (в сумме менее трехсот монет). То есть 54 % монет в двадцатилетие 860–880 гг. и 1 % – между 880 и 900 гг. Все клады этого времени найдены в Новгородских землях, по Западной Двине, по Оке и на Верхней Волге. Путь «из Варяг в Греки» по Днепру еще не был пробит.

Найденные в Ладого весовые гири также указывают на время Рёрика. Исследователи отмечают: «Единственным древнерусским памятником, материалы которого могут быть достоверно привлечены для сравнения соотношения гирек разных типов в слоях IX и X вв., является Старая Ладога (Давидан, 1987: 119–126). Самая ранняя находка из старолadoжской коллекции разновесов, к сожалению, не сохранившаяся, происходит из слоя, датированного серединой VIII – серединой IX в. Судя по описи Государственного Эрмитажа, это свинцовая гирька, «представляющая собой род небольшого цилиндра», – наиболее распространенный тип на североевропейских памятниках VIII–IX вв. Первые находки стандартизированных типов относятся в Старой Ладого ко второй половине IX в.» (Жуковский 2018: 143).

³⁶ Новое в археологии Старой Ладого: материалы и исследования / Труды ИИМК РАН. Т. LIII – СПб., 2018. С. 9.

В начале XII века киевский летописец посетил Ладогу и записал: «...Пришедшо ми въ Ладогу, поведоша ми ладожане, яко сде есть: егда будеть туча велика, находять дети наши глазки стекляныи и малыи, и великыи, провертаны, а другыя подле Волховъ берутъ, еже выполоскываеть вода.Отъ нихъ же взяхъ боле ста, суть же различь (*Нестор. Повестъ временных лет. 1114 год*).

Л. В. Войтович полагает, что саги помогают определить происхождение Рюрика. В «Саге об Эйрике Путешественнике» и «Саге о Хальвдане, сыне Эйстейна», где повествуется о событиях последней четверти VIII в., говорится, что конунг Эйстейн, отпрыск норвежских Инглингов и датских Скьельдунгов, потеряв жену, занялся пиратством на Балтике.

Его брату Эрику Путешественнику саги приписывают открытие речного пути в Константинополь – землю Одаинсак («луга бессмертия»).

Эйстейн с сыном Хальвданом Старым овладели Ладогой, где Хальвдан занял престол, а потом его потерял и в 782 г. выступил претендентом на владения в Фрисландии.

Ладожские глазки из раскопок археолога Евгения Рябинина

Л. В. Войтович считает, что Рёрик Ютландский (Дорестадакский и Фрисландский) – потомок Хальвдана, героя древних саг.

Рёрик известен по множеству источников (см.: Coupland 1998: 95–101; из старых работ: Крузе 1836; Крузе 1836а; Беляев 1929: 215–270).

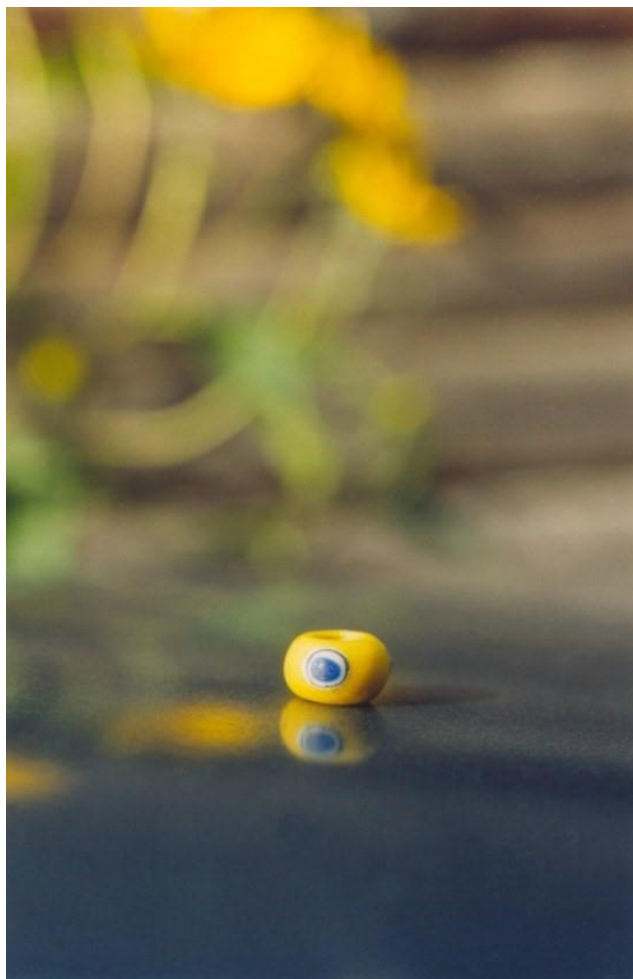
Исследователи дискутируют, был ли Рёрик младшим сыном Хальвдана Старого или его внуком – то есть сыном Ануло или Хемминга.

Л. В. Войтович допускает, что Рёрик был или младшим братом, или племянником изгнанного датского короля Харальда Клака (Войтович 2006-б: 196–

203; Войтович 2015: 148–183). И если Рёрик – потомок правившего в Ладоге Хальвдана, то уже не кажутся фантастическими сведения Иоакимовской летописи (как бы к ней не относиться!) о том, что мать приглашенного на Русь князя Рюрика – словенка Умила, дочь ладожского старейшины Гостомысла³⁷.

Генеалогический и биографический пасьянсы Рёрика по документальным источникам раскладываются непротиворечиво (см. в комментарии к Повести временных лет³⁸), но присутствие в родословной по прямой ветке правившего в Альдейгьюборге в конце VIII Хальвдана Старого, (деда или прадеда нашего героя) и матери-славянки делает логичным путь принца-изгоя сначала к ободритам (где он назван их королем), а после и его экспедицию в Ладогу.

Последнее упоминание Альдейгьюборга в скандинавских сагах (1045 г.) приходится на отъезд Харальда Хардрада из Руси в Норвегию (Джаксон 1993: 244).

Ладожский глазок, подобранный художницей Татьяной Козьминой на Земляном городище. Коллекция Ладожского музея. Фото Андрея Усова

³⁷ Повесть временных лет. СПб., Вита Нова, 2012. С. 464–468.

³⁸ Там же. С. 469–475.

Старая Ладога.

Случайные находки одного ладожского моего лета:
Оселок (Земляное городище; отвал),
навершие плетки в виде головы сокола (XII в., берег Волхова),
скандинавская хрустальная подвеска на серебряной проволоке (X в., Земляное городище; отвал),
глазчатые бусы (VIII–IX вв., берег Волхова и отвал на Земляном городище),
бронзовая подвеска с соляным знаком (берег Волхова),
домонгольское овручское пряслице (огород на Земляном городище)

Научная биография Рёрика не написана, а потому его окружает плотное облако мифов, фантазий и просто недоброкачественных переводов средневековых хроник. Мы до сих пор не научились корректно использовать в своих реконструкциях материал скандинавских саг, которые отображают, пусть и в несколько измененном виде, земные реалии. А саги, в отличие от хронистов, много говорят об Альдейгье – княжестве («королевстве») с центром в Ладоге.

Большую низку собрала, копая картошку, на своем огороде на Земляном городище Старой Ладogi ладожанка Ольга Кузина. Малая низка (она в центре композиции) я составил из глазков, подобранных мною на огородах и археологических отвалах Земляного городища в 1995–2001 гг.

«Глазки» трудоемки в изготовлении. При раскопках ладожской стеклодельни выяснилось, что часть глазчатых бус выбраковывалась самими мастерами. Брак шел в отвал, ведь неудавшийся «глазок» не переплавишь: он многоцветный, а потому и не подлежит переработке.

Под каждым квадратным метром дневной поверхности культурного слоя в Ладоге с полдюжины бус: желтый, синий, зеленый, а изредка черный и молочно-белый бисер, балтийский янтарь, кавказский или индийский горный хрусталь, сердолик, восточные, а потом и средиземноморские наборные, мозаичные и полосатые, скандинавские «печеночные» и оранжевые бусы, сребростеклянные многочастные пронизки и пронизки золотостеклянные (в которых вместо золотой фольги – желтая краска). И на десять квадратных метров раскопа одна глазчатая бусина. Это – лишь полтора процента от всех домонгольских бус Ладоги.

Как же удалось ладожским детям собрать на поселении и на берегу столько «глазков»? Размыло кладовую? Но «глазки» – произведение штучное, они не могли храниться в берестяных туесах, как хранился тот же бисер. А значит, не могли попасть в Волхов единовременно, да еще в столь внушительном количестве. Ведь мальчишки теряют то, что найдут, в то же лето. И никакой паводок, никакая буря не размост в маленькой Ладоге тысячу квадратных метров берега.

Ладожские старушки помнили: в тридцатые годы XX века колесные пароходы швартовались у здешней пристани, а ребяташки собирали на мелководье столько разноцветных бус, что матери потом не знали, куда это добро девать.

И тайно от детей возвращали все дары Волхову.

Если бы «глазки» попали в реку из размытого культурного слоя, мальчишки принесли бы киевскому монаху коллекцию бус – от восточных и средиземноморских до балтийских. И тогда Нестор догадался бы, что глазчатые бусы – только редкая разновидность бус вообще. Но река почему-то «выполаскивала глазки» и не приносила ни янтаря, ни хрусталя, ни сердолика. (Во всяком случае в столь грандиозных количествах!) Значит, в обычае было опускать в волну именно местные, глазчатые бусы. Глаз, некогда оставленный Одином у подземного источника, как нельзя лучше подходил для того, чтобы стать архетипом дани хозяину Нижнего мира.

Мы не первыми задумались об этих подводных кладах. Еще автор «Слова о полку Игореве» по другому, впрочем, поводу заметил, что Игорь «погрузил добро на дно Каялы, русского злата насыпав...» А у Рериха есть картина «Клад захороненный» (1917 г., авторское повторение 1947 г.), на которой рыбак опускает клад с лодки прямо в реку.

Впрочем, говоря о глазках «больших и малых, провеченных», Нестор, конечно имеет в виду не глазчатые бусы, а любые, одноцветные и даже бисер в том числе. В одной из редакций ПВЛ сказано, что, придя к Киеву, Олег прикидывается идущим от Олега купцом и заманивает Аскольда и Дира на свою ладью тем, что обещает показать «великий бисер». Это и есть ладожские «глазки», о происхождении которых при Несторе уже не знали.

По-древнерусски глаз назывался «оком». И слово «око» в письменном языке начинает вытесняться словом «глаз» только с XVII века.

Единственное исключение – приписка Нестора про «глазки». Но по-скандинавски «glas» – стекло, смола, янтарь. Фраза «Открой глаза!» для древнерусского уха звучала бы примерно так, как для нас «Протри фары!»

Может быть, это благодаря ладожской стеклодельне глаз у нас и стал называться глазом?

Надо полагать, что, выходя из ладожской гавани, купцы кидали в Волхов дирхемы и глазки. Это была дань Волхову, дань Велесу. Дно Волхова покрыто двухметровым панцирем ила. А глубина реки – до двадцати пяти метров. Потому-то не все «глазки» и дирхемы могли быть «выполосканы» на берег бурей. Река возвращает лишь то, что попало на мелководье. И, напротив, воронка омута должна была тянуть к центру то, что пришлось даже на ее край.

Очевидно, не случайно сам Волхов начинается с Перыни (это первая его возвышенность, расположенная на берегу Ильменя) и оканчивается у впадения в Ладожское озеро деревенькой Велешей, напротив которой и находится городище Любша.

Фольклорные экспедиции Велешу не посещали, но любая бабка тут расскажет, что имя деревни просходит от имени рыбака «Велеша». И только родившийся здесь еще в начале 1930-х Коля Малин оборвет:

– Да не слушай ты их. Не рыбак это был, а бог.

– Какой еще бог?

– Да бог Велеш.

– А откуда вам про это известно?

Коля Малин посмотрел на меня так, словно я спросил у него, откуда он знает, как зовут его самого:

– А чтоб я помнил... Ну, знаю – и всё...

В запасниках Староладожского музея хранится древнейшее из всех мыслимых изображение змееподобного языческого бога Велеса – деревянный

настенный крюк, найденный Евгением Рябининым на Земляном городище в слое 780-х годов. Эту фигурку принимали за «уточку», но у утки голова заканчивается клювом, а тут – тяжелая челюсть змей-горыныча.

Богу Велесу надо было платить.

И плата была тяжелой.

Имя речки Любши вовсе не так невинно, как это кажется. По-древнерусски «любжа» – приворотный корень, любовное зелье. Слово это в рукописях зафиксировано уже в XII веке. Но есть еще одно северное слово – «люпш» (топляк, затонувшее бревно).

И «любжа» и «люпш» – равно напоминают о древнейшем обычае человеческих жертвоприношений богу Велесу.

Это как в «Слове о полку Игореве» о князе-оборотне Всеславе Полоцком: «На седьмом веку Трояна бросил Всеслав жребий на девицу, себе люблю...» Имя Всеслава для слушателей ясно ассоциировалось с именем Велеса.

Помните подростковую игру в бутылочку? В древности она тоже была известна, только вместо бутылки был кусок звериного ребра. Года три назад на отвале в Ладоге я поднял что-то подобное. Ребро было обрублено так, что, если положить его на ровную поверхность и крутануть, – вращаться оно будет не хуже, чем хорошо сбалансированная рулетка.

У бутылки есть горлышко. А на жребии направление указывает выгравированная острым штихелем стрелка. (Мой жребий без рисунка, но именно с рисунком таких в Ладоге найдено уже два.)

Девы сидят в кружок, а волхв, раскрутив жребий, приговаривает: «Люба, любя, любя... – тут стрелка замирает на избраннице – Люба божа!»

То есть – божья избранница.

В лингвистике такое называется феномен гаплоггии – это когда в слове один слог сокращается. Так восклицание «Люба божа» превращается в похожее на удар ножом «Любожа» (ударение на первый слог). Позже, когда магический смысл слова, а значит, и обряда, был забыт, «любожа», видимо, стала восприниматься как «любжа», а после падения редуцированных звучать «любжа» и «Любша». (Последнее из-за Велеси.)

Хочешь не хочешь, а расплетай косицу, пей чашу любжи – и отправляйся в Любшин омут в объятия к змею-Велесу.

Когда за проверкой этой своей гипотезы я обратился к одному из ведущих российских лингвистов члену-корреспонденту АН РАН Владимиру Антоновичу

Дыбо, он сообщил мне, что на территории России действительно есть речка Любожа. Это правобережный приток среднего течения Оки, и название зафиксировано впервые аж в 1378 г. (Путь из Варяг в Арабы как раз и должен был проходить через эти места.) А еще одну Любжу/Любшу нашел копавший с Евгением Рябининым Антон Дубашинский: это правый приток Одера, и на этой реке существуют славянское городище. Вполне вероятно, что именно отсюда и пришли сначала к Ладожскому озеру, а потом и в среднее Поочье переселенцы-словене.

Если я прав, то в Любшином омуте и упокоились те несчастные девичьи косточки, и те самые ладожские «глазки», за которые можно было спасти собственную дочь от участи Велесовой невесты.

Археологи считают, что за одну красивую бусину на Руси в X веке можно было купить раба или рабыню. Значит, должен был появиться и обычай выкупать у жившего в Любшанском омуте бога Велеса определенную ему в невесты деву.

Сколько часто это практиковалось, мы узнаем, когда сумеем посмотреть, что лежит в этом месте под двадцатипятиметровой толщей Волхова.

Летом 912 года жертвой Велеса становится сам основатель древнерусского государства – Вещий Олег.

Между Велешей и Ладогой в урочище Сопки и находится его могила.

IV. ВАМ ПОКЛОН ОТ ПРИНЦА ДАТСКОГО

«В последнее время богатые клады куфического серебра были найдены на территории владений Рёрика во Фризии...»³⁹ В статье А. А. Горского «Возникновение Руси в контексте европейского политогенеза конца I тысячелетия» содержится решающее доказательство тождества летописного Рюрика с Рёриком Ютландским.

А помимо этого, и свидетельство о том, что сказание о призвании Рюрика в Ладогу – не выдумка летописца. Сделаем выписку:

Один из кладов (*Westerklief I*) датируется временем около 850 г., другой (*Westerklief II*) оказался в земле в начале 880-х гг., незадолго до окончания периода власти норманнских предводителей во Фрисландии. Если в первом присутствуют предметы, маркирующие социальный статус, 78 каролингских монет и 3 восточных, то для второго характерно преобладание арабских монет, причем их количество беспрецедентно для археологических свидетельств пребывания норманнов в Западной Европе – 95 (при 39 каролингских), в том числе 42 целых и 53 фрагментированных (Besteman 2002;

³⁹ Горский А. А. «Клады викингов» на франкской земле и начальная история Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 3 (53). С. 38–39

Besteman 2004a)... На франкской территории (без учета Фрисландии) ближневосточные монеты IX в. и вовсе единичны. [...] Таким образом, по направлению от Восточной Скандинавии на запад наблюдается тенденция к сокращению находок восточных монет (она сохранится и в X столетии при значительном росте общего количества находок) по линии Готланд – материковая Швеция – Дания – Норвегия – Англия – Франкия. Но территория Фрисландии не вписывается в эту картину. Помимо почти сотни монет из кладов *Westerklief* I и II, в Нидерландах в виде отдельных находок обнаружено более трех десятков восточных монет, все близ побережья, в зоне действий норманнов (в том числе 7 – на том же острове Вирингене); при этом только одна из них относится к X в. (когда данов во Фрисландии уже не было), а из остальных младшая датируется 865/66 г. (Besteman 2004b, S. 30–34, 39 (п. 33), 41).

В сумме количество куфических монет старше 890-х гг. во Фрисландии оказывается заметно большим, чем в Англии, при том, что территория норманнской экспансии в Британии второй половины IX в. (Денло) превышает по площади соответствующую территорию во Фрисландии примерно втрое. Более того, число «frisландских дирхемов» оказывается сопоставимо с тем, что обнаружено в самой Дании. Если выделить на датской территории четыре области, каждая из которых примерно равна по площади зоне норманнского присутствия во Фрисландии – Северную и Южную Ютландию, острова Датского архипелага, лежащие в Балтийском море, и Сконе, – соотношение будет следующим: в Северной Ютландии дирхемов старше 890-х гг. зафиксировано в несколько раз меньше, чем во Фрисландии, в Южной Ютландии (откуда происходил Рёрик и его ближайшие родственники) – почти в два раза меньше, и только на островах и в Сконе – несколько больше.

Если учесть, что даны во Фрисландии составляли, в отличие от Дании, незначительную часть населения и пребывали не всё IX столетие, а только менее чем полувековой период (с конца 830-х гг., а постоянно – с 850 по середину 880-х, см.: Blok, 1978), а также тот факт, что большая часть дирхемов старше 890-х гг., обнаруженных в Дании, – это не имеющие во Фрисландии аналогов находки из раскопок крупных скандинавских торгово-ремесленных поселений, неизбежен вывод, что на территории норманнского присутствия в Нидерландах восточные монеты IX в. встречаются относительно чаще, чем в Дании, хотя исходя из географического положения следовало ожидать прямо противоположной ситуации.

При этом местом их особой концентрации (80 % находок) является остров Виринген, который расценивается нидерландскими исследователями как вероятная главная база Рёрика (см.: Besteman 2002, p. 447–451; Besteman 2004a, p. 103–105)

Очень похоже, что археологические находки во Фрисландии являют собой свидетельства «предпосылок» перемещения Рюрика в Восточную Европу: он

отправился не в неведомую землю, а в ту, с которой имелись налаженные отношения, в том числе экономические»⁴⁰.

Последний вывод, впрочем, можно оспорить: эти находки говорят о том, что Рёрик уже переместился в Ладогу. Младшие куфические монеты из клада *Westerklief* II датируются 871/72 г., а каролингские – 877 г.

Рёрик и отправился в Ладогу потому, что арабское серебро поступало в Европу исключительно через Ладогу.

5 марта 2021 на сайте Института археологии РАН появилось сообщение о том, что специалисты определили место, где черные копатели в 2016 г. нашли клад арабских дирхемов второй половины VIII – третьей четверти IX в. – один из самых крупных кладов куфического серебра этого периода, найденных в бассейне Оки (Рязанская область) Клад назван по ближайшим населенным пунктам Хрущёво-Тырновским. 226 монет – по большей части дирхамы Аббасидов. Эта династия правила Арабским халифатом в 749–1258 гг. Старшие монеты – 751–752 гг., поздние – в 873–874⁴¹. То есть клад зарыт во время правления Рюрика. А самая старая монета указывает на время замирения арабов с хазарами. Тогда арабское серебро и пошло по Оке в Ладогу, ведь она – повторим! – была серебряными воротами, через которые куфические монеты шли в Западную Европу (в основном в земли, контролируемые Рёриком Ютландским).

V. ТЕНЬ ВЕРГИЛИЯ

В торговом фрисландском городе Дорестаде отпрыск младшей ветви датских королей Рёрик Ютландский служил Каролингам, владел леном и печатал для

⁴⁰ А. А. Горский. Возникновение Руси в контексте европейского политогенеза конца I тысячелетия. Ссылки у Горского на: *Besteman J.*, 2002. Danish rule in West Frisia: a failed Normandy in the 9th century // Centre, region, periphery; Medieval Europe Basel 2002. Vol. 1. Hertingen; *Besteman J.*, 2004a. The two Viking hoards from the former island of Wieringen (the Netherlands): Viking relations with Frisia in archeological perspective // Land, sea and home: Proceedings of a conference on Viking-period settlement at Cardiff, July 2001. Leeds.

Besteman J. C., 2004 б. Scandinavisch Gewichtsgeld in Nederland in de Vikingperiode // Van Solidus tot Euro: Geld in Nederland in economisch-historisch en politiek perspectief. Hilversum. Blackburn M., 2008. The coin-finds // Means of exchange: Dealing with silver in the Viking Age (Kaupang excavations project publication series, vol. 2. Aarhus. На бумаге: Горский А.А. «Клады викингов» на франкской земле и начальная история Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. №3 (53). С. 38–39.

⁴¹ https://www.archaeolog.ru/ru/press/news/arkheologi-opredelili-gde-byli-nayden-klad-dirkhamov-viii-vekov-izyatyy-uchernykh-kopateley?fbclid=IwAR3vKiWpx7SW3_PLEvdZvaPrpd97YYfzPqV7o_6pQJcgirFi5dGdBDfe8X8

потомков Карла Великого серебряную монету. Он был образцовым министром финансов, о чем Каролинги будут вспоминать и после смерти Рёрика.

Но в начале 860-х рукав Рейна, на котором стоит Дорестада, обмелел, и город, отрезанный от водной артерии, стал хиреть. В то же время рухнули и надежды конунга занять датский престол. В это время ладожане – словене, кривичи, финские племена и русь (местные ладожские скандинавы, появившиеся здесь еще в середине VIII века) – посылают за Рюриком «к руси», которую летописец локализуется между «готами и аглянами», то есть на территории Фризии⁴².

На трехстах кораблях Рёрик отправляется из Фрисландии на другой конец Балтики, в устье Волхова, город славян Ладогу, и приводит из Рустрингии (Восточной Фрисландии) на будущую Русь «всю русь», то есть своих рустрингов и данов.

Можно гадать, читал ли христианин Рёрик по латыни, или сюжет «Энеиды» он знал из устных пересказов окружавших его утрехтских клириков, но встроенный в иерархию Франкской империи Карла Великого знатный норманн не мог не знать, с чего начиналась Римская империя. Пойдя с запада на восток, он на Балтийском море поступил ровно так, как на Средиземном после падения Трои поступил Эней, который с остатками троянцев на двадцати кораблях пошел с востока на запад, высадился в устье Тибра и, женившись на дочери местного царя, основал то, что его потомки превратят в Римскую империю.

Энея, сына Венеры и смертного, Юпитер гонит в Италию потому, что это прародина троянцев. Рерик – Скьёлдунг (то есть потомок бога Одина) также ищет свою прародину: по сагам его дед конунг Хальвдан Старый одно время правил в Ладоге. Да и в новгородское предание повествует о том, что Рюрик – сын дочери словенского старейшины Гостомысла.

И, замыкая сюжет: «Энеида» посвящена Августу, потомку Энея, а в средневековом «Сказании о князьях Владимирских» отразилось новгородское предание о том, как в поисках князя для своей земли Гостомысл направляет мужей за море, и те возвращаются с Рюриком, потомком императора Августа.

В чем разница между хитроумным Одиссеем и умным Энеем? В том, что первый отдал Сцилле шесть своих товарищей (Харибда погубила бы всю команду), а второй не выбирал между Сциллой и Харибдой. Он просто нашел окольный путь.

За полтысячелетия до того, как Вергилий показал итальянскому поэту ад, он же указал датскому принцу-изгою путь на Русь.

⁴² Ипатьевская летопись. ПСРЛ. Т. 2. М., 2001. С. 4.

VI. КТО БЫЛ ОТЦОМ РЁРИКА?

Историки не знают, кто отец Рёрика Ютландского.

Рёрик и его брат Харальд – внуки Хальвдана. Их дядя – Харальд Клак, однако неясно, кто из братьев последнего был отцом Харальда и Рёрика.

В поколении Рёрика существуют:

Годфрид Харальдсон, сын Харалда Клака, внук Хальвдана Старого. Упоминается в Фульдских, Бертинских и Ксантенских анналах с 820 по 856 г. Он двоюродный брат Рёрика Ютландского и Дорестадакского.

О Рёрике: Рёрик Дорестадакский (Ютландский и Фрисландский) – младший брат Харальда (Ксантенские анналы, 850 г.). Умер до 882 г.

О Харальде: Харальд, старший брат Рёрика. О нем известно, что: «Рёрих (Roríh), из народа норманнов, который во времена императора Хлудовика (Hludowici) по бенефициарному праву (ius beneficii) получил вместе со своим братом Хериольдом деревню Дорестада (Dorestadum). После смерти брата и после смерти императора [Хлудовика], при Хлотаре, который наследовал правление своего отца, по ложному обвинению в преступлении, если верить слухам, Рёрика арестовали и посадили под стражу» (Фульдские анналы, 850 г.).

Согласно Д. Тууку (*Tuuk* 2005), под арест брата попали в 844 г., и предполагается, что Харальд умер в заключении.

Среди братьев предыдущего поколения (один из которых стал отцом Рёрика) был Рёгнфрид – правитель Дании. Умер в 814 г. Его брат – Харальд Клак Хальвдансон. (Рёрик назван племянником последнего.) В 845 году после побега из тюрьмы Рёрик бежит к викингам (ободритам), которыми правит некий принц Рёгнхери. Итак, Рёрик неожиданно объявляется у славян-ободритов, среди которых уже живет в качестве их «принца» (princers) норманн Рёгнхери. После его смерти Рёрик станет «королем» (rex) викингов. Так по Ксантенским анналам.

С. Л. Николаев предположил, что Рёгнхери – сын Рёгнфрида, одного из братьев предыдущего поколения младшей ветви датской династии. И убедительно аргументировал это редкостью первой части имени Рёгн- в древнедатских именах, сославшись на передачу того же начального компонента имени от отца Рогволода (*Ragnvaldr*) к его дочери Рогнеде (*Ragnheiðr*).

Такое сближение имен есть косвенное подтверждение сведений Повести временных лет о том, что Рёрик приходит на Русь вместе с братьями. Их звали, конечно, не Синеус и Трувор, но какого-то ближайшего своего родственника Рёрик

должен был отправить в Полоцкую землю. В противном случае появление ветви Рогволода необъяснимо. Рогволодами были названы и сын, и внук Всеслава Полоцкого. Отчину свою полоцкие князья, чуравшиеся быть потомками Владимира Святославича, вели по женской линии (от Рогнеды) и считались Рогволодовыми внуками. Надо думать, что и ладожский (с 1019 года) посадник ярл Рёгнвальд Ульвсон – из той же родовой ветви. (См. с.467 в нашем издании ПВЛ.)

Принц Рёгнхери и впрямь может быть только сыном датского короля Рёгнфрида. Поясним: Рёрик из тюрмы бежит не абы куда, а под защиту брата, который у славян-винодов не просто военный вождь, но вождь в статусе принца. Оба брата винадам не чужие: вспомним отразившееся в «Иоакимовской летописи» новгородское предание. Оно утверждает, что мать Рюрика – дочь старейшины ильменских словен Гостомысла.

Викинг Рёгнхери занимает высокое место в социальной иерархии ободритов. Пусть мать Рёгнхери – знатного рода славянка, но норманн Рёгнхери принцем назван не по матери, а по отцу.

У славян в IX веке не было князей и королей, у них были старейшины. Однако западноевропейские анналы к этой подробности нечувствительны. Как раз в это время славянское имя Гостомысл (*Gestimus* в латинской передаче Ксантентских анналов 844 года) встречается и среди имен «королей» винадов. Это может быть и приильменский Гостомысл, о котором рассказывает татищевская «Иоакимовская летопись» и именем которого в Комиссионном списке Новгородской летописи открывается список новгородских посадников. Хотя, скорее, речь о двух разных Гостомыслах: один живет на восточной оконечности Балтики, другой – на западной.

Винодский Гостомысл умирает в 844-м. Проходит год и погибает принц Рёгнхери. Поскольку он не назван королем (в отличие от Гостомысла!), значит, Гостомыслу он не наследовал, а принцем назван как наследник Датской короны.

Рёгнхери, – и впрямь принц, если его отец – Рёгнфрид, король Дании (в 812–814-м). Отмеченная С. Л. Николаевым преемственность родового имени подтверждает: отец Рёгнхери – именно Рёгнфрид. После смерти Рёгнхери ободриты избирают «королем» его брата Рёрика. Однако в социальной иерархии винадов, Рёрик наследует ободритскому Гостомыслу, а не своему родной брату «принцу» Рёгнхери. Выходит, что наш Рюрик – Рёрик Рёгнфридсон.

Дожившее до XVIII века новгородское предание о Рюрике как о сыне дочери ильменского Гостомысла, выданной замуж «за море», подтверждается сообщением Ксантентских анналов о Рёрике, бежавшем из заключения и два года бывшем королем

и винодов. Дискуссионным остается вопрос, имеем ли мы дело с двумя Гостомыслами (ободритским и ильменским), или существовал торговый союз винодов и ильменских словен. Если существовал, то латиноязычный хронист мог напутать и упомянуть о смерти в 844 году восточноевропейского старейшины. Но это предположение из области гаданий.

Рёгнфрид (*Ragnfrid*) (умер 814) – король Дании с 812 года, после смерти Хемминга. В 813 году он и его братья были изгнаны сыновьями предыдущего короля Гудфреда. Вероятно, Рёгнфрид был сыном Хальвдана, датского лидера, который стал вассалом Карла Великого в 807 году и братом Ануло (умер 812), Хемминга (умер 837) и Харальда Клака (умер около 852 года). По смерти Хемминга в Дании находились только Рёгнфрид, Харальд и их брат Хемминг. В 813 году сыновья Гудфреда выгнали трех соправителей. Только Рёгнфрид попытался вернуть царство, но был убит в попытке вторжения в 814 году, как записано в *Annales regni Francorum*.

Ярл Рёгнвальд Ульвсон, родственник Ингигерды, в 1019-м ставший посадником в Ладоги, должен быть потомком Рёгнфрида.

А вот мнение А. А. Гишпиуса:

«В посадничьих списках фигурирует и еще один персонаж, в антропонимическом отношении тяготеющий все к той же семье. Это посадник Гюрята. Он отождествляется со знатным и влиятельным новгородцем Гюрятой Роговичем, который был связан с Ладогой, посылал своих людей для сбора дани на Печору и послужил для летописца в 1114 г. информатором об обитателях далеких северных земель. Следует обратить особое внимание на его отчество. Оно образовано по характерной для древненовгородского диалекта модели, а именно с усечением исходного сложного (двуосновного) антропонима до первой основы (ср.: Хотеслав – Хотович, Богуслав – Богшич и т.п.), и может быть истолковано как восходящее к имени Роголод, соответствующему древнескандинавскому Рёгнвальд. В обнаруживающемся повторении одних и тех же антропонимов проявляется, весьма возможно, не просто ономастические, но и внутрисемейные связи. А значит допустимо видеть в новгородских посадниках Улебе (Ульве, сыне Эйлива?) и Гюряте Роговиче (сыне Рёгнвальда?) соответственно внука и правнука ярла Рёгнвальда Ульвссона. По летописным данным, потомство Гюряты Роговича прослеживается среди высшего боярства Новгорода по крайней мере вплоть до 30-х гг. XIII в.»⁴³.

⁴³ Гишпиус А. А. Рагоуиль (Страница из истории русского именослова) // Русистика. Славистика. Лингвистика: Festschrift für Werner Lehfeldt zum 60. Geburtstag. / Ред. Sebastian Kempgen, Ulrich Schweier, Tilman Berger. – München, 2003.

Имя Рюрик попало в летопись, как утверждает С. Л. Николаев, в шведской огласовке. В Дании он звался Рёрик. Но почему летописец избрал именно шведское звучание имени Рёрика? Вспомним, что Ингигерд, жена Ярослава Мудрого, при котором русское летописание и должно было начинаться, – шведка. Швед и ее родственник ладожский посадник ярл Рёнгвальд. А его потомок – новгородский посадник Гюрята Роговиче, сын Рёнгвальда (?). С Гюрятой в Ладоге встречался Нестор, от него летописец и узнал про то, что Рюрик пришел именно в Ладогу (Новгорода еще просто не существовало), отстроил деревянную крепость (прежняя, если и была, то сгорела или во время изгнания находников-оккупантов, или во время последовавшей за этим смуты), а на третье лето перенес свой стол к Ильмену.

Мы имеем дело с двумя редакциями Повести временных лет, и обе они принадлежат Нестору. Первая – написанная в Киеве, в ней Рюрик приходит в Новгород. Вторая редакция создана в 1114 г., то есть после того, как Нестор посетил Ладогу и там от Гюряты узнал сохраненные потомками ярла Рёнгвальда подробности о том, где был первый стол Рёрика.

Напомним: Рёрик Ютландский печатал для трех поколений каролингов серебряную монету, а арабское серебро шло в Европу через Ладогу. Львиная доля всех кладов с арабским серебром близ побережья Балтики в Западной Европе приходится на годы правления Рюрика в Ладоге и на Городище у истока Волхова. Этот аргумент в отождествлении конунга Рёрика с князем Рюриком – самый веский.

VII. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЙ ПОРТРЕТ РЁРИКА ФРИСЛАНДСКОГО НА ПОДВЕСКЕ ИЗ КЛАДА С ОСТРОВА ВИРИНГЕНА

Вернемся к серебряному кладу с военно-морской базы Рюрика на острове Вирингене. Полагаю, что профиль Рёрика Ютландского дошел до нас на серебряной подвеске середины IX века, основой которой стала перечеканенная драхма иранского шахиншаха рубежа VI–VII вв. Хосрова II, старинная уже во время Рёрика.

Изображений Рёрика неизвестно, так почему же это он?

Портрет иранца был затерт и сверху прорисован профиль другого человека.

Это ни о чем бы не говорило, если б клад не был зарыт на территории военно-морской базы Рёрика. (Самая молодая из 78 монет, отпечатанных в этом городе Рёрика датируется 850 г.) В составе клада есть и монеты из Дорестада, где Рёрик чеканил серебряные деньги для Каролингов: как раз в 850-м изгнанный из Дании

принц силой вернув себе Дорестада, И вновь задумал вернуть своей родовой ветке корону датских правителей, утраченную в 814 г. его убитым отцом.

Для этого в 854 г. он начнет войну с датским правителем Хориком II. Он знает, что в случае победы инсигния власти (нагрудные подвески с его изображением) нужны будут для чиновников его королевской администрации. Вот почему, профиль кого-либо иного на этом артефакте маловероятен.

Инсигния власти Рёрика.
Серебряная подвеска из клада с острова Вирингена

Я послал это изображение во Львов профессору Леонтию Войтовичу, и он заметил, что нижняя часть лица, вероятно, перекрыта наборным ламеллярным (от лат. *lamella* – пластинка, чешуйка) пояском – паворозью (паверзью), шнурок с закрепленным на нем пластинами металла.

Традиция пускать ламеллярные паворози не под подбородком, а по подбородку, дожила до двадцатого столетия у кавалеристов и моряков. Так прикрывают оголенный подбородок от прямого удара в лицо, и такой способ ношения

не позволяет мягким тканям шеи войти в соприкосновение с краями металлических пластин и пораниться при резком движении. Кроме того, так пластинчатый ремешок не зацепится за ворот или шейную гривну. И, наконец, так легче в бою крутить шейей.

Барабанщик британской армии. 1856 год

В моем ленинградском детстве на Васильевском острове, в Гавани, в ветреный день так носили фуражки морские офицеры. Данный способ крепления ремешка гусарского кивера можно увидеть на современных исторических реконструкциях.

Ношение гусарского кивера

На подвеске из клада с Вирингена перед нами конунг в короне, а корона на рыцарском шлеме. Столь статусный рисунок может быть знаком того, что Рёрик намерен отвоевывать утраченную его отцом корону Дании.

А теперь (спасибо моему сыну Александру Чернову!) рассмотрим восточную параллель, ставшую прототипом этого портрета.

Перед нами иранская серебряная драхма Хосрова II. Разница изображений в том, что затерты изображения четырех полумесяцев со звездами над ними, все арабские буквы превращены в подобие беспорядочной листвы. А портрет правителя перерисован: усы и борода сбрита (на персидских монетах скоплением точек обозначалась борода, датский художник превратил бороду в ламеллярную паворозь), подбородок оголен, ухо затерто, и стала частью паворози серьга из трех расположенных треугольником вершиной ввысь жемчужин (это именно серьга, а не византийский императорский перпендулий, как на золотнике Владимира Святославича). Ну а на шлеме вместо цветка розы – зубчики европейской королевской короны.

Рисовавший Рёрика художник (датчанин или фриз) мог не знать латинских букв. (Какая-либо надпись на подвеске отсутствует.) Ему важно было создать узнаваемый образ своего принца, который пошел отвоевывать отцовскую корону. (Создавалось что-то вроде мандата или одновременно бейджика.) Скорее всего, была

изготовлена серия отливок для раздачи в Дании уполномоченным новой администрации после победы Рёрика. Инсигния власти нужна для предъявления неграмотному населению.

Художник и постарался передать индивидуальные черты Рёрика. (Как они переданы на монетах Карла Великого и его сыновей.) Судя и по экспрессивной индивидуальности образа, и по сравнению с портретами потомков Рюрика, это художнику удалось.

Инсигния власти Рёрика и ставшая ее основой иранская монета Хосрова II (Empire Sassanide, Iran – Husrav (Khosrau) II. AD 590-628 Drachm – Argent)

Может показаться, что датский художник перерисовал и одежду: тугой ворот ожерелья стал скандинавской шейной гривной и на ней возникла круглая подвеска (подобная той, для которой делалась эта), полы верхней одежды разошлись на груди, исчезли две расположенные друг над другом пуговицы. Однако среди многочисленных портретов Хосрова II на драхмах разного чекана встречаются и такие, в полураспахнутом верхнем одеянии.

Написав в Лейден Аннемарике Виллемсен (*Dr. Annemarieke Willemsen*), хранителю средневекового фонда в Национальном музее древностей, я получил ответ: портреты Рёрика неизвестны, а основой для подвески стала персидская монета, дошедшая в руинированном состоянии. Подвергался ли каким-либо исправлениям рисунок на монете, профессор Виллемсен не упомянула. Однако исправления могли быть минимальными: не так сложно затереть ненужные знаки на монете, которую решено превратить в символ власти. Дошедшая без утрат пятикратная жемчужная

окантовка свидетельствует, что перед нами знак владычества (но не древнего иранца, а именно Рёрика).

Перелицовка рисунка на старой иранской монете осуществлялась, или путем зачистки и напайвания, или путем изготовления накладки на монету.

Рёрикова подвеска изготовлена на основе пришедшей из Ладого иранской драхмы, окантованной по кругу пятью рядами пронизок. Но перелицовка осуществлена не на Монетном дворе, а каким-то кустарным способом. Носил эту фибулу, надо полагать, кто-то из флотоводцев конунга. О том, насколько в IX в. портрет императора на книжной миниатюре может быть похож на его же портрет на мелкой пластике, можно увидеть вот на таком примере:

Карл II Лысый. Миниатюра из его Псалтири. 842–869 гг.

Оттиск печати Карла II Лысого

Расскажем о втором технологическом варианте превращений монеты в инсигнию. Сначала мастер, раскатав восковой шарик, превратил его в плоскую лепешку и обрезал заподлицо по размеру монеты. После лопаточкой стилоса (обратной стороной железного писала) загладил то, что хотел исправить, а острым концом (вероятно, нагретым в пламени светильнике) нанес новый рисунок. Вслед за этим он залил воск жидкой глиной и положил заготовку сохнуть.

Так получилась литейная форма. В нее мастер и влил с десятков граммов расплавленного серебра (или оловянистого сплава), а когда металл застыл, разбил опоку. Получилась тонкая пластинка с новым рисунком, которую оставалось лишь припаять к иранской монете, предварительно заполировав обе поверхности. Окаменевший в своем условном монументализме восточный лик на наших глазах превратился в европейский портрет – динамический, индивидуально-личностный, психологический.

Существуют два типа драхм Хосрова II. На одних рисунок восхитительно условен (по типу детского рисунка «Точка, точка, запятая...»). Другие, как представленные выше, подражают архаичной статике древних изваяний. Но те и другие не имеют ничего общего с рисунком на серебряной варяжской подвеске из недр острова в Северном море, Рёрикова острова.

Итак, лик перерисован, борода превращена в павези/паворози, которые переосмыслены художником как ламеллярный ремешок, державка шлема. И на головном уборе появились треугольные зубчики европейской короны. Четыре звезды вместе полумесяцами по всему аверсу затерты, а все арабские буквы переделаны в подобие хаотичной листвы.

Я уже писал, что, отправляясь в Ладугу, Рёрик копирует судьбу самого популярного в средневековье героя – Энея, который тоже принц, и тоже изгнан в результате военного поражения, и вроде обжился на чужбине, а потом боги указали ему плыть в другую землю и создать мировую империю.

Но, может быть, перелицовывая драхму шахиншаха, Рёрик думал и о дошедшем до Персии Александре Македонском, который принял титул «Царь Азии» и всерьез размышлял о завоевании всего мира?

Перелицовка портрета очевидна. Я просмотрел в сети сотни драхм – ничего подобного нет ни на одной. Осталось выяснить, каким способом – путем изготовления накладки, или резцом и пайкой изготовлена подвеска.

И что за изображение на еще двух подвесках из клада?

Если тот же портрет, тогда это знак достоинства для будущих Рёриковых управителей в Дании.

Увы, в 2020-м сделать это возможности не было. Пока нет ее и сегодня.

ЗАМОРСКИЕ ГОСТИ

Татьяне Джаксон

I

Ничего, что облако
Из сырого войлока,
Если ветер волоком
Тянет нас за облаком.
Альфа да Омега –
Ладога, Онега.
Ледяное лего.
Небо цвета снега.

II

В древнем Дорестате,
В юном Хедебю
Принц не ради рати
Снаряжал ладью.
Час исхода горек.
Горше не бывает.
Датский конунг Рёрик
В Гарды уплывает.
Указал Вергилий
Пойти путём Энея.
Хорошая книга –
Радость книгочея.

Петербургский историк и археолог Сергей Белецкий заметил, что профиль Рёрика на его инсигнии (если, конечно, это и правда Рёрик) напоминает и профиль новгородского князя Ярослава Владимировича, чей портрет есть на фреске в Спасо-Переображенском собора на Нередице, и профиль Ярослава Мудрого.

Ярослав Мудрый.
Реконструкция по черепу, сделанная М. М. Герасимовым

Князь Ярослав Владимирович.
Фреска из Спасо-Преображенского собора на Нередице.
На плече геральдическое изображение сокола.
Фреска написана после смерти князя в 1207 г.

На левом плече сокол в боевой оснастке – с ошейничком

Рассмотрим прижизненный портрет Владимира Святославича, внука Рёрика. На его золотой монете он анфас, но сходство образа с горбоносыми Рюриковичами очевидно:

Владимир Святославич. Портрет на его золотнике. До 1015 г.

Рёрик. Профиль на фибуле. Частичная компьютерная расчистка

Рёрик Ютландский. Рисунок Виктора Богорада. 2021 г.

Л. В. Войтович пишет мне о взятии Ладоги:

– Сага о Хальвдане, сыне Эйстейна, сообщает, что в Альдейгьюборге правил старый конунг Хергейр, имевший жену Игерд и дочь красавицу Ингигерд («она была прекрасней всех девушек»). Эйстейн подошел к Альдейгьюборгу со своим войском («у Хергейра войска было мало»), завоевал этот

город; после него конунгом стал Хальвдан, который в дальнейшем завоевал Бьярмаланд (Корелу) и вернулся с победой в Альдейгьюборг.

– Сага о Стурлауге рассказывает, что Альдейгьюборг, где и правил старый конунг Ингвар, имевший дочь Ингигерд («она была прекраснее всех женщин и очень мудрая»), которая отказала Фрамару, прибывшему в Альдейгьюборг с шестьюдесятью ладьями. Тогда Фрамар вернулся в Швецию, получил помощь Стурлауга, который занял город, сделал Фрамара конунгом и отдал за него Ингигерд. И правил сначала Фрамар «советуясь с лучшими людьми в той стране»).

– Сага о Хрольве Пешеходе (о том же): «Хреггвид звался конунг, он правил в Хольмгардарики... дочь, которую звали Ингигерд; она была прекраснее и обходительнее всех женщин во всей Гардарики».

– Сага о Тидреке Берском, Песня о Хюндле из Старшей Эдды; и, наконец, Младшая Эдда Снорри Стурлусона: «Конунга звали Хальвдан Старый, он был славнейший из всех конунгов... Он был великий воин и далеко ходил на Восток, там он убил на поединке того конунга, которого звали Сигтрюгг, он женился на той женщине, которую звали Альвиг Мудрая, дочери конунга из Хольмгарда, у них было 18 сыновей...»

Из этих фрагментов я сделал вывод, что этот ряд саг (все они из цикла «саг о Древних временах») отображает реальные версии удачного нападения викингов на Ладогу. В этом нападении принимали участие вожди Хальвдан Старый, его отец Эстейн, тесть Эймунд, Стурлауг, его сын Хрольв и товарищ Фрамар. Предание это пересказали разные скальды, сделав главными героями своих заказчиков⁴⁴. Возможно, также, что удачных нападений, о которых рассказывают саги, было два – первый раз Эстейн захватил Ладогу где-то в конце VIII в. и посадил там Хальвдана, который позже вернулся в Ютландию. А ок. 852 г. (или даже немногим раньше) уже швед Фрамар при помощи Стурлауга овладел Ладогой, которую потерял после восстания 860 г., логично, что ладожане обратились к Рёрику, сыну Хальвдана, чтобы с помощью датских викингов отбиваться от шведских.

Сделаю лишь одну поправку: вместо «ладожане обратились к Рёрику, сыну Хальвдана» надо читать «ладожане обратились к Рёрику, внуку Хальвдана».

Поскольку, согласно по сагам, Хальвдан правил Альдейгьюборгом (Ладогой) во второй половине VIII века, а Рёрик родился в начале IX века и пришел в Ладогу в 860-х, всё становится на свои места.

И мать Рёрика действительно могла быть ладожанкой, как о том говорит новгородское предание. Время призвания Рёрика и прихода его на Русь определяется по трем независимым источникам:

– Археологически датированный слой тотального пожара Ладоги, предшествующий приходу Рёрика (ок. 865 г.) и найденный в Ладоге в куче послепожарного строительного мусора рунический стержень.

⁴⁴ Войтович Л. Княжа доба на Русі: портрети еліти. Біла Церква, 2006. С.199

– Пересчитанное по болгарской («старовизантийской») эре известие о призвании Рёрика указывает на 865–866 г.

– Сообщение Бертинских анналов о мобилизации, объявленной императором в связи с ожидаемым нападением Рёрика Ютландского и данов (867 г.). Нападение не состоялось, а Рёрик просто исчезает из поля видимости западноевропейских хронистов.

ЗАМОРСКИЕ ГОСТИ

Леонтию Войтовичу

Куда ни устремляешь очи –
Ни огонька по берегам.
Лишь кровенеют тут и там
Сорочьи ягоды да волчьи.

Клубится варево ночей
То серое, то смоляное,
И солнце вязкое, стальное –
Бледней, чем даже блеск мечей.

Тебе давно за пятьдесят.
На почве датской в Дорестате
Ты, что твой Гамлет, был некстати.
Не спятил?.. Сам и виноват.

Сойди на берег. Оглядись.
Здесь крепостцу на славу срубишь,
Аборигенку приголубишь,
Но сына сделаешь *надысь*.

Найдёшь в потомстве торжество.
Таких как ты не время лечит.
Перелиняет старый кречет,
И крепче когти у него.

Поспела ягода крушина –
И жжёт язык, и вяжет рот.
И остаётся наперёд
Испить из фризского кувшина.

2008

VIII. СКОЛЬКО В ДРАККАРЕ ЛАДЕЙ-ОДНОДРЕВОК И КАК СМЕРТЬ ВЕЩЕГО ОЛЕГА ЗАПЕЧАТЛЕНА НА ДРЕВНЕЙ МОНЕТЕ ИЗ ХЕДЕБЮ

Когда-то археолог Евгений Рябинин показал мне статью в одном археологическом сборнике (не свою). Там была таблица, анализирующая распределение находок из восточно-славянских курганов викингов: Гнёздово и еще два поселения помельче. И в каждом из трех мест в одном из пятнадцати курганов были найдены весовые гири.

Просто мистика какая-то....

Я рассказал своему сыну, десятикласснику Сашке. И он нас оборжал:

– Пап, ты в пионерах был?.. Допустим, известно, что в твоём классе тридцать пять человек, а сколько учеников в пионерском звене мы почему-то не знаем. Но каждого звеньёвого на рукаве нашивка или значок, по-нынешнему – бейджик. Известно, что пионервожатая выдала на класс семь нашивок. Можешь определить, сколько учеников в пионерском звене?..

Позор на наши седые головы... И на рябининскую, и на мою...

Мы же знали, что большие скандинавские драккары в тридцать пять пар весел (плюс капитан, пара помощников и пара рулевых) не могли пройти по Волхову ниже Старой Ладogi. Через пороги их было не перетащить. Поэтому драккары оставались зимовать в гавани Старой Ладogi, а экипаж каждого пересаживался на ладьи-носады (они же моноксили, то есть однодревки с надставленными бортами).

Но Саша объяснил: на каждой ладье был человек с весами (и гириками!) для взвешивания серебряной монеты. Если весовые гирики всюду находят в одном из пятнадцати курганов, значит, ладья вмещала 15 воинов и имела семь пар весел.

Так и ходили на Царьград.

В последних числах июня 2020 г. я обнаружил в сети фотографию викингской монетки, недавно найденной в датском Хедебю.

Хедебю – родина Рёрика Ютландского, торговый город, который потерял, когда был изгнан из Дании, но вернул себе в 857 г., за несколько лет до своего броска в Ладogu.

Статья про Хедебю здесь:

<https://fiord.org/articles/other/goroda-hedeby.html>

Дело в том, что Хедебю находится не у Балтийского моря, а в тридцати километрах от него, и к морю можно попасть только по широкой, но неглубокой реке.

Это если идти на восток. А если на запад, то, перетащив ладьи посуху к другой реке, попадешь в Северное море. Ни по одной, ни по другой реке тяжелые драккары не пройдут. Значит, в Хедебю надо плыть на ладьях. Именно на таких, которые выгравированы на монетке из Хедебю.

Пересчитал щиты на правом, повернутом к нам борту. Их семь (по числу гребцов с этого борта). Значит, всего гребцов четырнадцать. Плюс кормщик.

Серебряная монетка из Хедебю. Сравни с монетой на с. 38

На аверсе погребальная ладья с подобранными парусами и отсутствующим кормовым веслом. Круглые щиты на борту объаты пламенем. (Это заметил петербургский художник Юлий Рыбаков.) Горит и борт ладьи: изображенные вертикальными точками язычки огня вырываются к небу на носу и на корме.

Под ладьёй плывущая вверх брюхом снулая рыба.

Даты нет, и есть соблазн предположить, что ее могли отпечатать на принадлежащем Рёрику Монетном дворе в голландском Дорестаде или Хедебю. Но монетка не IX, а, X или даже XI века.

Это следует из того, что на реверсе ладожско-скандинавский сюжет из 912 года. В этой драме лишь три персонажа: старик (его лицо удлиняет клиноподобная борода) – конь – змея в атакующей позе. Однако человек ее не видит, ведь он занят конем, точнее – воспоминанием о любимом коне. Плотная смертная сень над головой коня, перекрывая сектор обзора, отделяет его от змеи.

...Так я полагал, пока, просматривая древнеримские монеты из Галии, не обнаружил параллель к скандинавской монете с сюжетом гибели Вещего Олега. И была эта параллель лет на тысячу старше. Изображенная над конем плотная завеса, это, скорее всего, – ритуальная распашка площадки под сопку. Такие борозды металлического рала на материке археолог Сергей Кузьмин лет двадцать назад показывал мне на Волхове, в Дубовиках. Именно так выглядело основание раскопанной Кузьминым сопки на правом волховском берегу. (Черные полосы на рыжевато-матом грунте были видны до первого дождя.) Смертной сеткой резчик и украсил Олегову монету. Что имел в виду античный мастер, я не знаю. На его монете борозды тоже наложены в виде сетки, отличие лишь в том, что здесь пашня засеяна. Вот эта сень на реверсе древнеримской золотой монетки из Галии:

Ок. 60 до н. э. Париж. Статер. 6,96 g. Delestrée Tache 83

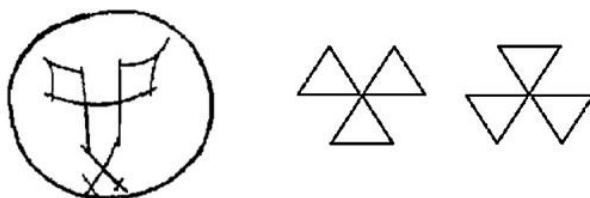
Ну а рыба под днищем – еще более древний сюжет античных монет:

ΘΟΥΡΙΩΝ. Лукания, Статер. Серебро. IV–V в. до н. э. 7,52 g

В сагах человека зовут Орвар-Одд, он правит в Альдейгии (Ладоге), а в русском дописьменном предании это гибнущий в Ладоге от змеи и коня Вещий Олег. (Кстати, ученые согласны, что русский вариант по отношению к скандинавскому первичен.)

Почему это именно про Олега? Потому, что на монете под ногами коня геометризованный до трех равносторонних треугольников, поверженный долу рогами вниз геральдический знак. Это что-то среднее между двузубцем Рюрика и Рюриковичей (до Владимира, у которого гербовым знаком был трезубец) и трискелионом. Но трискелион свастикообразен, он раскручивается вокруг своего центра, а тут три треугольника, как три наконечника стрелы, устремлены в точку центра. То есть это не двузубец и не трискелион, а другая, хотя и графически родственная эмблема. Сравним с двузубцем Олега Святославича, второго сына Святослава Игоревича (граффити на монете 910/911 г.)⁴⁵.

Двузубец Олега, второго сына Святослава Игоревича, и два варианта предполагаемой эмблемы Вещего Олега

Объясним, почему перед нами конь, а не олень с ветвистыми рогами. Рога не были бы изображены при помощи квадратной сетки (такой, какой обозначены круп кон, тело рыбы и паруса). Позднейшие резчики викингских монет, подражающих этой монете, восприняли штриховку как олени рога, а на оригинале это непроницаемая завеса, отделяющая настоящее от будущего. Завеса эта нужна, чтобы передать мысль о недоступности человеческому зрению всего, что будет: змея уже готова к броску, но герой, печалующийся о любимом коне, ее не видит.

Поиск в нумизматическом наследии викингов параллели к монете Олега. Их несколько. Но сначала та, чей аверс мог стать архетипом для нашей монеты (реверс, увы не опубликован). Это серебряная монета из Музея викингов в Роскилле, первой столицы Дании, предположительно, Хедебю, ок. 825 г.⁴⁶

Есть и другие монеты, которые обнаружены в датском болоте близ Рибе⁴⁷.

⁴⁵ См. С. В. Белецкий. Древнейшая геральдика Руси. / Повесть временных лет. СПб., 2012. С. 435.

⁴⁶ <https://fiord.org/media/vikings/naydannye-pervyy-chekannye-monety-vik.html>

⁴⁷ <https://zen.yandex.ru/media/historygothy/serebro-korolia-gudfreda—unikalnyy-klad-epochi-vikingov-5bec16e233501200a9884e96>

Но приглядимся, на этих монетках конь превратился в оленя, а змея то ли в длинный, закрученный спиралью язык оленя, то ли в подобное лиане гибкое растение, которым олень лакомится⁴⁸.

Предполагают, что отпечатаны в Хедебю ок 825 г. Но датировка, как я понимаю, с потолка. Просто потому, что Гутфред перевел купцов из разрушенного им города Рерика в Хедедю.

Монеты с оленем и змеей могли предшествовать Олегову сюжету на такой же монете, и тогда на монетке из Хедебю олений сюжет переосмыслен как Олегов. И треугольный трилистник (мотив традиционный для викингов) превратился в княжеских двузубец.

Нечто подобное С. В. Белецкий обнаружил на граффити на монете 910/911 гг. (!) и атрибуировал как знак Олега (Бывают же такие случайные совпадения!). Но не Вещего, а Олега Святославича, второго сына Святослава Игоревича. (При этом не я ему подсказал, а он сам вспомнил эту параллель.)

Но думаю, что всё как раз наоборот. Монетка из Хедебю – исходная. Там каждая деталь говорящая, каждая в сюжете на своем месте. А другие подобные монеты (из датского болота) просто формальные подражания резчиков, не знающих сюжета саги про Орвара-Одда. А если и знающих, то не узнавших его на исходной монете.

Чеканы изнашивались быстро, их приходилось перерезать вновь и вновь. А поколения менялись... И конь превратился в оленя, голова Орвара/Олега в солнце, геометризованный двузубец в геометрический трилистник. И змей на этих монетках почему-то целуется с оленем. А на аверсе на ладье девять щитов, рыба из мертвой, плывущей вверх брюхом, стала и на рыбу не похожа, полена поленом.

То есть то, что они датируют первой четвертью IX века, скорее всего, поздний X или даже XI. Что ж, подождем, когда отыщется еще хотя бы один геометризованный двузубец, так или иначе связанный с Вещим Олегом. Обнаружение в Хедебю двух серебряных монет времен Рёрика и Вещего Олега (да еще с сюжетом гибели Олега!) может говорить о том, что и в начале X в. чеканка на этом монетном дворе продолжалась.

⁴⁸ <https://auction.violity.com/ru/new/1485-ladi-i-oleni-v-danii-obnaruzheny-redkie-serebryanye-monety>

И тут одна: <https://www.vikingskibsmuseet.dk/en/visit-the-museum/exhibitions/previous-exhibitions/the-world-in-the-viking-age-2014/about-the-exhibition>

IX. ОЛЕГ И ЕГО ЩИТ⁴⁹

Как сообщает Повесть временных лет, в 906/907 году Вещий Олег повесил свой щит на царьградские врата. Летописец полагал, что это знак победы. То, что это знак защиты – догадка историка Игоря Данилевского, предположившего, что Олегов щит на стене – библейская реминисценция. Пророк Иезекииль говорит о воинах, защищавших город Тир и повесивших на его стены «щит и шлем»[1]. Однако московский историк несколько спрямил сюжет, который вовсе не идентичен Олегову сюжету: не о защите, а зримо явленном «величии» заботятся защитники Тира: «Перс и Лидиянин и Ливиец находились в войске твоём и были у тебя ратниками, вешали на тебе щит и шлем; они придавали тебе величие. Сыны Арвада с собственным твоим войском стояли кругом на стенах твоих, и Гамадимы были на башнях твоих; кругом по стенам твоим они вешали колчаны свои; они довершали красу твою» (Иез.: 27. 10–11).

И. Н. Данилевский считает, что автор ПВЛ взял этот сюжет из Ветхого Завета и, чтобы раскрасить рассказ о малоизвестном ему князе, вписав в повествование об Олеговом походе библейские подробности.

Покажем, что летописец пользовался хотя и устными, но все же довольно надёжными сведениями об Олеге, но догадка Игоря Данилевского о щите как о символе защиты, как это ни парадоксально, по сути верна.

Со ссылкой на императора Льва VI Премудрого (886–913)[2] греческий автор XV века сообщает, что на крышке гробницы императора Константина Великого было начертано пророчество: «Семихолмный град падет, когда вражеские корабли перейдут посуху перешеек, но падет не навсегда. Явятся люди от рода русокудрые и возьмут город под свою защиту»[3]. В начале X века пророчество сбылось. Подступив к Константинополю, Олег разыграл перед изумленными греками грандиозный спектакль – поставил свои ладьи на колеса и двинул суда через перешеек на город. Так позднее сделали и знавшие о пророчестве с гробницы Константина турки, когда в 1453 г. по специально построенным желобам перетащили корабли во внутреннюю гавань Константинополя. О чем и повествуют турецкие авторы.

Вещий Олег приходил к Царьграду именно при Льве VI. А, значит, Лев VI Премудрый сам и мог быть автором этого «прорицания». (Оставалось только начертать его на гробнице Константина и сообщить о пророчестве в русский лагерь.

⁴⁹ См. Чернов 2012-б

И потом ждать, когда Олег поведет ладьи на штурм каменных стен, чтобы предложить ему мирный договор, дань. И отравленное вино с отравленной кашей).

В этой истории, первую часть которой мы знаем по греческим источникам, а вторую по Повести временных лет, всё – загадка. То ли Олег узнал о пророчестве от кого-то из своих лазутчиков, то ли византийцы сами решили поторопить исполнение пророчества, через перебежчика сообщив о нем Олегу. Когда князь поведет ладьи посуху, греки запросят мира. И одновременно попытаются отравить вождя северных варваров, вынеся ему отравленное вино и брашно.

Разгадав их замысел, Олег и получает прозвище Вещий.

Византийцы постарались побыстрее забыть имя Олега. Лишь Псевдо-Симеон (конец X века) пишет, что у росов был некий могущественный правитель, от коего «росы получили свое имя». (Это же мы читаем про Олега в Повести временных лет: это при нем в Киеве словене, чудь и русь прозвались Русью.) И Псевдо-Симеону имя дано, «когда им благодаря какому-то предостережению или божественному озарению того, кто господствовал над ними, удалось избежать предсказанного оракулами». (Отсюда, кстати, может происходить и известный лишь по «Слову о полку Игореве» этноним *русичи*, то есть потомки Роса/Руса.)

Итак, Псевдо-Симеону известно, что под стенами Константинополя Олег ослушался своих прорицателей и совершил то, от чего они его предостерегали[4]. Но не погиб. Что сделал Олег под стенами Царьграда мы знаем – заключил мир с греками. А он действительно должен был погибнуть, если б хлебнул вынесенного ему из города отравленного царьградского вина. Отвергнув дары врага, он разоблачил коварство греков, но посрамил не их, а своих волхвов, потому что это волхвы говорили: не заключай мира – погибнешь!

Это пророчество, или угроза?.. Как подметил Сергей Мирон, с которым мы сняли три телефильма о Ладоге и Любше: «Волхвов бояться – к Велесу не ходить».

О том, что Вещий Олег больше, чем князь, свидетельствуют первые строки его договора с греками (912 год). Олеговы послы называют его великим князем. «Мы от рода русского – Карлы, Инегелд, Фарлаф, Веремуд, Рулав, Гуды, Руалд, Карн, Фрелав, Руар, Актеву, Труан, Лидул, Фост, Стемид – посланные от Олега, великого князя русского, и от всех, кто под рукою его, – светлых и великих князей, и его великих бояр...».

Упоминание о «светлых и великих» князьях, находящихся под рукой Олега, говорит о в некоем генеалогическом факторе, возвышающем его и его великих князей

над всеми прочими князьями. Таким фактором может быть только принадлежность Олега к Ингнингами, или Скьёльдунгам.

По *Sage о Скьёльдунгах* родовое имя шведской династии *Инглингов* происходит от имени Ингона, сына Одина. Иное утверждает Снорри Стурлусон в *Sage об Инглингах*: третьим правителем, согласно Снорри, после Одина и Ньёрда, был бог Фрейр, которого «почитали больше, чем других богов, потому что при нем народ стал богаче, чем был раньше, благодаря миру и урожайным годам. Фрейра звали также Ингви. Имя Ингви долго считалось в его роде почетным званием, и его родичи стали потом называться Инглингами» (*Круг Земной*. С. 16).

Инглинги правили свеями с III или IV века и вели свой род от бога Одина. Столицей была Старая Упсала. Саксон Грамматик полагал, что в древности в Уппсале находилась резиденция Одина. На рубеже тысячелетий Инглинги царствовали в Швеции (первая половина IX века–1060 год) и в Норвегии (первая половина IX века–1319 год).

Но Олег не может происходить из династии Инглингов. Он – родич и ближайший соратник Ютландского Рёрика, соперника Инглингов. А это значит, что, скорее всего, он – Скьёльдунг.

Что же говорят специалисты? Мнение Е. А. Мельниковой:

«Оказавшись на Руси, скандинавский вождь неизбежно включался в две этнокультурные сферы общения: круг дружинников-норманнов, пришедших вместе с ним из Скандинавии или влившихся в его отряд уже в Восточной Европе, и круг его новых подданных – славян, часть из которых вовлекалась в состав дружины и войска. Для первых семантика его имени актуализировалась в условиях удачных военных походов, объясняя успехи князя. Оно было значимым как имя, объясняющее отвагу и удачу в войнах предводителя, который осуществил мечту любого “морского конунга” – завоевал и подчинил себе обширную и богатую территорию, объединив несколько разрозненных земель, и, наложив дань на соседние народы, стал в ней верховным правителем. Он совершил именно то деяние, которое рассматривал как свое главное достижение конунг Средней Ютландии Харальд Синезубый (середина X в.), с гордостью указавший в надписи на втором Еллингском камне, что он “тот самый Харальд, который подчинил себе (дословно: *завоевал себе*. – Е. М.) весь Данмарк и Норвегию”. Аналогичные слова мог бы сказать о себе и Олег. Киевский князь материализовал в действительности тот комплекс представлений о сакральности конунга, который воплощался в слове *helgi*»[5]. И там же: «...личное имя Хельги/Хельга в дохристианское время имеет специфическое распространение: оно

отмечается прежде всего в именовании Скъёльдунгов – легендарной династии правителей о. Зеландия с центром в Лейре, которые стали героями разветвленного цикла героико-эпических сказаний, а также в других циклах и сюжетах древнескандинавского эпоса, происхождение которых может быть связано с датским и норвежским культурным ареалом. Лишь в редких случаях оно встречается вне героико-эпического контекста и принадлежит, возможно реально существовавшим лицам – региональным правителям в Дании и в Норвегии, чьи кланы не находились в родстве со шведско-южнонорвежской династией Инглингов».

Исследовательница отмечает сакральность имени, но сакральность герою может дать только его принадлежность к божественной династии.

Впрочем, у Мельниковой есть и другие доказательства.

«Этимология имени первого русского князя никогда не вызывала сомнений: др.-рус. *Ольгъ* > *Олегъ* восходит к древнескандинавскому антропониму *Helgi*.

Это имя соответствует прилагательному *helgi* (стяженная и слабая форма прил. *heilagr* < **hailagaz*, др.-англ. *hālig* и др.), которое получило широчайшее распространение в Скандинавии в христианскую эпоху в связи с тем, что за ним закрепилось значение ‘святой’: *Heilagr Kristr* ‘Святой Христос’ (в рунических надписях XI в.) Предполагается, что и имя *Helgi-Олегъ* также имело значение ‘святой, священный’, а в языческую эпоху отражало представления о сакральности верховной власти. Рефлекс этого значения имени (или просто его перевод) был недавно усмотрен и в прозвище Олега – ‘Вещий’. Таким образом, скандинавское имя киевского князя *Helgi* получило в славянской среде двойное отражение: фонетическое и семантическое. Результатом первого было личное имя *Ольгъ* > *Олегъ*, вошедшее позднее в русский именованье, результатом второго – прозвище ‘вещий’, в котором исходное значение имени, отражающее представления о сакральности как воплощении физической и духовной целостности и личной удачи, было переосмыслено в категориях славянского язычества».

Там же: «Наибольшую известность в германском мире имели три персонажа героического эпоса. Первый – представитель легендарной датской (зеландской) королевской династии Скъёльдунгов Хельги. Он впервые упоминается в англосаксонских поэмах “Видсид” (VIII в.) и “Беовульф” (VIII в.) как *Halga Til* – Хальга Сильный. Позднее о нем говорят Саксон Грамматик, Снорри Стурлусон, “Сага о Скъёльдунгах” и ряд саг о древних временах».

И там же: «С героико-эпической традицией связаны также еще три менее известных персонажа. Два из них выступают в сюжетах героического сватовства: это Хельги, конунг Халогаланда, сватающийся к дочери короля финнов, Гуси, обладателя волшебных стрел (которые затем оказываются у Одда Стрелы), и Хельги, жених дочери датского конунга Фродо по имени Хельга, который проходит ряд героических испытаний. Третий Хельги включен в мотив поединка двух сводных братьев, который, вероятно, восходит к германской “Песни о Хильдебранте”. Эти три сюжета не подвергались специальным исследованиям, но можно предположить, что первый из них, включенный в контекст обширного сказания (или цикла сказаний) о “людях из Хравнисты”, норвежского хутора (к этому кругу сказаний принадлежит и история Одда Стрелы), имеет норвежское происхождение»[6].

Скьёльдунги (*англ.* Scylding, *мн. ч.* Scyldingas; *древненорв.* Skjöldung, *мн. ч.* Skjöldungar) – легендарные короли данов. Родоначальник династии – Скьёльд также считался сыном бога Одина.

Почему-то до Олега ни один викинг, русич, либо иной европеец, щитов на ворота не вешал (во всяком случае про то ничего не известно). Первый из Скьёльдунгов считался сыном бога Одина и звался Скьёльд. Но в древнеанглийском и древненорвежском скьёльд – это щит. Выходит, Олег повесил на вратах свой герб? Отнюдь. Изображения на Олеговом щите могло и не быть. Просто сам щит (скьёльд) – материализованное родовое имя Скьёльдунгов.

Это не может быть простым совпадением: древний канон публичного жеста правителя, как и канон мифологического мышления, не только иерархичен, но и строго подчинен сакральной семантизации. Здесь нет и не может быть случайностей. Если Олег прибывает к воротам Константинополя свой щит, то это означает, что Олег считает себя Скьёльдунгом. Конунг из рода Инглингов никогда бы не позволил себе такого действия. Из этого символического жеста потомка Скьёльда позже и родилась европейская геральдика. Поэтому в случае, к примеру, с соколом Рюриковичей из Старой Ладogi, мы должны говорить не о гербе, а о личной, или родовой эмблеме, а в случае с двузубцами и трезубцами – о родовом или личном княжеском знаке.

Герб – от латинского *heraldus*, то есть глашатай. Обрядовым актом воодружения своего щита (вероятно, еще не украшенного никаким рисунком) на врата византийской столицы Олег провозгласил себя защитником Царьграда. Но впоследствии оказалось, что, сам того не подозревая, провозгласил он и учреждение новой традиции – геральдической.

Геральдика народится лишь через два века после похода Олега на Царьград, в первой половине XII столетия. Герб отличается от эмблемы тем, что рисуется на щите, или на фоне щита. (Потому геральдисты утверждают, что герб СССР – не герб, а герб РСФСР – полноправный герб). Легенда о щите – отголосок недошедшей до нас киевской саги о Вещем Олеге. И эта легенда не могла возникнуть в XII веке, ведь летописец уже не знал, что Олег – Скъѣльдунг.

[1] См. 1) *Данилевский И. Н.* Библия и Повесть временных лет. // Отечественная история, 1993, № 1. С. 88–89; 2) *Он же.* Повесть временных лет. Герменефтические основы изучения летописных текстов. М., 2004. С. 152–153. <http://www.noogen.su/danilevsky-diss.pdf>

[2] Смерть императора нами передатирована. (Чернов 2011).

<http://narod.ru/disk/19672881001/aZbirnukVojtovuch.pdf.html> или

<http://www.box.net/shared/u8mqxui7np0a2kb6cy28>

[3] «Сюжетные и образные формы предсказаний о латинском завоевании Константинополя не только не предаются забвению при Палеологах, но, наоборот, в канун османской угрозы в XV в. оживают с новой силой, относясь уже к новой исторической ситуации и к другим народам и правителям. Так, Лаоник Халкокондил вспоминает известные «Сивиллины пророчества» в связи с книгой Льва Мудрого (II, 169). В так называемой «Большой Хронике» Сфрандзи сообщается, что «наимудрейший император ромеев Лев сам составил гороскоп и определил, что власть агарян... протянется на триста лет (ср.: PG 107, 1140A); и светловолосый народ сокрушит всё (племя) исмалитов» (316). Последнее свидетельство, сопоставимое со словами Робера де Клари о завоевателях Константинополя, является парафразой, воспроизведенной Геннадием Схоларием надписи, украшавшей гробницу первоимператора Константина I Великого: «Семихолмный град падет, когда вражеские корабли перейдут посуху перешеек, но падет не навсегда. Явятся люди от рода русокудрые и возьмут город под свою защиту». Этот текст повторится в 1631 г. в Хронике Псевдо-Дорофея. К событиям 1453 г. апеллирует и Хронограф редакции 1512 г. (ПСРЛ XXII–1, 450), ссылаясь и на пророчества времен императора Константина, и на Льва Мудрого, и на Мефодия Патарского...» *М. В. Бибииков.* Латинское завоевание Константинополя в свете пророческих текстов. // Тезисы докладов XVII Всероссийской научной сессии византистов. Москва 26–27 мая 2004. С. 24. <http://korolev.msk.ru/books/4/theseiss.html>

[4] Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под редакцией Е. А. Мельниковой. М., 1999. С. 115.

[5] *Е. А. Мельникова.* Ольг/Ольг/Олег [Helgi] Вещий. К истории имени и прозвища первого русского князя. Источник: Ad fontem. У источника. // Сборник статей в честь С. М. Каштанова. М.: 2005. С. 138–146. <http://www.ulfdalir.ru/literature/735/2004>

[6] *Там же.*

Х. ЗЛОЕ ЛЕТО 6421

Уточнение даты второго договора Вещего Олега, смерти византийского императора Льва VI, гибели Олега и начала княжения Игоря Рюриковича

Лев VI, припадающий к трону Иисуса. Мозаика в соборе св. Софии в Константинополе

*...Слова Подпоручик Кижс, Стивен, Рыбин и Азанчеев назначаются император исправил: после первого к вставил преогромный ер, несколько следующих букв похерил и сверху надписал: Подпоручик Кижс в караул. Остальное не встретило возражений.
Тынянов. Подпоручик Кижс*

Хронология средневековья – хроническая головная боль медиевистов. Исчисления по сентябрьскому, мартовскому и ультрамартовскому новолетию, несколько разных реперных точек «от Сотворения Мира», счет не только по солнечному, но и по лунному году, рудименты разновременных календарных реформ, многократный – при составлении новых летописных сводов – перенос первоначальной даты в другую систему координат [1], астрономические да

арифметические ошибки и, наконец, просто описки... [2] Прибавим к этому, что вдумчивый переписчик, заметив ошибку, подчас мнимую, накладывал на слой начальных датировок слой собственных интерпретаций – и календарных, и вербальных.

Таким бывает переотложенный культурный слой: если археолог не фиксирует малейших нарушений стратиграфии, истории памятника он не прочтет.

Слово «календарь» происходит от латинского *calendarium* (долговая книга), и по этой книге долг медиевистов перед музой Клио весьма внушительен. Историки и филологи – гуманитарии по определению, и, как правило, не имеют навыка математических и астрономических штудий. Поэтому запутанная проблема оказалась еще и запущенной. Если даже в классической монографии Н. Г. Бережкова априори утверждается, что все датировки в Повести временных лет – мартовские [3] (а это, как выяснилось, не так), приходится мириться с тем, что данная тема ждет своего исследователя, вооруженного суммой новейших инструментов – в том числе оперативно работающими электронными календарями и таблицами [4].

Пока медиевисты вынуждены верить письменным датам, а читатели – медиевистам, ошибка в один год считается приемлемой. Однако в ряде случаев такая неточность приводит к искажению последовательности, а, значит, и смысла событий. Проиллюстрируем это двумя частными примерами – исправлением ошибочной даты смерти константинопольского императора Льва VI и наблюдениями над датировкой второго договора Вещего Олега с греками, позволившими заключить, что договор подписан Олегом 2 сентября 6421 (912), а не 6420 (911) года.

При этом первый вывод будет подтвержден вторым.

1. КОГДА ЗАКОНЧИЛОСЬ ЦАРСТВОВАНИЕ ЛЬВА VI?

Константин Багрянородный был объявлен императором трех лет от роду 15 мая 908 года, но коронован лишь в Пятидесятницу 9 июня 911 года. С этого дня императорский трон делят трое: Лев VI, его брат Александр и сын Константин.

6 июня 913 года Константин становится самодержцем. В 7 главе VII книги «Истории» Льва Диакона об этом читаем:

«Когда император Лев, заболев тяжелым недугом, переселился из этой жизни и вслед за ним последовал брат его Александр, то престол ромейский, перешедший к малолетнему сыну Льва Константину и к августейшей Зое, заколебался...».

Обратим внимание на отмеченное Львом Диаконом временное сближение: «Когда император Лев... переселился из этой жизни и вслед за ним последовал брат его Александр...»

Дата смерти Льва VI не вызывает у историков сомнений. С нее начинается рассказ об этом василевсе Продолжатель Феофана: «После смерти Василия двадцать пять лет и восемь месяцев царствовал самодержец Лев» [5]. Поскольку Василий I скончался 29 августа 886 года, нетрудно выяснить, что Лев VI отходит в мир иной в конце апреля, или в мае 912 года. Хронист уточняет, что произошло это 11 мая. Однако он же приводит и две других даты. И оказывается, поскольку исчисления там минимальны, они куда более надежны.

Из этих двух первая дана так: «Во время царского выхода в святой Мокий, в день Пятидесятницы» в церкви святого Мокия на Льва VI было совершено покушение. Император выжил, и некий мудрейший монах Марк предрек ему, что бояться новых покушений не надо: «...»суждено тебе, господин, владеть отныне царством десять лет». Так и случилось: как исполнилось десять лет в тот же день, когда был ударен, скончался» [6].

11 мая – поминовение великомученика Мокия, в чью церковь в тот день и должен был отправиться император. В дошедшем до нас тексте Продолжателя Феофана сказано, что это была Пятидесятница. Но это ошибка, заключающаяся в пропуске одного единственного слова, а, скорее всего, двух- или трехбуквенного его сокращения: в 903 году на день Мокия приходился праздник Преполовления Пятидесятницы [7]. Картину проясняют рассказы о покушении 903 года в Псамафийской хронике [8] и в Хронике Симеона Логофета [9]: «Когда наступил *праздник Преполовления Пятидесятницы*, император посетил храм великомученика Мокия...».

Прибавляем к 11 мая 903 десять лет и получаем не 11 мая 912, а 11 мая 913 года [10]. Продолжатель Феофана сообщает:

«Постигнутый желудочной болезнью царь Лев настолько обессилел, что, овладев собой, с трудом смог по царскому обычаю произнести: “Видите, как зачах и иссох я от болезни. Вряд ли пребуду с вами до дня Христова Воскресенья”. <...> Одиннадцатого мая, в день третий, пятнадцатого индикта скончался царь Лев, передав царство своему брату Александру. Рассказывают, что, увидев приближающегося к нему Александра, Лев сказал: “Дурное случится через тринадцать месяцев”. И горячо просил беречь его сына Константина».

Недоверие Продолжателя Феофана к источнику («рассказывают...») понятно, ведь источник – анонимный слух. (Другое дело – «именное» пророчество монаха Марка, прозвучавшее 11 мая 903 года.) Впрочем, хронист знает, как задним числом пекутся мнимые пророчества. И, как мы еще убедимся, оказывается прав в своих сомнениях: Лев сказал то, да не то...

Откроем западнорусскую редакцию Хронографа 1512 года («Русского Хронографа»). Как полагал А. А. Шахматов, в основе его лежит капитальный труд по всемирной истории, принадлежащий сербскому писателю и некогда крупному византийскому чиновнику (в ранге министра) Пахомию Логофету, который не позднее 1438 года приехал в Новгород с Афона [11]. Ценность этого сочинения, дошедшего в своде Продолжателя Пахомия, не только в грандиозном охвате материала, но и в том, что автор, очевидно, работал с неизвестными нам рукописями, в частности, с более полным и исправным текстом Продолжателя Феофана [12].

По «Русскому Хронографу», Лев VI «на издыханіи послѣднемъ рече брату своему Александру: “Вижу о тебѣ, о любимый мой брате, яко лютѣ тебѣ съдержати царство, понеже лѣто сие зло – 13 мѣсяць имать”» [13].

А. Г. Кузьмин писал: «Влияние лунного года, возможно, сказывается и в некоторых русских источниках, но, видимо, дольше всего оно сохраняется на славянских Балканах, как это можно видеть в комментарии к походу Олега в Хронографе западнорусской редакции: «Лето сие зло...» [14].

Мы привыкли к тому, в Волга впадает в Каспийское море, а в году двенадцать месяцев. Но тринадцать месяцев одного года – тринадцать лунных месяцев. А это указывает на использование в Византии лунно-солнечного календаря, в котором после трех «добрых» 12-месячных лет возникает один «злой» в 13 месяцев. Дополнительный лунный месяц появлялся из-за того, что лунный год на 11 дней короче солнечного.

«Русский Хронограф» рисует идиллическую картину любви двух братьев-императоров и не ставит под сомнение традиционное толкование пророчества Льва VI. Но он сохраняет в неотредактированном виде фразу, которую на смертном одре адресовал брату-соправителю Лев VI. Смысл ее весьма прозрачен: люто будет тебе удержать царство в этот год, ибо он злой, в нем тринадцать месяцев.

Другими словами: ты, как и я, умрешь в это злое лето.

Трудно решить, что перед нами – пророчество, или угроза. Возможно, Лев VI и впрямь имел в виду, что сторонники малолетнего Константина не подведут и устранят брата – развратника и идолопоклонника. Продолжатель Феофана сообщает,

что Александр, хотел оскотить Константина Багрянородного, тем самым лишив отрока права на престол. Вот и младший современник тех событий «арабский Геродот» Аль-Масуди (ок. 896–956) пишет об Александре: «И говорят, что он был убит за свой худой нрав и безобразное правление» [15].

В «Русском Хронографе» акцент падает на «лето сие». «Этот год» кончается 31 августа, от него и осталось лишь три месяца... А следующее лето – уже не «злое».

Значит, согласно пророчеству Льва VI, Александр должен умереть до 1 сентября.

Он не дотянет и до июля.

Итак, Василий, отец Льва и Александра, умер 29 августа 886 г., за два дня до Нового года. В статье лета 6395 (887) Лаврентьевская летопись сообщает: «...Лев... и братъ его Олександръ, иже царствоваста лѣтъ 20 и 6». То есть оба царствовали 26 лет и оба умерли в 913 г. Но и на это прямое указание, восходящее к некоему древнему византийскому тексту, историки, увы, внимания не обратили.

Пророчество императора в адрес беспутного его брата перетолковали, как поняли: «Дурное случится через тринадцать месяцев». Однако Лев VI сказал о тринадцати месяцах «этого злого лета», а не о том, что брат еще 13 месяцев удержится на троне.

Постсовременники рационализировали сказанное. Но Лев на смертном одре рыкнул и проше, и страшней.

Позже, когда дата смерти Льва VI забылась, ее определили, отсчитав тринадцать месяцев от смерти Александра. Это попало и в «Русский Хронограф»: «И бысть тако, яко рече. И по смърти его точно 13 мѣсяць царствова Александръ». Перед нами комментарий летописца, заимствованный им из Хроники, некорректно отредактированной еще в Византии. Но в тексте, принадлежащем, как мы полагаем, продолжателю афонско-новгородского историка Пахомия, чудом уцелело и само непонятое пророчество Льва VI.

Специалист по средневековой хронологии А. В. Журавель, прочитавший первый вариант этих заметок, сообщил мне, что текст Продолжателя Феофана сохраняет рудименты лунного календаря. Это ясно из указания: «Одиннадцатого мая, в день третий...». После стандартной юлианской даты слова «третий день» могут указывать только на день Луны – на третий день лунного месяца [16].

Значит, у Продолжателя Феофана соединены две системы календарного счета: помимо основного – солнечного юлианского календаря, ведущего отсчет лет по индиктам, то есть от 1 сентября, иногда используются датировки по лунно-

солнечному календарю, привязанному к неомениям (к первому появлению на вечернем небе молодого месяца). Перевод датировок на сентябрьский солнечный календарь сделан кем-то из позднейших редакторов, а потому тут возможны ошибки пересчета да и просто элементарное непонимание текста (что, собственно, мы только что и обнаружили).

В присланном мне электронном письме историк поясняет:

«Ссылка на “злой” год из тринадцати месяцев в этом контексте существенна как подтверждение того, что греки в повседневной жизни пользовались лунным календарем, а солнечный юлианский был официальным. В 912 году луна опережала луну 913 года на 11 дней, и день луны 11 мая был 22-м (из 33 дней в получающемся промежутке вычитается лунный месяц, и остаются 3 дня). А потому третий день в сочетании с датой солнечного календаря позволяет определить год, когда произошло событие. В данном случае речь может быть только о 913 годе. 8 мая этого года, после астрономического новолуния, луна в Константинополе зашла в 19.22 (2 часовой пояс), солнце – в 19.11. Таким образом, неомения [17], от которой отсчитываются лунные месяцы, произошла 8.5.913 и длилась 11 минут. Отсюда следует, что 11.5 – третий день Луны: $8 + 3 = 11$ ».

Справедливость этих выкладок каждый может проверить, воспользовавшись простой для пользователя электронной астрономической программой:

<http://www.astrolab.ru/cgi-bin/moon.cgi>

Следует только учитывать, что в программе события даны по новому стилю, а разница между календарными стилями для X века составляет 5 дней. То есть в исходные данные вводить надо не 11, а 16 мая 913 года. Астрономически третий день луны заканчивается в ночь на 16 мая. Однако поскольку 1 % нарождающегося лунного диска стал виден только 13 мая в 13 часов по Гринвичу, то третий день луны, соответственно и заканчивался для византийцев после полудня 16 (для них 11) мая.

Так во второй раз убеждаемся, что утром 11 мая 913 года Лев VI еще жив [18]. А пятнадцатый индикт здесь, как и в дате под вторым договором Олега, может быть или следствием другой системы счета, или следствием исправления мнимой ошибки протографа. Если ты уверен, что событие произошло в таком-то году, исправить номер индикта дело одной минуты. (Заметим, что редактор вымарал прежний, не понравившийся ему номер года, а новый не вписал, ограничившись лишь косвенным указанием – номером индикта.) Для более глубокой правки даты редактору требовались астрономические таблицы. Их под рукой не оказалось, и он поверил предшественнику на слово. Чем, собственно, и обнаружил факт правки.

Для нашего сюжета не столь важно, умер ли император Александр в тот же год, спустя неполный месяц, или он продержался на троне еще год. Однако Продолжатель Феофана датирует это событие 913-м годом (с чем, собственно, согласны и современные историки). В главе «Царствование Александра, сына Василия» Продолжатель Феофана сообщает об Александре:

«2. У Александра и раньше только и было дела, что, пользуясь небрежением брата Льва, жить в неге и заниматься охотой. Исполнению царских обязанностей он предпочитал беспутство и роскошь, а уж воцарившись единолично, и вовсе не совершал ничего доблестного и достойного упоминания».

Что-то он все же должен был совершить за 13 месяцев своего правления... А выходит, что почти ничего, если не считать изгнания из Константинополя болгарских послов да ссылки двух-трех вельмож.

А вот как в том же источнике описана смерть беспутного императора:

«7. Александр же, позавтракав и выпив вина в самый зной, пошел поиграть в мяч. Был, однако, поражен мечом Божиим и вернулся в крови, текшей из носа и детородного члена. И через два дня скончался, шестого июня, в воскресенье, первого индикта (правильная дата 913 года – А. Ч.), опекунами оставив патриарха Николая, магистра Стефана, магистра Иоанна Эладу, ректора Иоанна, Евфимия, Василицу и Гаврилопула, царство же передал сыну Льва Константину. Похоронили же Александра в царских гробницах и положили вместе с его отцом Василием».

Как именно в полдневные часы 4 июня сражен император, и был ли у «меча Божьего» некий земной дубликат, хронист не сообщает. Но столь тщательно сбалансированный список опекунов юного Константина более всего напоминает, пожалуй, список заговорщиков. Среди прочих в нем и любимцы Александра – Василица и Гаврилопул. А за семью мужами, представляющими главные политические партии стоит неназванная здесь фигура Зои Карбонопсиды – четвертой жены Льва VI и матери Константина.

До рассказа о смерти Александра Продолжатель Феофана пишет о комете. (Это комета Галлея, подошедшая к земле, как известно из астрономических таблиц, 12 июля 912 года.) Сначала сообщается, что явилась комета «в образе меча», а ниже, что «от Божьего меча» император Александр и гибнет при игре в мяч. Это наказание за грехи: еще при жизни Льва VI император Александр поклонялся на ипподроме античной статуе кабана. Какие-то маги объяснили ему, что кабан борется со Львом VI, и Александр велел вставить статуе зубы и приделать отбитый детородный член.

«Божественный меч» – это комета. Она появляется на небе, неся гибель Александру.

Приведем текст третьей и четвертой статей целиком:

«3. Точно также он обогатил и осыпал деньгами из казны Гаврилопула и Василицу из Славинии. Говорят, что не раз выражал он желание сделать этого Василицу царем, а Константина, сына Льва, оскопить. Этому его желанию воспрепятствовали сторонники Льва, говорившие, что он еще ребенок и слаб здоровьем. В это время появилась комета с запада. Назвали ее мечевой и говорили, что предрекает она пролитие крови в городе.

4. Сей Александр увлекся обманщиками и чародеями, которые убедили: его, будто медный кабан на ипподроме как бы является его знаком. Он, – утверждали они, – сражается со Львом (то есть братом Александра), и намекали на его свинскую жизнь и неразумие. Обманутый ими, он восстановил у этого кабана отбитые зубы и детородный член. И вот, поверив такому обману, сей несчастный устроил ристания и украсил ипподром, забрав с этой целью из церквей священные покрывала и светильники. При этом он воздавал идолам честь, приличествующую только Богу. Потому-то и был вскоре сам лишен чести Богом».

Казалось бы все логично: император Лев VI уже умер, Александр задумал оскопить Константина. И тут появилась комета... Но если бык борется с Львом VI, значит, тот еще жив (а он, по мнению историков, должен уже три месяца покоиться в церкви 12 апостолов).

Июльская комета 912 года предшествует смерти обоих императоров, но Продолжатель Феофана привязывает ее пророчество к судьбе Александра, поскольку тот, по мнению автора Хроники, – чудовище. Комета в образе меча и Божий меч, поразивший уд, чрево и рот императора-развратника, – мистические детали единого рассказа, построенного по типичной для Продолжателя Феофана схеме, выделенной Я. Н. Любарским: грех – символическое предупреждение – символическое воздаяние.

Тот же автор подметил еще одну характерную деталь: «Неважно, что Продолжатель Феофана имеет весьма смутные представления о хронологии, что пересказывает свой источник, скорее всего, по памяти и к тому же не очень точно: автор явно стремится построить повествование по временной схеме» [19].

Уточним: эта схема нарушается только в тех случаях, когда надо продемонстрировать мистический смысл деяний и показать пути возмездия.

В введении к изданию трактата Константина Багрянородного Г. Г. Литаврин пишет:

«11 мая 912 г., в праздник – день основания Константинополя, традиционно отмечавшийся с 330 г. Лев VI умер, поручив заботы о сыне своему брату Александру, который, как утверждала молва, не только не питал теплых чувств к племяннику, но и намеревался уничтожить его физически. Как подтверждение этого замысла расценивались немедленная после воцарения Александра ссылка матери Константина Зои и опала сановников и слуг, приближенных к Льву VI. Впрочем, планам Александра, если он их действительно вынашивал, не суждено было сбыться: 6 мая 913 г. он скоропостижно скончался» [20].

Последнее утверждение – описка (вместо 6 июня), размноженная сегодня на десятке исторических сайтов. Говорит она о том, что хронологическую таблицу 911–912 годов историки не составляли и события привязывали к календарю на глазок. Восстановим хронологию, не нарушая последовательности повествования Продолжателя Феофана и опуская лишь недатирующие рассказ подробности (слева в круглых скобках нумерация статей):

911 (29) В день Пятидесятницы царь Лев венчает на царство своего сына Константина [9 июня 911].

912 (30) «Случилось лунное затмение» [7 января 912 – дата указана А. В. Журавелем]. Митрополит Панталеон предрек, что оно грозит патрикию Самоне, но «если тот переживет тринадцатое июля, то зла не случится» [пророчество вписано задним числом: в январе еще никто не знал, что явится комета Галлея, которая пройдет перигелий 12 июля], а Льву VI сказал, что затмение грозит второму лицу. «Царь решил, что это относится к его брату Александру».

(31) «В октябре произошло морское сражение между логофетом Имерием и агарянами Дамианом и Львом, стратигом же Самоса был Роман – будущий император. Поражение потерпел Имерий, который едва спасся и чуть не погубил всех своих воинов». (Из летописной последовательности рассказа Продолжателя Феофана следует, что Имерий потерпел поражение осенью 912, а не 911 года, как полагают на основании недатированных источников. Он вернется в Константинополь только после смерти Льва и будет сослан Александром. См. сноску [5].

913 (32) «...Постигнутый желудочной болезнью царь Лев настолько обессилел, что, овладев собой, с трудом смог по царскому обычаю произнести: «Видите, как зачах и иссох я от болезни. Вряд ли пребуду с вами до дня Христова Воскресенья» [Пасха 913 года – 28 марта]. Случился пожар в кирулариях Великой церкви, при этом сгорели все ящики и ларцы с бумагами и документами патриаршей сакелы. Одиннадцатого мая, в день третий, пятнадцатого индикта скончался царь Лев [913; 11

мая –третий день по новолунию; индикт дан ошибочно по предыдущему году], передав царство своему брату Александру. Рассказывают, что, увидев приближающегося к нему Александра, Лев сказал: «Дурное случится через тринадцать месяцев». [Интерпретация неверно понятого пророчества Льва, о том, что тот не переживет текущее «злое лето», в котором 13 лунных месяцев. Пророчество сохранилось в западно-русской редакции «Русского хронографа»]. И горячо просил беречь его сына Константина».

«Царствование Александра, сына Василия.

(1) «Александр царствовал с Константином, сыном Льва, один год и двадцать два дня». [Вновь интерпретация неверно понятого пророчества Льва, которая сбита с толку и Бируни, датировавшего воцарение Константина 914-м годом]. «Он вызвал Николая из Галакрин, низложил патриарха Евфимия и вторично посадил на патриарший трон Николая». [Это сделал не Александр, а Лев. См. свидетельство самого Николая Мистика и свидетельство Евтихия Александрийского [21]].

(5) «Когда после поражения от агарян вернулся логофет Имерий, он удалил его в дворцовый монастырь под названием Кампа да еще осыпал угрозами, ибо Имерий проявлял вражду к нему еще при царе Льве, брате Александра. Через шесть месяцев изгнанный Имерий скончался в скорби и муках».

(6) «Архонт Болгарии Симеон отправил к Александру мирное посольство... А тот... с позором отослал послов, при этом прибег к угрозам, думая устрашить Симеона. Мир был нарушен...»

(7) «Александр же, позавтракав и выпив вина в самый зной, пошел поиграть в мяч. Был, однако, поражен мечом Божиим и вернулся в крови, текшей из носа и детородного члена. И через два дня скончался, шестого июня, в воскресенье, первого индикта» [правильная дата 913 года].

В западно-русской редакции «Русского Хронографа» в статье «Царство 47 во Цариграде Александрово, брата Лвова, и Константина, сына Лвова в лѣто 6420» (так! – А. Ч.) сказано:

«По Лвѣ Премудромъ царствова во Цариграде Александръ, братъ его, лѣто едино и мѣсяць единь...». (Аналогичный текст в Хронографе редакции 1512 года.). Но в следующей статье читаем: «Царство 48 въ Цариградѣ Константина Багрянородного, сына Лвова. Константин, сынъ Лвовъ, со Александромъ царствова лѣто едино и остася единь...». (Так и в Хронографе редакции 1512 года.).

Это «лѣто едино и остася единь» – эхо греческого протографа, предшествовавшего заредактированному списку Продолжателя Феофана, в котором

говорилось не о тринадцати месяцах правления Александра, а о том, что в «злое лето» 6421 после смерти Льва VI правили Александр и Константин, но Александр в это же лето умер. А поскольку, как следует из непротиворечивости внутренних датировок Продолжателя Феофана, Александр пережил Льва лишь на 22 дня, в протографе и говорилось об одном месяце одного года. В русском переводе могло бы звучать так: «По Львѣ Премудромъ царствова во Цариграде Александръ, братъ его, въ (!) лѣто едино мѣсяць единь».

Неверная интерпретация предсмертного пророчества Льва VI и попавший в текст Продолжателя Феофана комментарий о 13 месяцах правления Александра привели к сдвигу событий: задним числом была передатирована смерть Льва и потому возвращение Николая Мистика оказалось приписанным Александру. Это же «буквальное чтение» сбило с толку и арабских авторов (Бируни, Масуди), которые, напротив, передвинули воцарение Константина на 914 год.

Бируни – современник Константина. В главе «О выведении одних эр из других, о [начальных] датах [царствования] царей и продолжительности их правления по различным преданиям» он ссылается на «рассказ Хамзы-аль-Исфахани, со слов кадия Ваки, который [будто бы] переписал это из книги, принадлежащей царю византийцев» [22].

<http://hbar.phys.msu.ru/gorm/chrons/biruni2.htm>

Далее согласно последовательности в таблице Бируни:

1. У Бируни нет даты смерти Льва VI. Отмечено, что правил 26 лет, а в графе «месяцы» ноль (как и у многих прочих). Но это может быть и 25 лет плюс восемь месяцев, и 26 лет плюс N месяцев.

Сказано: «Лев, сын Василия – в 273 году <хиджры>, в дни аль-Мутадида». 273 по хиджре: 7 июня 886 – 27 мая 887. Самодержавное правление Льва VI и впрямь началось 30 августа 886 г.

Аль-Масуди о Льве VI: «Рассказывают, что смерть его была в 297 году [909–910]».

2. Александр, сын Василия. У Бируни: «Царствовал год и два месяца <лунных>». Но тут же: «Он умер от гнойника в 299 году хиджры».

Дата ошибочна. Сдвинута на год раньше, чем даже традиционная. (Ошибка при пересчете с солнечного на лунный: редактор отнял единицу там, где надо было прибавить.)

299 по хиджре: 28 августа 911 – 16 августа 912.

Итак, Лев VI умирает 11 мая 913 года. (300-й год хиджры.) Дата подтверждена указанием Продолжателя Феофана на «третий день <луны>», который в 913 году приходится именно на 11 мая, а также пророчеством монаха Марка (11 мая 903 года плюс десять лет). Казалось, можно было бы поверить, что Александр царствовал тринадцать солнечных месяцев (по Продолжателю Феофана, или год и два лунных месяца по Бируни) и умирает в 301 год хиджры (не только Бируни, но и Аль-Масуди называет этот год годом воцарения Константина).

301 год по Хиджре: 6 августа 913 – 26 июля 914.

Однако четкая хронологическая последовательность Продолжателя Феофана и точные датировки смертей Льва и Александра (в дате Льва исправлен оказался только индикт) не позволяют принять арабскую версию.

Как же могла забыться дата смерти императора Льва VI?

Можно было бы сослаться на то, что синодики, протоколы двора и оригиналы хроник были утрачены вместе с величьем Византии 13 апреля 1204 года. Это первый день того огня, который принесли Константинополю рыцари Четвертого крестового похода. Что не сгорело, то было разграблено: храмы, дворцы, библиотеки, архивы, жилища...

Однако гибелью архивохранилищ и книжных собраний Константинополя в апреле 1204 года этот случай не объяснить: сравнение византийских и арабских текстов показывает, что дата смерти Льва VI отредактирована еще при жизни Константина Багрянородного, более того, – в первые десятилетия его царствования. Так следует из сообщений Бируни и Аль-Масуди, которые опирались на византийские источники. Так следует и из Повести временных лет.

Свидетель первой царьградской беды – историк и поэт Никита Акоминат:

О город, город, око всех городов,
предмет рассказов во всем мире,
зрелище превыше мира, кормилец церквей,
вождь веры, путеводитель православия,
попечитель просвещения, всякого блага вместилище!
И ты испил чашу гнева от руки Господней,
и ты сделался жертвой огня, еще более лютого,
чем огонь, ниспавший древле на пять городов!

Подытожим: принятая датировка последней вехи жизни Льва VI (май 912) – хронологическая мета, исчисленная задним числом. Она принадлежит позднему редактору первой половины X века, тому, кто отказался от счета по лунному

календарю в пользу официального солнечного, и «рационализировал» хронологию Продолжателя Феофана (или его предшественника).

Реальными же оказываются датировки 11 мая 913 года (смерть Льва VI) и 6 июня 913 года (смерть Александра). При этом вторая дата подтверждена точным календарным указанием Продолжателя Феофана (и потому никем, кроме арабских средневековых историков, не оспаривалась). Но и первая дата подтверждена четырежды.

Первое подтверждение – исполнившееся пророчество монаха Марка о том, что Лев будет править ровно десять лет со дня покушения на него в день мученика Мокия и Преполовления Пятидесятницы 11 мая 903 года. (Если прорицание сочинено задним числом, то календарная его надежность от этого только укрепляется.)

Второе – указание на 11 мая как на третий день новолуния (11 мая 913 года).

Третье – упоминанием о комете Галлея, пришедшей еще при жизни Льва VI (июль 912), когда его брат и соправитель Александр поклонялся кабану. Но поскольку комета стала видна лишь с начала июля 912 года, выходит, что Лев VI то лето пережил.

Четвертое – хронологическая логика повествования Продолжателя Феофана, которая оказалась не нарушена правщиками. Ее датирующие моменты (полное лунное затмение января 912 года, рудимент упоминания о комете июля того же года и рассказ о поражении греческого флота у Самоса) сдвигают смерть Льва VI на 913 год.

В Повести временных лет та же комета 912 года предшествует рассказу о смерти Олега от коня, и, значит, Олег также умирает в «злое лето» 6421 года (осенью 912 года по январскому календарю).

2. О ДАТЕ ВТОРОГО ДОГОВОРА ОЛЕГА С ГРЕКАМИ

– Хочу видеть его кости! –
лукаво усмехнувшись, сказал князь, –
шкуру его я видел... на другом коне!
Шталмейстеры повели Олега на какой-то курган,
с которого его принесли обратно мертвым.
Последнее слово князя было: «Змея!»

Из этого историки делают заключение, что Олег умер от укуса змеи.

Всеобщая история, обработанная "Сатириконом". 1911

Второй договор Олега датируется 2 сентября 6420 (911 по нашему январскому летоисчислению) года. В Повести временных лет рассказывается, что после

утверждения этого акта император Лев VI учил русских послов христианской вере и демонстрировал им церковные святыни.

Подлинность Олегова договора давно не вызывает сомнений, хотя после разорения Константинополя крестоносцами, а потом и турками, такого текста среди немногих чудом сохранившихся государственных актов Византии не обнаружено. Однако существует надежное свидетельство того же Льва Диакона. Описывая переговоры императора Иоанна со Сфендославом (киевским князем Святославом Игоревичем), он приводит слова императора:

«Знайте, что если вы не последуете сему доброму совету, то не мы, а вы окажетесь нарушителями заключенного в давние времена мира. Пусть наш ответ не покажется вам дерзким; мы уповаем на бессмертного Бога-Христа: если вы сами не уйдете из страны, то мы изгоним вас из нее против вашей воли. Полагаю, что ты не забыл о поражении отца твоего Ингоря, который, презрев клятвенный договор приплыл к столице нашей с огромным войском на 10 тысячах судов, а к Киммерийскому Боспору прибыл едва лишь с десятком лодок, сам став вестником своей беды» [23].

«Давний договор», заключенный еще до Игоря, – это договор Олега, откликнувшийся эхом в договоре 945 года. Посольство Игоря приходит в Царьград восстанавливать древний договор Олега («обновити ветъхии миръ»), и большая часть статей будет прямо (или с редактурой, сделанной, впрочем, не в пользу русских) заимствована из двух Олеговых актов.

Почему-то принято считать, что второй договор Олега составлен в Константинополе. Однако С. М. Каштанов констатирует: «В грамоте нет статей, составленных от имени греков. Вся она написана от лица русской стороны» [24]. Отсутствие в договоре статей от имени греческой стороны и отсутствие императорских клятв говорит, во-первых, о том, что перед нами русский обратный перевод с греческого текста, составленного в Киеве. И что сам Олег тоже находится в Киеве. Отсюда он и направляет в Царьград своих послов, вручив им две хартии, написанные по-гречески византийским дипломатом-переговорщиком Иоанном, чье имя упомянуто в договоре. По логике вещей, одну из них, скрепленную клятвой и подписью императоров, послы должны вернуть Олегу.

Олег имел все основания не доверять грекам. Вспомним эпизод с отравленными вином и брашном, которыми византийцы любезно пытались угостить его у стен Царьграда в 907-м.

(В «Русском хронографе» поход Олега отнесен к 6415, то есть к 907 году (ч. I, с. 354) и к 6414, то есть к 906 году (ч. II, с. 156). Противоречие убирается, если мы учтем, что на лето-осень 906 года приходятся и конец 6414, и начало 6415-го.)

Олег вряд ли знал греческий, и, прежде чем принести клятву на греческом тексте, обязан был убедиться, что это тот самый текст, который они с Иоанном совместно выработали, и выработали как текст, составленный исключительно от лица Олега и его послов, что при всех прочих придавало всему акту если не ультимативную, то императивную интонацию. Словом, Олегу нужен был обратный перевод с окончательного греческого текста, причем перевод, сделанный кем-то из своих. А поэтому, видимо, и был призван некий киевлянин (он должен был проверить текст греческого посла Иоанна), принявший крещение сорок пять лет назад, при Аскольде, или просто долгое время проживший в Греции, к примеру, в качестве пленника.

Его перевод, видимо, и дошел до нас в составе ПВЛ.

Еще С. П. Обнорский утверждал, что пестрящий грецизмами и нарушениями древнерусского синтаксиса текст второго договора Олега – переводной [25] и вышел из-под пера грека или болгарина [26].

Как показали Д. С. Лихачев и С. С. Аверинцев, средневековое мышление – мышление знаковое, и потому основывается на поэтике загадки. Только разгадав загадку, герой проходит через испытания и побеждает. Таковы «брачные» загадки Ольги древлянским послам, таковы те головоломки, которые по версии Саксона Грамматика предлагает убийцам своего отца принц Амлет.

Загадку мы находим и в дате второго договора Олега. Однако она не только не таит никакой угрозы, но, напротив, свидетельствует самые благочестивые и смиренные намерения русского князя, смягчая тем самым властную императивность всего документа.

Чем же замечателен день второго сентября, в который Олег и подписывает договор?

В договорах 907 и 945 годов оговорено, что русские послы и купцы, приходя в Константинополь, должны селиться возле церкви святого Маманта, а день поминовения этого чудотворца и мученика III века н. э. – именно 2 сентября [27].

Олег дает понять Византии: определив русским их место в Царьграде, вы этим определили и время подписания договора. Блюдя «место и время», он показывает, что впредь будет блюсти дух и букву договора.

Однако не согласимся с принятой сегодня практически всеми исследователями датировкой и покажем, что по внутренней хронологии Повести временных лет второй договор Олега не мог быть подписан им в 6420 году (по сентябрьскому календарю), то есть в 911-м. Он подписан в лето 6421 (2 сентября 912 года).

Рассказу о русско-византийском договоре Вещего Олега и последовавшей за тем смерти Олега предшествует статья о комете Галлея: «Явися звѣзда велика на западѣкопѣинымъ образомъ» [28].

Лев Диакон в Первой книге своей «Истории» пишет:

«Я полагаю, что мне не следует касаться событий, происшедших в царствование василевса Константина, прозванного Багрянородным, сына Льва, перед рождением и смертью которого была, говорят, видна на небе комета, предвещавшая его появление на свет и кончину, – об этих событиях достаточно писали другие».

Текстологи выяснили, что «другие» – это византийские авторы Георгий Монах, Продолжатель Феофана, Лев Грамматик, Продолжатель Амартола, Симеон Магистр. Мистическое отношение к небесному чуду наглядно зафиксировано на ковре из Байё (1060-е), где комета (это та же комета Галлея), на которую перстами указывает группа придворных, нависает над Харальдом и пророчит ему смерть.

Комета Галлея приблизилась к земле в середине июля 912 года (лето 6420), но отнесена летописцем к 6419 лету (911 год). Значит, расставляя даты в тексте предшественника, редактор начала XII века ошибочно сдвинул это событие на год вперед. То же самое произошло и с идущей следом статьей, в которую включен текст договора Олега и повествуется о смерти князя от его коня.

Подчеркнем: рассказ о комете предшествует рассказу о смерти Вещего Олега. И, значит, эти два события в сознании современников увязаны друг с другом. Уверенность в том, что небесные знамения предвещают недоброе, летописец заимствовал у Продолжателя Георгия Амартола. Впрочем, как и само упоминание о комете 912 года. (Позднее Нестор разорвал эту очевидную связь включением договора Олега и рассуждением о волховании.) Это семантическое сближение делает обреченной на неуспех попытку некоторых исследователей (первым был А. А. Шахматов) оторвать гибель Олега от года появления кометы Галлея [29].

Может показаться, что дата договора и дата смерти Олега не противоречат друг другу: 2 сентября 6420 года – 2 сентября нового сентябрьского года, по нашему календарю это 911 год от Р. Х. Указано ведь, что осенью того же года, «на пятое лето» после похода на Царьград, Олег вспоминает о коне и гибнет. Поскольку поход

датирован 6415-м летом (907 год, ведь пошли на Царьград, конечно, до 1 сентября), то пятое «лето» (пятый год) – начало 6420 года от С. М., то есть осень нашего 911 года. Если же считать шагом в год от конца похода, то это осень нашего 912 года, то есть лето 6421-е.

Цифру легко подогнать, но, если дата ошибочна, трудно без редактуры сохранить хронологическую непротиворечивость рассказа.

Так и произошло. Календарный – глубиной в год – разрыв между смертью Олега и вокняжением Игоря зияет необъяснимым провалом. И это выясняется уже из следующей в тексте ПВЛ за рассказом о договоре и смерти Олега летописной статьи. По Ипатьевской летописи: «В лето 6421. Начал княжить Игорь по <смерти> Олега. В это же время начал царствовать Константин...» То есть по смерти Олега на Руси начал править Игорь, а Константин стал императором Византии.

Это прямое свидетельство ПВЛ о смерти Олега и начале княжения Игоря противоречит принятым ныне (без серьезной проверки) представлениям историков. Ипатьевская летопись утверждает, что Константин начал править летом 6421 (913), по смерти Александра (с этим все согласны), но и Игоревое княжение начитается тогда же. Значит, Олег подписывает договор с греками 2 сентября 912 и осенью гибнет в Ладого. Только для византийцев это всё один год – 6421-й, начавшийся 1 сентября.

Вернемся к хронологической логике начального русского летописания.

А. Г. Кузьмин писал о датировках начального русского летописания:

«На сентябрьское летосчисление ориентирована летописная статья 6420 года, начинающаяся с изложения договора Руси с греками, датированного 2 сентября» [30].

С этим, казалось бы, трудно поспорить: сентябрьское новолетие – норма для ПВЛ. Но, как иногда бывает, верные выводы подчас основываются на некорректных выкладках.

Продолжим цитату из А. Г. Кузьмина:

«На сентябрьский (или ультрамартовский) стиль указывает и 15 индикт (сентябрь мартовского 6420 года должен был соответствовать 1 индикту). Индикт обозначен правильно в Ипатьевской летописи и в Академическом списке Радзивилловской. Позднейшие летописцы, по-видимому, имели дело с испорченным текстом: во всех списках вместо слова “индикт” значится “неделя”».

Однако это не аргумент: полная календарная номенклатура включала в себя и номер недели, и номер индикта. И, как мы еще увидим, разные списки сохраняют следы того и другого.

Итак, однажды осенью некоего года Олег подписывает договор и вскоре умирает, тогда же Игорь садится на Киевский стол, а Константин через полгода (для нас в 913-м, для летописца все еще длится лето 6421-е) уже единолично носит корону василевса (два соправителя – отец и дядя – к этому времени отошли в мир иной).

Нетрудно высчитать, что по внутренней хронологии Ипатьевской и Лаврентьевской летописи Олег скрепил договор «предлежащим честным крестом и святою Единосущною Троицей единого истинного Бога нашего» и умер осенью 912 (а не осенью 911) года, то есть в начале 6421 лета от С. М.

При доказательстве от противного это рассуждение может принять такой вид:

1. Поверим ПВЛ, что в один сентябрьский год (6420; по Юлианскому и Григорианскому календарю это 911-й) одной и той же осенью Олег подписывает договор и погибает от укуса змеи. Это исходная датировка.

2. Но ниже, уже в следующей календарной статье, сказано, что Игорь начинает править по смерти Олега только в 6421 году, а этот год начинается с 1 сентября 912 года. (Кто же правил почти целый год, если оговорено, что Игорь занял киевский стол «по смерти Олега»?) При этом тут же уточняется, что «в то же время» начал царствовать Константин Багрянородный. По греческим источникам это случилось 6 июня 913 года (лето 6421-е). Поскольку год не может длиться два года, очевидно, что «исходная датировка» не верна.

Ошибка эту сделал Нестор в начале XII века, редактируя текст предшественника и проставляя даты летописных статей. При этом, видимо, он имел дело не с самим оригиналом договора Олега, а с включенной в некий неизвестный нам хронограф копией, в которой под договором стояла совсем другая дата. (Ибо при датировке 2 сентября 6421 Нестор не вставил бы договор в статью 6420 лета.)

След этой ошибки мы и обнаруживаем в Ипатьевской летописи (стб. 28). Сначала в переводе:

...месяца сентября во 2 <день>, а
в неделю 15, в лето создания мира 6420

А теперь то, как в подлиннике, но с нашим разделением текста на строки:

...мсца . себтября . въ . в⁵⁰ . а
в нед . еі . в лѣт создания миру . # s . у . к .

⁵⁰ полужирным обозначаю в этой главе надстрочные титлосы

При таком графическом делении (с строке примерно 25–30 знаков, что для устава стандартно) последняя буква первой строки приходится на правый край текстового поля. Если так было в оригинале, то эта «а» могла стоять выше строки, то есть быть выносной. Нестор принял «а» (цифру, а не букву) за противительный союз «а», написанный из-за нехватки места на полстроки ниже. Он и отнес этот предлог к концу первой строки, внося в сухую дату под документом фольклорную интонацию [31].

Число 15 («ei») в этом эпизоде фигурирует и в других летописях: Софийской первой (л. 22, стб. 31); Воскресенской; Тверской; Никоновской, и, кроме того, у Татищева (т. 1, с. 118 и т. 2, с. 38). Вот и в Ермолаевском списке Ипатьевской летописи: «...въ нед. 15».

Эта же цифра в этом месте встречается в Московско-Академической летописи [32], а, как установил А. А. Шахматов, у нее с Радзивиловской и Лаврентьевской летописями был общий протограф, доходивший до 6714 (1206) года [33]. А, значит, цифра 15 надежна – именно она стояла и в более раннем протографе, из которого в начале XII века черпал свои сведения Нестор [34].

В Византии неделя могла быть привязана к любому событию, обычно к тому, от которого было удобнее отсчитывать. При этом указание на точку отсчета могло пропускаться. Так в «Трапезунтской хронике» Михаила Панарета читаем:

«Преставился император кир-Алексей, великий Комнин, второй сын кир-Василия, великого Комнина в 6898 г. (1390), 20 марта месяца, в воскресенье пятой недели <поста>» [35].

Возможен, скажем, такой вариант решения этой текстологической головоломки: 2 сентября 912 года – это среда 15 седмицы от седмицы святых отцов I Вселенского собора. В 912-м году их седмица начиналась с воскресенья 24 мая (в свою очередь она является 7-й седмицей по Пасхе) и переходила в Пятидесятницу. Но такое построение не представляется надежным.

Еще одна версия: у слова «неделя» два значения: первоначальное – нерабочий день, воскресенье (после него и следовал по-недельник, а четвертым, серединным днем седмицы была среда). Позднее название первого дня седмицы было перенесено на всю седмицу [36].

2 сентября было воскресеньем в лето 6419 (910) года. Однако второй договор по целому ряду причин не может относиться к этому времени [37].

Поскольку по традиции православные документы датировались по схеме «месяц – день – седмица – индикт – круг солнца – круг луны – год», мы, казалось бы,

должны читать слово «неделя» как слово «седмица». Однако не станем забывать, что перед нами не только второй из дошедших государственных актов Руси (первый – это первый договор Олега, чью подлинность попытался оспаривать А. А. Шахматов [38]), но и вообще второй дошедший до нас текст, написанный на древнерусском языке. И, быть может, понятие седмицы еще не вошло в русский обиход, а потому было заменено Олеговым переводчиком на слово «неделя» в начальном его значении.

А. Г. Бобров сообщил мне, что в ряде летописей ему попадались недельные датировки (к примеру, от Пасхи), которые на единицу больше, чем при традиционном счете. Тогда «неделя пятнадцатая» означает, что пошла пятнадцатая седмица после четырнадцатого воскресного дня (считая с Пятидесятницы). При таком счете неделя, на которую попадает среда 2 сентября 6421 года будет именно пятнадцатой по Пятидесятнице [39].

В этом случае речь не об ошибке, а о разных системах счета [40]. Но от того, назовем мы элемент некоей последовательности «вторым», или же «первым после первого», суть высказывания не изменится [41].

Это объяснение может показаться приемлемым.

Однако существует еще одно простое объяснение. Назовем его «эффектом Срезневского».

А. Г. Кузьмин пишет о татищеской версии договора Игоря [42]:

«И. И. Срезневский дал очень интересное и вероятное объяснение ошибки [43]: текст договора переводился с греческого на глаголицу. «Г», означающая в греческом (и кириллице) «три», механически была переписана в славянский глаголический текст, где она означала «четыре». Эта ошибка, возможно, говорит о том, что договоры первоначально переводились на глаголическое письмо и лишь затем в кириллицу».

Точно такой случай и тут: Олегов переводчик Иоаннова текста механически переписал цифру «14» (йота+дельта) как добро+иже (не забыв, впрочем, поменять порядок литер на обратный), однако в глаголице «добро» означало пятерку.

Число выросло на единицу, и в результате в кириллический текст попало уже число «15» [44]. Это «в нед. 15» («в нед. еі») и спровоцировало правку переписчика, конвертировавшего текст из глаголицы в кириллицу. Переписчик понимал, что 6420 году соответствует именно пятнадцатый индикт (6420 делится на 15 без остатка), но в копии, которую он переписывал, должно было стоять «индикта а», то есть индикта первого.

Так одна ошибка привела к трем другим: неверно переведенное с греческого в глаголицу число недели заставило превратить год из 6421 в 6420, отказаться от счета

индиктов, и, как мы увидим ниже, от двадцативосьмилетнего счета «солнечных кругов».

Однако след счета кругов солнца (причем – правильного) был виден еще в Лаврентьевской летописи.

Поскольку в Лаврентьевской летописи отсутствуют шесть листов с текстом 6406–6429 годов, откроем летопись той же ветви – Радзивиловскую:

...мса . сен . в .
недли . и . в лѣт создания мира . # S . У . К

Переведем:

... месяца сентября во 2 <день>,
недели <...> 8, в лето создания мира 6420

Загадочное «а» тут и вовсе исчезло, а цифру 15 заменила не менее загадочная в данном контексте буква «и» под титлом – то ли цифра 8, то ли сокращенное слово (к примеру, – индикт, как вслед за Карамзиным и Шахматовым полагал Д. С. Лихачев [45]).

Но поскольку и восьмая неделю, и восьмой индикт в этой дате – явная ошибка, что же должно стоять в Радзивиловской летописи за этим испорченным фрагментом «недли . и»?

Соблазнительно предположить, что речь идет о неделе (в смысле седмицы) Иоанна Постника. Этот святой поминается именно 2 сентября. Если так, то составивший этот договор в Киеве «Ивановым написанием» византийский дипломат Иоанн в начале одного синтаксического периода помянул себя, а в конце – всего через несколько строк – и своего небесного патрона.

Однако «Иоанн» традиционно сокращался как «Иѡ». Потому от этого варианта следует отказаться. Можно прочитать «недели 8-й». Но Восьмая неделя (и седмица, и воскресный день) по Пасхе ли, по Пятидесятнице, – тут явно ни при чем (они в любом случае уже давно минули).

Ясно, что в оригинале читалась куда более развернутая датировка договора, чем та, с которой мы имеем дело по Ипатьевской и Лаврентьевской летописям. Напомним, что документы датировались по схеме: «месяца <...>, дня <...>, в седмицу <...>, (по Великому Посту, Пасхе или Пятидесятнице), индикта <...>, круга солнца <...>, круга луны <...>, в лето <...> от Сотворения Мира».

При сокращении датировки редакторами этой хронологической титулатуры менее важные элементы выпали. Но помимо дня, месяца и номера года остались слова «недели» и в двух разных списках две разные цифры – 15 и 8.

Если пятнадцать должно быть указанием на номер недели по Пятидесятнице, то восьмерка может быть указанием на восьмой круг солнца. При этом 1 сентября 6420 год – это седьмой круг [46]. А вот 1 сентября 6421 года начался последний месяц именно восьмого круга солнца.

Начальная дата подлинника Олегова договора должна быть реконструирована так:

...месяца сентября во 2 <день>, в неделю 14 <по Пятидесятнице>, <солнечного круга> 8, <индикта 1>, в лето от Создания Мира 6421.

Олег подпитывает договор в канун шестисотлетнего юбилея Миланского эдикта (913 год), по которому императоры Константин и Лициний даровали христианам свободу вероисповедания и гражданские права.

Итак, 2 сентября 6421 (913). Дата знаковая. В июне 325 года на I Вселенском соборе в Никее был утвержден православный Символ веры, решен вопрос о дне празднования Святой Пасхи и принято решение о перенесении нового года на 1 сентября.

Месяц и год под вторым договором Олега с греками отсылает нас к одному из важнейших событий в начальной истории восточного христианства, в честь которого и был установлен новый календарь [47].

Для составлявшего договор византийского дипломата Иоанна, чье имя попало в текст договора, день 1 сентября обладал мощнейшим семантическим и мистическим зарядом (привычку отмечать юбилеи, то есть круглые даты, кратные пятидесяти, христиане переняли из ветхозаветной традиции).

А смещение даты на один день – на день поминовения святого Маманта – видимо, заслуга Олега и новорожденной русской дипломатии. Подписывая договор в Киеве в первый день после юбилея, Олег демонстрирует этим календарную, а, значит, историческую преемственность. По сути, это декларация того, что Русь включается в процесс христианизации ойкумены и становится духовной дочерью Византии [48].

Если справедлив вывод о том, что второй договор предложен Олегу греками за личное крещение и обещание крестить Русь, и Олег, судя по его клятве в договоре крестом и Троицей, действительно крестился, и если вспомнить известие

средневекового персидского историка Аль-Марвази о том, что «русы крестились в месяцы 300 года хиджры» [49], то есть между 16 июля и концом сентября 912 года [50], датой второго договора Олега с Византией следует признать 2 сентября 6421 года. Об этом говорят и палеография, и логика летописной хронологии ПВЛ, и византийская хронология, и свидетельство Аль-Марвази.

Кроме того, напомним, что в этом случае известие ПВЛ о комете июля 912 года, с которого начинается летописный рассказ о смерти Олега, становится хронологически корректным. И оказывается, что именно император Лев VI осенью 912 года учил Олеговых послов христианской вере и показывал им церковные реликвии Царьграда. (Вообразить, что этим мог заниматься поклонявшийся медному кабану его брат Александр, – довольно трудно.)

В обоих случаях – и с датировкой смерти византийского императора Льва VI, и в случае с датой под вторым договором Олега, – мы имеем дело с одинаковой причиной смещения хронологии на год вперед. Эта причина – некорректный перевод дат греческих хроник с лунно-солнечного календаря на солнечный, сделанный при редактировании еще в первой половине X века. Можно предположить, что и в сочинениях византийских авторов, и в Повести временных лет, подобные календарные сдвиги не единичны. Теперь, когда мы знаем об этом, у нас появляется стратиграфическая возможность в ряде случаев отличить один текстовый слой от другого. Заметим, что и при поздних датировках хронологическая логика событий Повести временных лет сохраняется, а вторичные сведения русского летописания могут быть даже более надежны, чем сообщения византийских источников.

[1] *Журавель Александр*. Лунно-солнечный календарь на Руси. // *Астрономия древних обществ*. М., Наука, 2002. В этой работе сделан принципиально важный для нас вывод: «...в первоначальных летописях, не дошедших до наших дней, сосуществовали как лунные, так и юлианские датировки, причем первых было большинство. Попытки пересчета их в юлианские начали предприниматься довольно рано, уже в начале XII в., однако поскольку в повседневной жизни люди пользовались лунно-солнечным календарем, в летопись вновь и вновь попадали «языческие» лунные датировки. Систематическая работа по их «уничтожению»-пересчету, а заодно по установлению единообразия или хотя бы сведению к минимуму прежнего многоцветья стилей от Сотворения Мира проводилась в основном в монгольское время, в XIII–XIV вв.». См. также: *Данилевский И. Н.* Лунно-солнечный календарь Древней Руси. // *Архив русской истории*. Вып.1. М., 1992.

[2] К примеру, не нами замечено, что Лев Диакон в своей «Истории» дает лишь четыре полных даты, но правильная из них одна – это соотношение индикта (пятнадцатилетнего цикла) и года от сотворения мира в дате смерти Никифора Фоки. Обычно ссылаются на несовпадение календарей, однако, если у Льва Диакона мы в начале первой книги встречаем слова «Когда в ноябре месяце 3 индикта 6467...», не стоит винить автора. Перепутал 13-й индикт с 3-м, скорее всего, переписчик: по-гречески (εν μηνι... – месяца такого-то) слово «месяц» в дательном (по-русски в предложном) падеже в архаических текстах заканчивается буквой «ι», а число тринадцать записывается «ιβ», Одну из двух стоящих бок о бок «ι» переписчик пропустил, и тринадцать тут же превратилось в тройку. Филолог-классик А. В. Лебедев обратил мое внимание на то, что написание εν μηνι – признак высокого стиля, поскольку восходит не к византийской, а древнегреческой традиции.

[3] *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. Изд-во: АН СССР. М., 1963. С. 16.

[4] И пока этого не произошло, мы обречены на появление мистификаций, подобных «новой хронологии» академика А. Т. Фоменко. По причине неприятия постмодернистской методологии мы не станем рассматривать и те работы, в которых, к примеру, утверждается, что Вещий Олег правил с 911 по 941 год (см.: *Цукерман Костянтин.* Про дату навернення хозар до іудаїзму й хронологію князювання Олега та Ігоря. *Ruthenica.* Інститут Історії Національної Академії Наук України. Т. 2. 2003. С. 53–84).

[5] Датировки Продолжателя Феофана не всегда точны. Так в начале главы «Царствование Романа» (книга VI) утверждается: «В 6428 году, восьмом индикте, шестого января, в день святого крещения, венчает Роман свою жену Феодору. Семнадцатого мая в день праздника святой Пятидесятницы Роман венчает на царство, рукополагая в цари, своего сына Христофора». Но в 920 году Пятидесятница была 28 мая. А Пятидесятница 17 мая приходилась на 6443 год (935), который также был по индикту восьмым.

[6] *Продолжатель Феофана.* Жизнеописания византийских царей. М. Наука. 1992. Кн. VI. Гл. 19.

[7] В интересующем нас временном интервале Пятидесятница, то есть Троица, отмечалась 8 июня в 900 году, 31 мая в 901, 16 мая в 902, 5 июня 903, 27 мая 904, 19 мая 905. Поэтому речь может идти только о празднике Преполовления Пятидесятницы, бывшем 11 мая 903 года и приходящимся на день поминовения святого Мокия.

[8] Две византийские хроники. М. Изд-во вост. лит-ры. 1957.

[9] Замечено, что хроника Логофета сразу после рассказа о покушении на Льва VI переходит к событиям в Фессалонике 904 г.

[10] В XX веке предпринималось несколько попыток объяснить противоречие между пророчеством и «реальной» датой, но ни одна из них не признана удачной. Первым на это хронологическое несоответствие обратил внимание К. де Боор. Ему отвечал В. Грюмель,

ссылаясь на то, что от 903 г. до 912 г. по византийскому методу счета прошло десять лет: восемь полных и два неполных. (Grumel V. *La chronologie*. Paris, 1958). Рецензию на эту книгу написал Е. Э. Гранстрем. (Византийский временник. Вып. 18. 1961. С.290-291). Грюмелю возражал Доллей, который вопреки Продолжателю Феофана и Симеону Логофету предложил отсчитывать десять лет не от покушения, а от беседы императора с монахом Марком, и датировал покушение 21 апреля 902 г. (*Dolley R. H. The date of the St. Mokios attempt on the life of the emperor Lean VI. «Melanges H. Gregoire», vol. II, Bruxelles, 1950*). С хронологией Р. Доллея не согласились R. J. H. Junkins, B. Laourdass, C. A. Mango.

[11] Эта атрибуция оспорена О. В. Твороговым, показавшим, что Хронограф составлен не ранее 1512 года. См. предисловие и Б. М. Клосса к изданию 2005 г. «Русского хронографа» (22 том ПСРЛ, с. IV–XIV репринтного воспроизведения). Однако мы не видим причин отказываться от шахматовской гипотезы и потому будем говорить о дошедшей до нас редакции Продолжателя Пахомия.

[12] О. В. Творогов среди источников Хронографа 1512 года называет книги Священного писания, «Повесть о создании и поплении Тройском», Хроники Константина Манассии, южнославянскую «Притчу о кралех», Летописец Еллинский и Римский, «Историю Иудейской войны» Иосифа Флавия, византийскую Хронику Константина Манассии, сокращенную переработку Хроники Иоанна Зонары, жития сербских святых и русские летописи. (См. *Творогов О. В. К истории жанра хронографа // ТОДРЛ. 1972. Т. 27. С 203–226*). Добавим в этот ряд и более исправную, чем в греческих списках, Хронику Продолжателя Феофана (или, возможно, Псамафийскую хронику, а также Хронику Симеона Логофета), обнаруженную Пахомием, вероятно, в каком-то из афонских книгохранилищ.

[13] Русский Хронограф. Хронограф западнорусской редакции // ПСРЛ. Т. 22, ч. 2. 1914. С. 157. Репринтное воспроизведение: М., 2005.

[14] *Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 281.*

[15] *Maçoudi. Les Prairies d'or, éd. Barbier de Meynard. Paris, 1861 sq. Vol. II. P. 8–9.*

[16] Общие принципы расчета см.: *Журавель А. В. Лунно-солнечный календарь на Руси: новый подход к изучению // Астрономия древних обществ. М.: Наука, 2002. А. В. Журавель полагает также, что «не тот» номер индикта связан не с ошибкой, а с иной системой счета, и указывает, что такие же «ошибки» имеются и у Льва Диакона, и в дате смерти Феодосия Печерского (в летописях: 3. 5. 6582 года, суббота, но при этом 11 индикт, вместо 12-го, определяемого по нынешним таблицам). Так и тут: 913 год, требующий формально 1 индикта, дает индикт, на единицу меньший, то есть 15-й из предыдущего цикла.*

[17] Неомения – первое появление Луны в виде узкого серпа после новолуния. Она видна вечером после захода Солнца. В зависимости от широты места наблюдения и

расположения Луны на своей орбите меняется промежуток времени между новолунием и неоменией. Неомения происходит не позднее, чем через три дня после новолуния.

[18] Календарное сближение смерти Льва VI и Александра хорошо объясняет путаницу с тем, кто именно возвратил из ссылки патриарха Николая Мистика. В письме к Римскому папе тот пишет, что его вернул перед своей кончиной Лев, однако Продолжатель Феофана главу «Царствование Александра» начинает так: «Александр царствовал с Константином, сыном Льва, один год и двадцать два дня. Он вызвал Николая из Галакрин, низложил патриарха Евфимия и вторично посадил на патриарший трон Николая». Кроме того, известно, что болгарский князь Симеон летом 913 года пошел на Константинополь и в августе патриарх вынужден был рукоположить его в кесари. Но вот как это описывает Продолжатель Феофана: «Архонт Болгарии Симеон отправил к Александру мирное посольство, сообщая, что рад был бы миру, а также, что любит и почитает царя, как и при императоре Льве. А тот в неразумии своем и глупости с позором отослал послов, при этом прибег к угрозам, думая утратить Симеона. Мир был нарушен, и решил Симеон поднять меч против христиан». Ясно, что описаны события одного лета: Симеон после смерти Льва выражает лояльность Александру и пытается заключить с ним мир, но тот оскорбляет послов и Симеон начинает войну. Александр умирает, Симеон осаждает Царьград, получает титул кесаря и уходит.

[19] *Любарский Я. Н.* Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. М., 1992.

[20] Константин Багрянородный. Об управлении империей. Наука, М. 1991.

[21] «Что касается до царя Льва, то он сильно заболел; и когда он боялся, что умрет, то послал за патриархом Николаем, которого он изгнал; и ублажал он его и снова посадил на престол, а Евфимия патриарха он удалил и велел ему пребывать в одном константинопольском монастыре; и прожил он в монастыре два года и умер. И жил после него царь Лев с болезнью, которою он болел, несколько месяцев и умер...»

[22] *Бируни Абу Райхан.* Избранные произведения. Т. I, Ташкент, 1957. С. 89–204.

[23] *Лев Диакон.* VI книга. 10 глава.

[24] *Каштанов С. М.* Из истории русского средневекового источника: Акты X–XVI вв. М., 1996. С. 9.

[25] *Обнорский С. П.* Язык договоров русских с греками // Язык и мышление. 1936, VI–VII. С. 102.

[26] Последний вывод, впрочем, нельзя признать очевидным: в это время письменные синтаксические нормы еще только вырабатывались. Напомним, что глаголица народилась лишь полвека назад, и мы даже не знаем, изобретена ли уже кириллица. Кроме того, если пишущий учился грамоте в Греции или Болгарии, он не обязательно должен быть болгарин и греком.

[27] Когда патриарх Фотий в Окружном послании восточным Патриаршим престолом в 867 г. говорит о первом Аскольдовом крещении и сообщает о добровольном крещении «свирепого народа рос», трудно не вспомнить о том, как святой Мамант пас львов в пустыне и умилял сердца диких зверей. Греки поручили Маманту пасти и окормлять «свирепых росов», и эхо этого откликнулось в Окружном послании, а потом в договорах Олега и Игоря. А потому можно предположить, что квартал у монастыря святого Мамы (так называли этого святого на Руси) становится «русским» еще во времена Аскольда.

[28] ПСРЛ. Т. 3. Стб. 23. Впервые «звезда в образе копья» является при Нероне (см. 6 главу 9 книги Краткого Временника Георгия Амартола). Под 912 годом у Продолжателя Амартола читаем: «При этом появилась звезда-комета на западе, которую, говорят, назвали копьем, и она провозвещает кровопролитие в городе». (Уч. Зап. Имп. Ак. Наук, кн. VI, 1861. С. 797).

[29] Ссылка на позднюю дату похода и кончины Олега (922) в Комиссионном списке Новгородской первой летописи не убедительна, поскольку эта летопись не знает договора Олега, а, следовательно и имен упомянутых в нем византийских императоров – Льва, Александра и Константина, двое из которых умерли в 913 году. Кроме того, начальные датировки в этой летописи куда менее надежны, чем восходящие к Нестору даты Ипатьевской и Лаврентьевской летописи. Ссылаются и на некоторые восточные источники, скажем, на переписку кордовского министра Хасдай ибн Шапрута с хазарским каганом Иосифом, в которой упомянут византийский император Роман (920–944) и «царь Руси» Хельг. Потерпев поражение от хазар, Хельг пошел на Византию, но его флот был сожжен греческим огнем. (Против отождествления этого Хельга с вещим Олегом см.: *Войтовтович Л. В.* Княжа доба на Руси: портрети еліти. Біла Церква. 2006. С. 207–208.) Так и в европейских переводах арабских текстов попадают случаи ошибочного пересчета с года Хиджры (354 дня) на григорианский или юлианский год из 365 дней. (Таковую ошибку делает, к примеру, В. Н. Татищев, когда пишет: «Магометане исчисляют их эпоху от бега Магометова в Медину, что учинилось после Христа в 622-м году, в сентябре, и потому по их счислению ныне [в 1749 году] идет 1127 год». На самом деле 1749 год от Р. Х. – 1163 год хиджры.) Замечательно, что 622 плюс 300 как раз и дает 922 год (как в Новгородской первой летописи). Но 300 годов по хиджре – это 290 лет, а 622 плюс 290 равно 912.

[30] *Кузьмин А. Г.* Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 239.

[31] Заметим при этом, что числу 21, как всем двузначным числам, полагался лишь один титлос, а потому выпрыгнувшая из строки единица должна была остаться без титла и превратиться в союз «а». Ошибки подобного рода – не редкость. А. И. Соболевский в X главе своей «Славяно-русской палеографии» отмечает, что цифра «е» (пятерка), теряя титлос,

зачастую превращалась в окончание числительного, и дата события неожиданно старела на пять лет.

[32] Рукопись Московской Духовной Академии. В I томе Полного Собрания Русских Летописей она означена принадлежащею Троицкой Сергиевой Лавре и названа Троицкою. Писана в XV веке в четвертую долю листа, полууставом.

[33] *Шахматов А. А.* Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 222-230.

[34] Отметим, к слову, что летописание Нестора заканчивается уже после его посещения Ладоги в 1114 году, и рассказ о ладожских «глазках» никак не может принадлежать его продолжателю Сильвестру, игумену Михайловского Выдубецкого монастыря.

[35] Цит. По изданию: *Карпов С. П.* Итальянские морские республики и средиземноморье XIII–XV вв. Проблемы торговли. М. 1990. Перевод А. Хаханова.

<http://www.vostlit.info/Texts/rus/Panaret/text.phtml>

Стоит выписать из этого сочинения и еще одно место: «Преставился великий Комнен, кир-Алексей в четверг 3 мая месяца 6838 г. (1330) процарствовал 33 года без 3 месяцев». Это ответ всем, кто полагает, что летописное «Княжил Олег лет 33» – свидетельство не реальной хронологии, а фольклорного (и потому сугубо мифологического) счета.

[36] *Макс Фасмер.* Этимологический словарь русского языка. М., 1967. Т. 3. С. 57.

[37] Пасха 6419 (911) года пришла на 21 апреля, Пятидесятница на 9 июня. 2 сентября 6420 года было понедельником 13 седмицы по Пятидесятнице. Пасха 6420 (912) года – 12 апреля, Троица (Пятидесятница) – 31 мая. 2 сентября 6421 года (с 1 сентября для летописца начался новый год) было средой 14 седмицы (или 15-й «недели», если под этим словом понимать начальное его значение – воскресный день) по Пятидесятнице.

[38] *Шахматов А. А.* Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря. // Записки нефилологического общества. Вып. VIII. Пг., 1915. С. 402–404. С тем, что договор 907 г. – простая выборка из договора 911 г., соглашался и Д. С. Лихачев. Этой же точки зрения придерживались А. А. Зимин и А. Г. Кузьмин. Разделял ее и О. В. Творогов. Подлинность договора 907 г. признавали Н. А. Лавровский, В. В. Сокольский, С. М. Соловьев, А. В. Лонгинов, Д. Я. Самоквасов, Б. Д. Греков, М. В. Левченко, Ф. И. Кожевников, В. Т. Пашуто, С. Микуцкий и В. М. Истрин. Последний полагал, что соглашение 907 г. отвечало дипломатическим канонам, но оказалось недостаточным для дальнейшего регулирования отношений. Поэтому в 911 г. Олег и отправил послов в Константинополь. Дополнительные условия появились в договоре 911 г., но позднейший летописец сократил их как простое повторение норм договора 907 г.

(Более полно см. по: Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. IX – первая половина X в. М., 1980. С. 84–89). В свою очередь присоединяюсь к мнению В. М. Истрина.

[39] У такой двойственности древние корни: до Никейского собора Пасхой именовалась и седмица, предшествующая дню Воскресения Христова (Крестная Пасха), и следующая за ним (Пасха Воскресения). В 325 году было решено, что первая седмица должна зваться Страстной, вторая – Светлой, а сам день Воскресения – Пасхой.

[40] Заметим, что в предыдущем, 911–912 году 1 сентября приходилось на двенадцатую, или, если считать по числу воскресных дней, на тринадцатую неделю по Пятидесятнице, а, значит, даже при таком «детском счете», превратиться в пятнадцатую не могла.

[41] Именно такую ошибку обнаруживаем в популярном ныне электронном Православном календаре программиста Андрея Лебедева: в 6419 году в левом поле календаря номера всех седмиц по Пятидесятнице, начиная с первой и кончая одиннадцатой, на самом деле являются вторыми–двенадцатыми. (Первая седмица и есть сама Пятидесятница.) При этом правильный счет дан на той же странице в правом верхнем окне. Ошибка произошла потому, что составитель календаря счел 16 июня первой неделей по Пятидесятнице, в то время как Троица была 9 июня. Это же относится и другим годам, к примеру, 900–905: то есть с первого воскресного дня после Пасхи начинается вторая неделя, а с первого воскресного дня после Пятидесятницы – первая. Налицо совмещение двух разных систем счета.

Адрес календаря: <http://alebedev.narod.ru/app/app01.html>

[42] Кузьмин А. Г. Начальные этапы... С. 281.

[43] Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка X–XIV вв. СПб., 1882, С. 5, прим.

[44] Идентичность ошибок в датировках договоров Олега и Игоря не говорит о том, что Нестор переписывал второй договор Олега с копии, сделанной переводчиком уже для Игоря. Или такого рода ошибки были типичны и в 912-м, и в 945 году, или работу и для Олега, и для Игоря, выполнял один переводчик, за тридцать три года так и не научившийся корректно переводить цифры с греческого на глаголицу.

[45] Повесть временных лет. СПб., «Наука», 1999. С. 20, 132. У Карамзина в пятой главе первого тома «Истории государства Российского» дата прочтена так: «Сентября во 2 неделю, в 15 лето (то есть Индикта) от создания мира...». Однако нам не известны сокращения слова «индикт» до одной буквы. Этого же чтения придерживается и С. М. Каштанов.

[46] Солнечный круг составлял 28 лет, но считался не с 1 сентября, а с 1 октября. См. об этом сочинение монаха Антониева монастыря математика Кирика Новгородца (1136 год)

«Наставление, как человеку познать счисление лет». Поэтому указание комментаторов на то, что 1 сентября 6420 года приходится на восьмой солнечный круг, – ошибочно. Правильно – на седьмой. Число «8» в дате свидетельствует о том, что в протографе речь шла о счете кругов солнца не на сентябрь 6420, а сентябрь 6421 (912) года.

[47] При этом значительная часть церковных книг, связанная с исчислениями Пасхалии, исстари все же велась по мартовскому счету.

[48] Историки не обратили внимания на то, что весь договор Олега 912 года проникнут идеей грядущего постижения Русью христианства. Обоснование этого тезиса (Чернов 2006: 60–63).

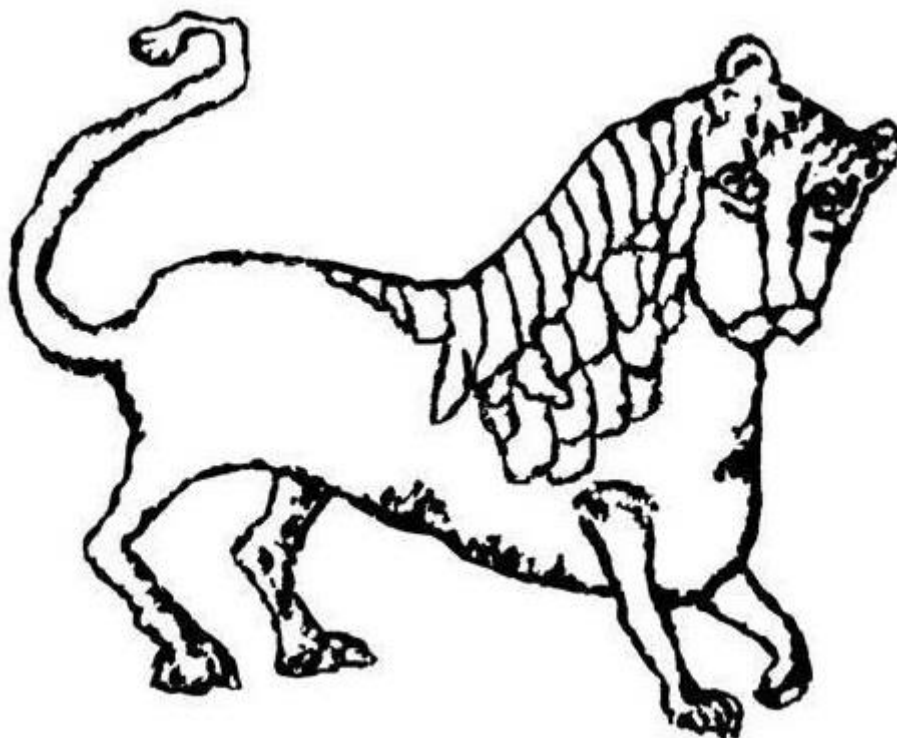
[49] См.: *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1967. Т. 2. С. 106.

[50] Об этом см. мою заметку «Документ о крещении Олега»:
https://nestoriana.wordpress.com/2017/09/01/oleg_912/

Эта хрустальная подвеска викингов с завязанной морским узлом серебряной проволокой,,
подобрана мною на археологическом отвале Земляного городища,
куда она попала вместе с линзой желтого речного песка
и явилась на свет после очередного дождика.
. Передана в Староладожский музей.
Аналоги (с сердоликом) найдены в Бирке.

XI. СВИДЕТЕЛЬСТВО О КРЕЩЕНИИ ВЕЩЕГО ОЛЕГА

Граффити из Новгородской Софии. Первая треть XII века.
Прорись по архивной фотографии начала XX века.

Текст второго договора Вещего Олега, найденный Нестором в великокняжеском киевском архиве, был подписан Олегом 2 сентября 912. Никто, впрочем, не обратил внимания, что это день святого Маманта, а именно у его церкви по договору 907 года греки повелели русским селиться в Царьграде.

В представлении историков и литературоведов князь Олег – закоренелый язычник. Как язычник он и гибнет [1]. Покажем, что это всего лишь миф, не позволяющий в силу априорной психологической «установки» понять логику русско-византийских договоров Олега 907 [2] и 912 годов.

Полемика о договорах Олега уже третий век разворачивается в гадательной области и в результате сводится к тому, существовал ли договор 907 года и каким образом готовился договор 912 года. Ее наиболее полный библиографический свод читатель найдет в двух обстоятельных новейших исследованиях [3]. В этих же работах содержится и, без сомнения, ценнейший сравнительный материал по

немногим дошедшим до нас византийским внешнеполитическим актам. Впрочем, те же авторы приходят к выводу, что и он мало что объясняет в механике заключения Олеговых договоров.

Долгое время считалось, что византийские источники об Олеге не помнят. Однако в Хронике Псевдо-Симеона (последняя треть X века), повествуется, что у росов был некий могущественный правитель, от коего «росы получили свое имя... после того, как им удалось избежать последствий того, что предсказывали о них оракулы, благодаря какому-то предостережению или божественному озарению того, кто господствовал над ними» [4].

Кроме того, замечено [5], что Константин Багрянородный в книге «De Cerimoniis Aulae Byzantinae» упоминает об участии русских судов в критской экспедиции 910/911 годов, вероятно, посланных Олегом [6], а в арабском труде «Табай-аль-Хайяван», принадлежащем историку конца XI – начала XII в. Аль-Марвази (написан около 1120 г.) русские, по преданию, достигли Константинополя «несмотря на цепи в заливе».

В. Ф. Минорский подробно обосновал, почему имеется в виду именно кампания Олега 907 года [7].

Кроме того, в морском трактате, приписываемом традицией Льву VI, примерно 905 годом датируются сведения о «скифских ладьях», а в трактате «Тактика» упомянуты морские сражения с арабами (906 г.) и росами [8].

Этих свидетельств достаточно, чтобы констатировать: и поход Олега, и договор 907 года – отнюдь не выдумка русского летописца. Из Повести временных лет мы знаем, что в Киеве при Олеге словене, чудь и русь прозвались Русью [9]. Текстологическое совпадение с текстом Псевдо-Симеона («могущественный правитель, от которого росы получили свое имя») свидетельствует, что и предшественник Нестора, и Псевдо-Симеон пользовались какой-то неизвестной нам византийской хроникой [10].

Итак, Псевдо-Симеону известно, что у стен Царьграда Олег ослушался своих прорицателей, но не погиб. Что сделал Олег, мы знаем – заключил мир с греками. И он должен был погибнуть, когда б отведал вынесенного ему отравленного вина. Отвергнув дары, Олег заслужил прозвище Вещий и посрамил волхвов, предупреждавших, мол, замиришься – погибнешь. (Что, скорее, угроза, чем пророчество).

После византийского похода, как указывает русский летописец, Олег пять лет живет «в мире со всеми».

Но 912 году русский князь заключает на удивление выгодный ему договор с греками [11]. По доброй воле, безо всякой новой угрозы со стороны Руси, византийские императоры даруют Олегу беспрецедентные торговые льготы.

Текст договора, найденный Нестором в великокняжеском киевском архиве, был подписан Олегом 2 сентября. Никто, впрочем, не обратил внимания, что это день святого Маманта, а именно у его церкви по договору 907 года греки повелели русским селиться в Царьграде. (В том же контексте имя Маманта возникнет и в договоре Игоря.)

Уже одного этого достаточно, чтобы вновь напролет, но очень медленно перечитать все то, что относится к данному сюжету в Повести временных лет.

Цитирую в переводе:

В год 6415 (907). Пошел Олег на греков, оставив Игоря в Киеве; взял же с собою множество варягов, и славян, и чуди, и кривичей, и мерю, и древлян, и радимичей, и полян, и северян, и вятичей, и хорватов, и дулебов, и тиверцев, известных как толмачи: этих всех называли греки «Великая Скифь». И с этими всеми пошел Олег на конях и в кораблях; и было кораблей числом 2000. И пришел к Царьграду; греки же замкнули Суд, а город затворили. И вышел Олег на берег, и начал воевать, и много убийств сотворил в окрестностях города грекам, и разбили множество палат, и церкви пожгли. А тех, кого захватили в плен, одних иссекли, других замучили, иных же застрелили, а некоторых побросали в море, и много другого зла сделали русские грекам, как обычно делают враги.

И повелел Олег своим воинам сделать колеса и поставить на колеса корабли. И когда подул попутный ветер, подняли они в поле паруса и пошли к городу. Греки же, увидев это, испугались и сказали, послав к Олегу: «Не губи города, дадим тебе дань, какую захочешь». И остановил Олег воинов, и вынесли ему пищу и вино, но не принял его, так как было оно отравлено. И испугались греки, и сказали: «Это не Олег, но святой Дмитрий⁵¹, посланный на нас Богом». И приказал Олег дать дани на 2000 кораблей: по 12 гривен на человека, а было в каждом корабле по 40 мужей.

⁵¹ Полагаю, что эта фраза датирует день, в который Олег разыграл перед греками свой спектакль с поставленными на колеса ладьями. 26 октября 906 г. в Царьграде праздновали шестисотлетнего юбилея со дня кончины Дмитрия Солунского. И вряд ли является случайностью то, что в Ладожской крепости на мысовом городище бок о бок с церковью Святого Георгия со средневековья стояла (и стоит в обновленном виде) деревянная церковь Дмитрия Солунского. Под этим именем Олег и должен был войти в купель. Если это не просто «странное сближение», то в средневековой Ладоге помнили о крещении Олега. И в этом нет ничего невероятного: например, в 1197 г. великий князь Всеволод Юрьевич перенес из Солуни во Владимир икону великомученика Димитрия, написанную, по преданию, на гробовой доске святого.

И согласились на это греки, и стали греки просить мира, чтобы не воевал Греческой земли. Олег же, немного отойдя от столицы, начал переговоры о мире с греческими царями Леоном и Александром и послал к ним в столицу Карла, Фарлафа, Вермуда, Рулава и Стемида со словами: «Платите мне дань». И сказали греки: «Что хочешь, дадим тебе». И приказал Олег дать воинам своим на 2000 кораблей по 12 гривен на уключину, а затем дать дань для русских городов: прежде всего для Киева, затем для Чернигова, для Переяславля, для Полоцка, для Ростова, для Любеча и для других городов: ибо по этим городам сидят великие князья, подвластные Олегу. «Когда приходят русские, пусть берут содержание для послов, сколько хотят; а если придут купцы, пусть берут месячное на 6 месяцев: хлеб, вино, мясо, рыбу и плоды. И пусть устраивают им баню – сколько захотят. Когда же русские отправятся домой, пусть берут у царя на дорогу еду, якоря, канаты, паруса и что им нужно». И обязались греки, и сказали цари и все бояре: «Если русские явятся не для торговли, то пусть не берут месячное; пусть запретит русский князь указом своим приходящим сюда русским творить бесчинства в селах и в стране нашей. Приходящие сюда русские пусть живут у церкви святого Маманта, и пришлют к ним от нашего царства, и перепишут имена их, тогда возьмут полагающееся им месячное, – сперва те, кто пришли из Киева, затем из Чернигова, и из Переяславля, и из других городов. И пусть входят в город только через одни ворота в сопровождении царского мужа, без оружия, по 50 человек, и торгуют, сколько им нужно, не уплачивая никаких сборов».

Цари же Леон и Александр заключили мир с Олегом, обязались уплатить дань [12] и присягали друг другу: сами целовали крест, а Олега с мужами его водили присягать по закону русскому, и клялись те своим оружием и Перуном, своим богом, и Волосом, богом скота, и утвердили мир. И сказал Олег: «Сшейте для руси паруса из паволок, а славянам копринные», – и было так. И повесил щит свой на воротах в знак победы, и пошел от Царьграда. И подняла русь паруса из паволок, а славяне копринные, и разодрал их ветер; и сказали славяне: «Возьмем свои толстины, не даны славянам паруса из паволок». И вернулся Олег в Киев, неся золото, и паволоки, и плоды, и вино, и всякое узорочье. И прозвали Олега Вещим, так как были люди язычниками и непросвещенными [13].

Таков рассказ летописца об обстоятельствах первого договора Олега.

Договор сугубо торговый, в нем прописаны льготы русским купцам и регламент их поведения в Константинополе. О дани греков русским говорится, скорее, как о единовременной выплате городам, принявшем участие в походе

(Новгород не назван). И ни о каком военно-политическом союзе Византии и Руси речи не идет.

Однако перед нами лишь сокращенный вариант текста, и свидетельство Константина Багрянородного об участии русского флота в критской экспедиции говорит о том, что пункт о военной помощи в первом договоре все же был.

Летописец приводит только две подлинные цитаты из договора. И если по первой («Когда приходят русские...») нельзя определить, от имени кого декларируется сказанное, то вторая цитата («Если русские явятся не для торговли, то пусть не берут месячное...») свидетельствует, что перед нами перевод с греческого списка. Подтверждением тому строки: «Приходящие сюда русские пусть живут у церкви святого Маманта, и пришлют к ним от нашего царства и перепишут имена их...».

Договор заключен в Константинополе, и далее летописец упомянул о том, что императоры-соправители Лев и Александр «имшеся по дань» (обязались уплатить дань) «и ротѣ заходивше межы собою, целовавше сами крестъ, а Олга водившее на роту и мужи его по Рускому закону, кляшася оружием своимъ, и Перуномъ, богомъ своимъ, и Волосомъ, скотьемъ богом, и утвердиша миръ».

Совсем иное дело – подписанный Олегом в Киеве текст договора 912 года. Договор начинается верительной грамотой послов (что, как показал С. М. Каштанов, это обычная практика в византийском внешнеполитическом делопроизводстве):

В год 6420. Послал Олег мужей своих заключить мир и установить договор между греками и русскими, говоря так: «Равно другаго свещания [14], заключенного при тех же царях Льве и Александре. Мы от рода русского – Карлы, Инегелд, Фарлоф, Веремуд, Рулав, Гуды, Руалд, Карн, Фрелав, Рюар, Актеву, Труан, Лидул, Фост, Стемид [15] – посланные от Олега, великого князя русского, и от всех, кто под рукою его, – светлых и великих князей, и его великих бояр, к вам, Льву, Александру и Константину, великим в Боге самодержцам, царям греческим, для укрепления и для удостоверения многолетней дружбы, бывшей между христианами и русскими, по желанию наших великих князей и по повелению, от всех находящихся под рукою его русских.

«Его» – то есть Олега. И далее говорит Олег, то есть следует сам текст договора, составленный в Киеве при участии грека Иоанна (видимо, византийского посла). С этим-то текстом, но уже написанным по-гречески, Олег и отправляет посольство в Царьград:

Наша светлость, превыше всего желая в Боге укрепить и удостоверить дружбу, существовавшую постоянно между христианами и русскими, рассудили по справедливости, не только на словах, но и на письме, и клятвою твердою, клянясь оружием своим, утвердить такую дружбу и удостоверить ее по вере и по закону нашему. Таковы суть главы договора, относительно которых мы себя обязали по Божьей вере и дружбе...

«Божья вера»... Это выражение может показаться ошибкой, ведь православные императоры веру в Велеса и Перуна «божьей» признать не могли. Кроме того, в этом, пусть и невероятном случае, в тексте были бы упомянуты и Перун, и Волос, как в том же договоре 907 года. Но языческий элемент в этом договоре полностью отсутствует (вопреки И. Я. Фроянову, утверждающему обратное, но мотивирующему свое заключение лишь тем, что греки названы «христианами», а киевляне «русскими»).

Необъяснимой и дикой ошибкой перевода с греческого, на которую, впрочем, также никто не обращает внимания, представляется и фраза: «Наша светлость, превыше всего желая в Боге укрепить и удостоверить дружбу...».

Как можно удостоверить «дружбу в Боге», если сам ты язычник и в Бога не веруешь? Продолжим наше «медленное чтение» и покажем, что никакой ошибки тут в обоих случаях нет: «Первыми словами нашего договора помиримся с вами, греки, и станем любить друг друга от всей души и по всей доброй воле, и не дадим произойти, поскольку это в нашей власти, никакому обману или преступлению от сущих под рукою наших светлых князей; но постараемся, насколько в силах наших, сохранить с вами, греки, в будущие годы и навсегда непревратную и неизменную дружбу, изъявлением и преданием письму с закреплением, клятвой удостоверяемую. Так же и вы, греки, соблюдайте такую же непоколебимую и неизменную дружбу к князьям нашим светлым русским и ко всем, кто находится под рукою нашего светлого князя всегда и во все годы».

Далее следуют главы договора. А вот и концовка, которую для удобства мы разобьем на синтагмы:

**На оутверженье же и неподвижение
быти межи вами христьяны и Русью
бывший миръ сътворихомъ Ивановомъ написаниемъ
на двою харотью царства [16] вашего –
и своею рукою предлежащимъ честнымъ крестомъ
и святою единосущною Троицею
единого истиньнаго Бога нашего извести,
и дасть нашимъ посломъ (Ипат. Стб. 27–28).**

Обычно переводят так: «В знак крепости и неизменности, которая должна быть между вами, христианами, и русскими мирный договор этот сотворили мы Ивановым написанием на двух хартиях – Царя вашего и своею рукою, – скрепили его клятвою предлежащим честным крестом и святою единосущною Троицею единого истинного Бога вашего и дали нашим послам».

Но, во-первых, во всех списках Ипатьевской летописи: «единого истинного Бога нашего», а во-вторых, выражение «на двух хартиях – Царя вашего и своею рукою» бессмысленно и грамматически, и даже... ритмически [17].

«Своею рукою» синтаксически относится к глаголу извести («скрепил»). Речь о том, что Олег скрепил обе копии своей рукой [18], видимо, начертав на списках святой крест и призвав в свидетели Троицу.

И потому по Ипатьевской летописи перевод должен быть таким:

**На утверждение непоколебимости,
которое должно быть между вами христианами и Русью,
сей мир сотворили мы Ивановым написанием
на двух хартиях царства вашего
и своею рукою скрепили его клятвой
предлежащим честным крестом
и святою единосущною Троицею
единого истинного Бога нашего
и дали нашим послам.**

Итак, русский «великий князь» с помощью византийского дипломата Иоанна изготавливает две хартии. Это или два греческих списка для двух императоров; семилетний Константин, в расчет не принимается, или, скорее всего, греческий текст и идентичный ему русский. Своей рукой князь скрепляет христианской клятвой оба пергамена. (Удивительно, но даже С. М Каштанов, отметивший, что договор 912 года полностью составлен от лица русских, внимания на это не обращает.) Затем Олег вручает договор своим послам, и далее, как и положено в византийском делопроизводстве, следует клятва послов:

Мы же клялись царю вашему, поставленному от Бога, как божественное создание [19], по вере и по обычаю нашим, не нарушать нам и никому из страны нашей ни одной из установленных глав мирного договора и дружбы. И это написание дали царям вашим на утверждение, чтобы договор этот стал основой утверждения и удостоверения существующего между нами мира.

Клятва послов опоясывает договор (вспомним, что текст и начинается с их слов). А клятва византийских императоров отсутствует, и это говорит о том, что летописец берет текст из русского списка договора. Напомним, что договор 907 года цитируется в обратном переводе с греческого, а, значит, предположение А. А. Шахматова, полагавшего, что договор 907 года не существовал и цитаты из него в ПВЛ лишь сделанное летописцем извлечение из договора 912 года, – ошибочно.

Упоминание об «Ивановом написании» (ничего подобного нет в договоре Игоря) отсылает нас к договору Святослава, который подписывает договор в собственном стане. А гарантом того, что язычник Святослав действительно клялся (богом Перуном и богом Волосом) выступает высокопоставленный греческий монах (синкел) Феофил.

Из комментария летописца к первому договору Олега мы знаем, что «Олега с мужами его водили присягать по закону русскому, и клялись те своим оружием и Перуном, своим богом, и Волосом, богом скота, и утвердили мир».

Но в том и дело, что Олег подписывает договор 912 года в Киеве (и безо всякого нового похода на Царьград), и из Киева отправляет посольство в Константинополь. И как невозможна клятва здоровьем чужих отца и матери, так немислимо, чтобы Олег клялся христианским Богом, не приняв крещения.

Собственно, видимо, это и подтверждает внесением своего имени в текст договора грек Иоанн, и вот почему во всем договоре Олега не нашлось места даже для упоминания о русских языческих «богах». Обойдены они и в клятве послов, где тактично заявлено, что русские послы клянутся «по вере и по обычаю нашим».

Эта дипломатическая тактичность сквозит и в договоре язычника Игоря:

«Великий князь наш Игорь, и бояре его, и люди все русские послали нас к Роману, Константину и Стефану, к великим царям греческим, заключить союз любви с самими царями, со всем боярством и со всеми людьми греческими на все годы, пока сияет солнце и весь мир стоит. А кто с русской стороны замыслит разрушить эту любовь, то пусть те из них, которые приняли крещение, получают возмездие от Бога Вседержителя, осуждение на погибель в загробной жизни, а те из них, которые не крещены, да не имеют помощи ни от Бога, ни от Перуна, да не защитятся они собственными щитами, и да погибнут они от мечей своих, от стрел и от иного своего оружия, и да будут рабами во всю свою загробную жизнь».

И еще: «Мы же договор этот написали на двух хартиях, и одна хартия хранится у нас, царей, – на ней есть крест и имена наши написаны, а на другой – имена послов и купцов ваших... Мы же, те из нас, кто крещен, в соборной церкви клялись церковью

святого Ильи в предлежании честного креста и хартии этой соблюдать все, что в ней написано, и не нарушать из нее ничего; а если нарушит это кто-либо из нашей страны – князь ли или иной кто, крещеный или некрещеный, – да не получит он помощи от Бога, да будет он рабом в загробной жизни своей и да будет заклан собственным оружием. А некрещеные русские кладут свои щиты и обнаженные мечи, обручи и иное оружие, чтобы поклясться, что все, что написано в хартии этой, будет соблюдаться Игорем, и всеми боярами, и всеми людьми Русской страны во все будущие годы и всегда. Если же кто-нибудь из князей или из людей русских, христиан или нехристиан, нарушит то, что написано в хартии этой, – да будет достоин умереть от своего оружия и да будет проклят от Бога и от Перуна за то, что нарушил свою клятву».

Заметим, что и в клятве веротерпимого язычника Игоря Перун не назван Богом, но дважды противопоставлен христианскому «Богу Вседержителю». (И все же договор Игоря содержит ряд ограничений для русских купцов, и условия его для русской торговли куда менее льготные.)

Переписав договор 912 года, летописец рассказывает, куда именно греки повели послов Олега:

«Царь же Леон почтил русских послов дарами – золотом, и шелками, и драгоценными тканями – и приставил к ним своих мужей показать им церковную красоту, золотые палаты и хранящиеся в них богатства: множество золота, паволоки, драгоценные камни и страсти Господни – венец, гвозди, багряницу и мощи святых, уча их вере своей и показывая им истинную веру. И так отпустил их в свою землю с великою честью. Послы же, посланные Олегом, вернулись к нему и поведали ему все речи обоих царей, как заключили мир и договор положили между Греческою землею и Русскою и установили не преступать клятвы – ни грекам, ни руси».

Из этого следует, что договор 912 года с его беспрецедентно выгодными для Руси условиями (с этим согласны все российские историки) был предложен греками Олегу за его крещение и обещание крестить Русь. Попыткой начать процедуру крещения Руси надо объяснять и последовавшую осенью 912 году поездку Олега в Ладогу (см. Новгородские и Архангелогородские летописи). Целью этой поездки, как утверждает Архангелогородский летописец, сохранивший наиболее архаичную версию рассказа о гибели Олега (мнение Б. А. Рыбакова, которое трудно оспорить), было посрамить волхвов, предсказавших князю смерть от его коня до того, как Олег принял власть по смерти Рюрика.

Конфликт Олега с волхвами, требовавшими не заключать с Византией мирного договора, начинается еще под стенами Царьграда в 907 году (см. Хронику Псевдо-Симеона). Но в Ладоге Олег неосторожно произносит: «Воистину солгали мне волхвы наши, да придя в Киев побью волхвов» (Архангелогородский летописец). И тем сам приговаривает себя к гибели на языческом капище Велеса в местности, и ныне именуемой «Заморье» [20].

Архангелогородская летопись – поздняя. И, как ни парадоксально, именно в этом ее ценность. Ибо она – свидетельство того, что в новгородской (архангелогородской) устной традиции существовал жанр исторических преданий, сохранивших, в том числе и то, что за века бытования в письменной традиции было нивелировано. Не раз отмечалось, что в данном случае на бумагу попал куда более архаичный, чем в Повести временных лет, рассказ о смерти Олега.

Строки такой силы знаю, пожалуй, только у Пушкина:

«...шел Олег к Новгороду, а оттуда в Ладогу. Сей же Олег княжил лет 33 и умер, змеем ужален... Прежде же сих лет призвал Олег волхвов своих и спросил их: “Скажите мне, что есть смерть моя?” Они же решили: “Смерть твоя от любимого коня твоего”... И повелел отрокам своим, да, уведя его далеко в поле, отсекут главу его, а самого повергнут зверям полевым и птицам небесным. Когда же шел от Царьграда полем, наехал на главу коня своего сухую и сказал боярам своим: “Воистину солгали мне волхвы наши, да, придя в Киев, побью волхвов”... И слез с коня своего, желая взять главу коня своего – сухую кость, и поцеловать ее... И тут изошел из главы из коневой, из сухой кости, змей и уязвил Олега в ногу... И с того разболелся и умер. И есть могила его в Ладоге».

Олег спрашивает волхвов о своей судьбе после смерти Рюрика, а Рюрик умирает в Новгороде в 879 году. Но Киев будет присоединен к Северной Руси еще через три года, на берегу Днепра кости Олегова коня искать не надо. Они могут быть или в Новгороде, или в Ладоге. Выше Новгорода у истока Волхова, на Перыни, находится святилище бога-громовержца Перуна, а святилище его космического противника, бога подземного и подводного мира Велеса, расположено на Alode-jogi (от финского «Нижняя река», откуда и скандинавское название Ладоги – Альдейгия⁵²). Это ниже волховских порогов и даже ниже Ладоги, на краю

⁵² Полемика (Helimski 2008).

балтийского глинта, – на Велеше, Урочище и деревенька с таким именем находятся напротив Любши на последней перед Ладожским озером возвышенности Волхова.

Сравним два текста:

Полужирным шрифтом выделим статьи, совпадающие в комплексе договоров 907 и 912 гг. со статьями договора 945 г.

ДОГОВОР 907 г. (Д–907)

- 1. Единовременная дань греков.**
- 2. О довольствии и содержании русских послов и купцов*.**
- 3. Бесплатные провиант и оснастка судов для послов и купцов, возвращающихся на Русь.**
- 4. Условие, что русские не берут месячины, если пришли не для торговли.**
- 5. Запрет русским творить бесчинства в Греции.**
- 6. Регламент проживания русских послов и купцов в монастыре святого Маманта в Царьграде.**
- 7. Право беспошлинной торговли русских в Царьграде.**
- 8. Клятвы обеих сторон (в пересказе)**

ДОГОВОР 912 г. (Д–912)

- 1. Преамбула о мире и любви.**
- 2. О злодеяниях и суде:**
 - А) За убийство;**
 - Б) Об имуществе убийцы;**
 - В) О нанесенном увечье;**
 - Г) О краже;**
 - Д) О грабеже.**
- 3. О выкинутой на берег ладье.**
- 4. О возвращении пленников.**
- 5. О свободном найме русских на греческую службу.**
- 6. Еще о пленниках и беглецах.**
- 7. Об имуществе русских, умерших на греческой службе.**
- 8. «О взымающих дань Руси».**
- 9. О должниках.**
- 10. Клятвы Олега и его послов**

Договоры 907 и 912 годов действительно не «пересекаются», а потому надо рассмотреть две гипотезы: или первый договор дополнен вторым, или похода 907 года и впрямь не было, но из договора 912 года летописцем по каким-то причинным изъяти и перенесены на 907 год часть статей единого развернутого договора.

Однако сравнение с договором Игоря делает вторую гипотезу избыточной.

ДОГОВОР 945 г. (Д–945)

1. Преамбула о мире и любви.

2. См. 2 в Д-907 (дан в виде ссылки).

3. Требования к русским приносить не печати, а грамоты. Санкции к нарушителям.

4. См. 4 в Д-907.

5. См. 5 в Д-907.

6. См. 6 в Д-907.

7. См. 7 в Д-907. Добавление: ограничить покупку русскими шелка (паволок).

8. Подтверждение пункта 3 из Д-907 с добавлением запрета зимовать в Царьграде.

9. См. 2 в Д-912. Пункты: А) О беглецах; Б) О краже.

10. См. 4 в Д-912.

11. Запрет русским воевать Корсунь.

12. Обещание греков давать воинов русскому князю по его просьбе.

13. См. 3 в Д-912.

14. Запрет русским чинить препятствия корсунцам в ловле рыбы в устье Днепра и зимовать там.

15. Требование к Руси, чтобы она не пропускала черных болгар к Корсуню.

16. Еще о суде:

А) Требование не судить греков русским судом за все злодеяния (кроме убийства, кражи и увечья);

Б) Об имуществе убийцы;

В) О нанесенном увечье.

17. Требование к Руси поставлять воинов греческому царю по его приказу.

18. Клятвы обеих сторон.

При сравнении последовательности статей обнаруживаем, что пункты 2–8 в Д-945 года переписаны (с мелкими изменениями) из Д-907, пункты 9–10 и 13 взяты из Д-912, а пункты 14–17 – новые. Такая прямая последовательность говорит о том, что и русские, и греки при составлении Д-945 использовали тексты Д-907 и Д-912 (хотя греческая дипломатия взяла верх над русской, переиграв ее в целом ряде навязанных Руси дополнений и ограничений). Другое дело, что с первого договора Олега прошло уже без малого сорок лет, и стороны предпочитают не просто возобновить старые договоренности, а заново прописать все условия византийско-русского соглашения. Патриарх Фотий еще в 860-х, после неудачного похода Аскольда и Дира сообщал, что «крещен свирепый народ рос». Мы не знаем условий того первого греко-русского

договора. Но Олег убил киевских варягов и тем похоронил упования Византии на дружественную им Киевскую Русь.

Закончим цитатой: «Известие Повести временных лет 912 года о «научении» русских послов в Константинополе при императоре Льве VI «вере» и «показании» им «истинной» веры, должно рассматриваться как свидетельство оглашения – катехизации части русов, что подтверждается независимым сообщением Аль-Марвази о крещении русов в 300 году хиджры (912 г.) [21]. В середине – второй половине X в. (ПВЛ 944 г., 983 г.) русская летопись впервые твердо свидетельствует о русских христианах в Киеве, что непосредственно предшествует становлению канонической организации Русской Церкви в 988-996 гг.»⁵³.

Фраза Аль-Марвази в переводе звучит так: «И было их (русов – А. Ч.) воспитание таким, пока они не приняли христианство в месяцах 300 года хиджры». (С точки зрения персидского автора христианство «притупило мечи» русов и они позднее обратились к исламу. Последнее, казалось бы, немыслимое свидетельство, впрочем, подтверждается Повестью временных лет: см. рассказ о том, как Владимир выбирал веру.)

Загадочного этого пассажа Аль-Марвази, персидского философа, историка и поэта XI века, касаются не многие. Один из этих немногих украинский историк Михаил Брайчевский пишет: «Наиболее интересной представляется дата: 300 г. хиджры соответствует 912 г. нашего летоисчисления. Имеется в виду год смерти Олега Вещего...» [22]. Историк и связывает это свидетельство персидского автора со смертью Олега и прекращением гонений на христиан, которые, по его мнению имели место в Киеве с 882 года, то есть с убийства Аскольда.

http://www.krotov.info/history/10/988/braychevsky_02.htm

СПРАВКА:

Хиджра – (араб., буквально – переселение), переселение Мухаммеда и его приверженцев (мухаджиров) из Мекки в Ясриб (Медину), завершённое в сентябре 622 (около 24 сентября). При халифе Омаре I (правил в 634–644) год хиджра был объявлен началом мусульманского летосчисления. Поэтому хиджрой стала называться и мусульманская эра. Хиджра отсчитывается с 16 июля 622 года. Ее год состоит из 12 лунных месяцев, каждый из которых в среднем равен 29 суткам 12 час. 44 мин. Нечетные месяцы мусульманского календаря состоят из 30 дней, четные из 29; обычный лунный год состоит из 354 дней, каждый третий (високосный) из 355, тогда как европейский солнечный – из 365 и 366. Из-за разницы в днях одна и та же дата

⁵³ Александр Мусин. О распространении христианства в древней Руси IX-XIV веков на основе данных археологии и письменных источников. «Исторический вестник», № 6 (2) за 2000 г.

года по хиджре (например, начало нового года) приходится каждый год на разные числа григорианского календаря. По мусульманскому календарю в каждом 30-летии 19 обычных и 11 високосных годов. 32 года по григорианскому (Г.) календарю равны 33 годам хиджры Х. Перевод года Григорианского календаря на год хиджры: $X = Г - 622 + (Г - 622)/32$. Для точного перевода дат по хиджре на европейский солнечный календарь существуют синхронистические таблицы (см. *Цыбульский В.В.* Советские календари стран Ближнего и Среднего Востока. М., 1964).

Персидский автор Мухаммад 'Ауфи (XIII в.), и турецкий историк Шукрулла ибн Шихаб (XV в.) повторяют рассказ Аль-Марвази о том, сколь пагубно сказалось на русах принятие ими христианства. Якобы после крещения русам пришлось отказаться от набегов на соседние народы, а поскольку русы жили лишь грабежом, то, вконец обнищав, они обращаются к той вере, которая дает не только небесный, но и земной прибыток. И потому князь русов Буладмир просит шаха Хорезма разрешить ему участвовать в джихаде – священной войне за утверждение ислама.

Буладмир – это, конечно, Владимир Красное Солнышко, он и впрямь в 987-м отправлял послов в Хорезм, чтобы те посмотрели, какова там вера и пригласили мусульман в Киев на религиозный диспут с немцами, иудеями и греками.

Историки, впрочем, ссылаются на то, что Владимир в 912-м еще не родился. Но в хорезмийском рассказе речь и не идет о мгновенном обнищании русов: кризис, очевидно, наступает спустя десятилетия...

О том, что в хорезмийской легенде спрессованы как минимум восемь десятилетий истории начальной Руси, говорит следующая подробность: шах благосклонно принял посольство Буладмира, послав росов воевать прикаспийские и причерноморские города. Вспомним хотя бы восточные походы Святослава в Поволжье и Дагестан, на Тмутаракань, на Саркел. В частности, это привело к тому, что с востока каганат атакуют гузы («турки», как именуют их Ибн Мискавейх и Ибн-ал-Асир). И только вмешательство призванных хазарами на помощь хорезмийцев вынуждает гузов отступить.

Аль-Марвази – современник Ярослава Мудрого. Но он помнит, как под ударами русский князей X века пал Хазарский каганат, как Русь утвердилась в Причерноморье и на Северном Кавказе. И, не стесняясь, выдает желаемое за действительное: для него все победы Руси объясняются тем, что она в свое время приняла ислам. Если верить Аль-Марвази, русы восточными походами пополнили киевскую казну, а заодно произвели «исправление веры». Отчего и стали самым могучим из известных народов.

Видимо, Аль-Марвази знал больше, чем написал. Он несколько удивлен тому, что трехсотлетняя годовщина хиджры была ознаменована не чем-то, а крещением русов. Эту странность и пытается осмыслить вышедшая из-под его пера легенда.

...Такое случается, когда простое совпадение оказывается на удивление точным: мало того, что 300 лет – дата круглая, так еще и месяц совпал, а, возможно, даже и день. Вспомним, что Олег подписывает договор в Киеве 2 сентября. Добраться до Царьграда его послы должны были к концу того же сентября, то есть именно «в месяцы хиджры» (те месяцы, когда Пророк совершил свое переселение, а это июль–конец сентября 912 года). Видимо, в руки Аль-Марвази попали какие-то письма, записки или донесения арабского купца, дипломата, а, может, просто

путешественника, находившегося в сентябре 912 года в Константинополе, видевшего посольство Олега и встревоженного вестью о крещении русских. Иными словами, в фундаменте легенды Аль-Марвази должен лежать конкретный документ весьма проникательного современника Вещего Олега, решившего, что крещение русских послов должно коренным образом изменить геополитическую ситуацию в Средиземноморье и по всей ойкумене. Отталкиваясь от этого документа, и строит поучительный свой рассказ о неисповедимости господних путей персидский философ Аль-Марвази.

Стоит преодолеть «психологическую установку», навязанную нам мифом о закоренелом язычнике Олеге (русы, как сообщают арабские источники, охотно принимали крещение и на Востоке часто объявляли себя христианами), и становится понятным не только сам текст договора 912 года, но и мотивировки сторон: Олег «сшивает» Северную и Южную Русь в единое протогосударственное образование для того, чтобы пробить торговый путь из Варяг в Греки и обеспечить процветание своей страны. Для этого мало пойти под стены Константинополя и одержать победу, для этого надо стать христианином и крестить Русь.

Крещение в Царьграде княгини Ольги (по одной из версий древнерусского предания она – дочь Олега), и крещение Руси ее внуком Владимиром, последовавшее через 77 лет после договора 912 года, подтверждают историческую объективность Олегова выбора. (Чернов 2011).

ДОГОВОР ОЛЕГА С ВИЗАНТИЕЙ. 912 ГОД

В год 642[1] (912). Послал Олег мужей своих
[в Царьград] заключить мир и установить договор
между греками и русскими, говоря так:

«Список с договора, заключенного
при тех же царях Льве и Александре.
Мы от рода русского – Карлы, Инегелд, Фарлаф, Веремуд,
Рулав, Гуды, Руалд, Карн, Фрелав,
Руар, Актеву, Труан, Лидул, Фост, Стемид –
посланные от Олега, великого князя русского,
и от всех, кто под рукою его, –
светлых и великих князей, и его великих бояр,
к вам, Льву, Александру и Константину,
великим в Боге самодержцам, царям греческим,

на укрепление и на удостоверение многолетней дружбы, существовавшей
между христианами и русскими,
по желанию наших великих князей
и по повелению всех, кто находится под рукою его, русских.

Наша светлость, превыше всего желая в Боге
укрепить и удостоверить дружбу,
существовавшую неоднократно между христианами и русскими,
рассудили по справедливости
не только на словах, но и на письме,
и клятвою твердою,
клянясь оружием своим,
утвердить такую дружбу
и удостоверить ее по вере и по закону нашему.

Таковы суть главы договора, относительно которых
мы себя обязали по Божьей вере и дружбе:
первыми словами нашего договора помиримся с вами, греки,
и станем любить друг друга
от всей души и по всей доброй воле,
и не дадим произойти,
поскольку это в нашей власти,
никакому обману или преступлению
от сущих под рукою наших светлых князей;
но постараемся, как только можем,
сохранить с вами в будущие годы и навсегда
непревратную и неизменную дружбу,
открытым объявлением и преданием письму
с укреплением, клятвой удостоверяемую.

Также и вы, греки, соблюдайте такую же
непоколебимую и неизменную дружбу
к князьям нашим светлым русским и ко всем,
кто находится под рукою нашего
светлого князя всегда и во все годы.
А о главах, касающихся возможных совершиться
злодеяний, договоримся так:
Те злодеяния, которые будут явно удостоверены,
пусть считаются бесспорно совершившимися;
а какому злодеянию не станут верить,
пусть клянется та сторона, которая домогается,
чтобы злодеянию этому не верили;
и когда поклянется сторона та,

пусть будет такое наказание,
каким окажется преступление.

Об этом: если кто убьет – русский христианина
или христианин русского, –
да умрет на месте убийства.

Если же убийца убежит, а окажется имущим,
то ту часть его имущества, которую полагается по закону,
пусть возьмет родственник убитого,
но и жена убийцы пусть сохранит то,
что полагается ей по закону.

Если же окажется неимущим бежавший убийца,
то пусть останется под судом,
пока не разыщется, а тогда да умрет.

Если ударит кто мечом
или будет бить каким-либо другим орудием,
то за тот удар или битье
пусть даст пять литр серебра по закону русскому;
если же сделавший этот проступок неимущий,
то пусть даст сколько может, так, что пусть снимет с себя
и те самые одежды, в которых ходит,
а об оставшейся неуплаченной сумме
пусть клянется по своей вере,
что никто не может помочь ему,
и пусть не взыскивается с него этот остаток.

Об этом: если украдет что русский у христианина
или, с другой стороны, христианин у русского,
и пойман будет вор пострадавшим в то самое время,
когда совершает кражу,
либо если приготовится вор красть
и (в обоих этих случаях) будет убит,
то не взыщется смерть его ни от христиан, ни от русских;
но пусть пострадавший возьмет то свое, что потерял.
Если же добровольно отдастся вор,
то пусть будет взят тем, у кого он украл,
и пусть будет связан, и отдаст то, что украл,
в тройном размере.

Об этом: если кто из христиан или из русских
посредством побоев покусится (на грабеж)
и явно насильно возьмет что-либо, принадлежащее другому,
то пусть вернет в тройном размере.

Если выкинута будет ладья
сильным ветром на чужую землю
и будет там кто-нибудь из нас, русских,
и (хозяин) соберется снабдить ладью товаром своим
и отправить вновь в Греческую землю,
то проводим ее через всякое опасное место,
пока не придет в место безопасное;
если же ладья эта ли от бури или противного ветра
задерживается и не может возвратиться в свои места,
то поможем гребцам той ладьи мы, русские,
и проводим с куплею их поздорову. –
Это если случится около Греческой земли.
Если же приключится такое же зло русской ладье,
то проводим ее в Русскую землю,
и пусть (свободно) продают товары той ладьи (еще в Греции),
так что если можно что продать из той ладьи,
то пусть (беспрепятственно) вынесем (на греческий берег) мы, русские.
И когда приходим (мы, русские) в Греческую землю
для торговли или посольством к вашему царю,
то (мы, греки) пропустим с честью проданные товары их ладьи.

Если же случится кому-либо из нас, русских,
прибывших с ладьею, быть убиту
или что-нибудь будет взято из ладьи,
то пусть будут виновники присуждены
к вышесказанному наказанию.

Об этих: если пленник той или иной стороны
насильно удерживается русскими или греками,
будучи продан в их страну,
и если действительно окажется русский или грек,
то пусть выкупят и возвратят выкупленное лицо в его страну
и возьмут цену его купившие
или пусть будет предложена за него цена,
полагающаяся за челядина.
Также, если и на войне взят будет он теми греками, –
все равно, пусть возвратится он в свою страну
и отдана будет за него цена его, как уже сказано выше,
существующая по обычным торговым расчетам.
Если же будет набор в войско и эти (русские)
захотят почтить вашего царя,

и сколько бы ни пришло их в какое время,
и захотят остаться у вашего царя по своей воле,
то пусть будет исполнено их желание.

Еще о русских, о пленниках.
Явившиеся из какой-либо страны (пленные христиане)
на Русь и продаваемые (русскими) назад в Грецию
или пленные христиане, приведенные на Русь из какой-либо страны, –
все эти должны продаваться по двадцати
златников и возвращаться в Греческую землю.
Об этом: если украден будет челядин русский,
либо убежит, либо насильно будет продан
и жаловаться станут русские,
пусть докажут это о своем челядине и возьмут его на Русь,
но и купцы, если потеряют челядина и обжалуют,
пусть требуют судом,
и, когда найдут, – возьмут его.
Если же кто-либо из тяжущихся
не позволит произвести дознание –
тем самым не будет признан правым.

И о русских, служащих в Греческой земле у греческого царя.
Если кто умрет (из них), не распорядившись своим имуществом,
а своих (в Греции) у него не будет,
то пусть возвратится имущество его на Русь
ближайшим младшим родственникам.
Если же сделает завещание,
то пусть возьмет завещанное ему тот,
кому написал умирающий наследовать его имущество,
и да наследует его.

О русских, взимающих куплю.
О различных людях, ходящих в Греческую землю
и остающихся в долгу.
Если злодей не возвратится на Русь,
то пусть жалуются русские греческому царству,
и будет он схвачен и возвращен насильно на Русь.
То же самое пусть сделают и русские грекам,
если случится такое же.

В удостоверение и неизменность, которая
должна быть между вами, христианами, и русскими,
мирный договор этот сотворили мы Ивановым написанием

на двух хартиях – царя вашего и своею рукою, –
скрепили его клятвою
предлежащим честным крестом
и святою единосущною Троицею
единого истинного Бога вашего
и дали нашим послам.
Мы же клялись царю вашему,
поставленному от Бога,
как Божественное создание,
по вере и по обычаю нашим,
не нарушать нам и никому из страны нашей
ни одной из установленных глав
мирного договора и дружбы.

И это написание дали царям вашим на утверждение,
чтобы договор этот стал основой
утверждения и удостоверения
существующего между нами мира.

Месяца сентября [во] 2 [день, в неделю
по Пятидесятнице 14, солнечного круга 8],
индикта [1], в лето от Создания Мира 642[1]».

Царь же Леон почтил русских послов дарами –
золотом, и паволоками, и драгоценными тканями –
и приставил к ним своих мужей
показать им церковную красоту,
золотые палаты и хранящиеся в них богатства:
множество золота, паволоки,
драгоценные камни и страсти Господни –
венец, гвозди, багряницу и мощи святых,
уча их вере своей и показывая им истинную веру.
И так отпустил их в свою землю с великою честью.
Послы же, посланные Олегом,
вернулись к нему и поведали ему все речи обоих царей,
как заключили мир и договор положили
между Греческою землею и Русскою
и установили не преступать клятвы – ни грекам, ни руси.

Повесть временных лет

По Лаврентьевскому списку 1377 г.

Версия на основе перевода Д. С. Лихачева

- [1] *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005. С. 456–457.
- [2] В «Русском хронографе» поход Олега отнесен к 6415, то есть к 907 году (ч. I, с. 354) и к 6414, то есть к 906 году (ч. II, с. 156). Передатировку второго договора Олега см. нашу заметку «Злое лето 6421». (Ссылка внизу.)
- [3] См. 1). *Сахаров А. Н.* Дипломатия Древней Руси. М., 1980. 2). *Каштанов С. М.* Из истории русского средневекового источника. (Акты X–XVI вв.). М., 1996.
- [4] Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под редакцией Е. А. Мельниковой. М., 1999. С. 115.
- [5] См.: *Вернадский Г. В.* Киевская Русь. М., 2000.
- [6] *Constantine Porphyrogenitus.* De Cerimoniis Aulae Byzantinae, I, chap. XLIV; cf. Ostrogorsky, op. cit., pp. 53, 54.
- [7] *V. Minorsky.* Hudud al-Alam (Oxford, Luzac and Co., 1937), pp. 144, 398–400.
- [8] Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 114–115.
- [9] Отсюда может происходить и известный лишь по «Слову» этноним русичи, то есть потомки Роса/Руса.
- [10] О том же говорит и относящаяся к сюжету Вещего Олега приписка на полях 171 главы «Русского хронографа». После слов «Княживъ лѣтъ 33» читаем: «Сие пишеть о немъ въ Греческомъ лѣтописце» (ПСРЛ. Т. 22. С. 355).
- [11] Н. Г. Бережков полагал, что в Повести временных лет представлен один только мартовский стиль. (См. выше ссылку [3].) Однако календарь ПВЛ – сентябрьский. Заметим, договору Олега предшествует комета июля 912 года. В Ипатьевской под 6419 (911): «Явися звѣзда на западѣ копѣинымъ образомъ». В Лаврентьевской под тем же годом: «Явися звѣзда велика на западе копеинымъ образомъ». То и другое восходит к Продолжателю Амартола «При сем (при императоре Александре) звѣзда явися велия от запада копийника его нарицаху о сих злии». Это была комета Галлея. (См. Повесть временных лет. СПб., Наука, 1999. С. 420.) В ПВЛ датировка кометы сдвинута на год раньше даты договора. Но по астрономическим таблицам комета Галлея прошла через перигелий 19 июля 912 года. (*Святский Д. О.* Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения. // Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук. Пг., 1915. Т. 20, кн. 2. С. 201 и след.). На тот же сентябрь 912 года указывает и Аль-Марвази, говоря о крещении русов (см. ниже). Подробнее о датировке второго договора Олега см. нашу заметку «Злое лето 6421».
- [12] Впрочем, возможен перевод и «платить»; в этом случае речь о регулярно выплачиваемой дани.
- [13] Повесть временных лет. СПб., 1999. С. 152–153. Перевод Д. С. Лихачева.
- [14] Это выражение сегодня переводят как «список с договора...». Перевод ошибочен, поскольку в конце текста читаем: «И таковое написание дахомъ царства вашего на утверждение; обоему пребывати

таковому совещанию...» То есть написание – список, а съвещание – договор. А потому «Равно другого свещания, заключенного при тех же царях Льве и Александре...» следует переводить как «В соответствии с другим договором, заключенным при тех же царях...». С той же формулы начинается и договор Игоря 945 г.: «Равно другого свѣщанья...», и ниже уточнено, что «послам поручено возобновить старый мир». Да и начинается статья 945 г. с того, что императоры присылают к Игорю послов «восстановить прежний мир». Такой же формулой начат и договор Святослава 971 года: «Равно другого свѣщанья, бывшаго при Святославѣ, велицѣмъ князи русѣмъ, и при Свѣналѣдѣ, писано при Фефелѣ синкелѣ и к Ивану, нарицаемому Цѣмьскию, царю гречьскому...». И ниже указано, что Святослав уже заключал договор с греческим царем: «Азь, Святославъ, князь руский, яко же кляхъся, и утвержаю на свѣщанѣ семь роту свою...». Но этой формулы нет (и не могло быть) в выписках из первого договора Олега 907 г. Отметим, что к двум царям, с которыми заключался договор 907 года, в 912-м добавился и третий – Константин VII Багрянородный (Порфирогенет), император Македонской династии, Он – сын Льва VI, родившийся в мае 905 г. Его имени не было в договоре 907 года (см. текст 912 года), поскольку Константин венчан соправителем Льва и Александра только в 911 году.

[15] Сравним со списком 907 года, в котором упомянуты (и при том в той же последовательности) пять из пятнадцати послов 912 года: Карл...; Фарлаф, Велмуд (Веремуд), Рулав...; Стемид.

[16] В тексте Ипатьевской летописи читается «Цря», но над «р» стоит «с» под титлом. Но поскольку в преамбуле договора звучит обращение к трем императорам, значит, в подлиннике было или «цртва» с выносным «с» (как ниже в тексте), или «цртвя» также с выносным «с», а переписчик вместо «царствия вашего» (или «царства» прочел «цесаря вашего».

[17] Заметим, что весь договор написан близкой к сказовому стиху ритмической прозой.

[18] В византийской дипломатической практике было принято составлять два идентичных текста на двух языках, греческом и языке той страны, с которой заключается договор. Но здесь речь о направляемых двум императорам выработанных в процессе переговоров и переведенных на греческий византийским дипломатом Иоанном (вероятно, болгарин) двух греческих списках.

[19] Легче всего было бы предположить, что здесь и в Ипатьевской, и Лаврентьевской летописи, утрачено вышедшее из употребления к XIV веку двойственное число. Но послов действительно принимал один из двух императоров – Леон (Лев VI), чей семилетний сын Константин упомянут во втором договоре. Император Александр при Льве государственным управлением не занимался.

[20] *Чернов А.* Хроники изначного времени. СПб., 2006. С. 58–62.

[21] См.: *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1967. Т. 2. С. 106.

[22] *Брайчевський М. Ю.* Утвердження християнства на Русі. Київ, 1989. С. 83.

ХII. СОКОЛИНЫЙ ПЛАЩ ФРЕЙИ

В феврале 2021 г. на одном из археологических форумов появились изображения трех средневековых подвесок, найденных в разное время на территории от Томска до Казани. На них некие мифологические герои, закутанные в увенчанное головой сокола птичье оперенье.

Однако нечто подобное не первый год известно:

Локи в соколином плаще Фрейи.
Соколиный брошь из Уппокра⁵⁴: Kovalev 2012: 492

Начну с выписки:

«Р. К. Ковалев подобное сюжет интерпретировал как скандинавский: перед нами бог Локи в соколином плаще богине Фрейи, жававшим возможность обладателю плаща летать. Р. К. Ковалев полагает, что эмиссия подражаний ‘Bird Coins / Falcon Coins’ осуществлялась на Руси в годы регентства княгини Ольги. Изготовление псковской подвески, по его мнению, произошло около 947 г. При этом автор предложил оригинальную версию неизвестных страниц биографии Ольги, из которой следует ее тесная связь с культом богини Фрейи. Княгиня до крещения была жрицей Фрейи... Поскольку сокол является символом Фрейи, то Ольга, отождествляя себя с этой богиней, отразила ее соколиный образ в оформлении своих монет (Kovalev 2012:

⁵⁴ Город Уппокра уничтожен в X веке в ходе военных действий.

516, 517). Базой для таких серьезных заключений для Р. К. Ковалева послужила его интерпретация изображений на псковской подвеске и монетах»⁵⁵.

А вот картинки из сети:

Фрейя в шлеме и соколином плаще.
Пол определяется по гениталиям.
Найдена в Кировской области.
Сверху символы Дома Одина:
слева волк, а справа сокол (или ворон?).
При этом «...волк там на запад от двери висит».
«Запад от двери» здесь именно слева, как на современных картах.
(Обстоятельств находки и место хранения мне неизвестны.)

Очень похожий артефакт появился на сайте Археологического музея Казанского университета 7 февраля 2021 г. Это изображение металлической бляхи конца первого тысячелетия нашей эры, найденной в конце XIX века в Спасском уезде Казанской губернии. Согласно мнению А.В. Шмидта («Шаманские изображения»,

⁵⁵ Горлов К. В. Псевдодирхамы 'bird coins / falcon coins': проблема русского происхождения. / В камне и в бронзе. Сборник статей в честь Анны Песковой. Труды ИИМК РАН. Т. XLVIII – СПб.: ИИМК РАН, 2017. С. 105. См. Также: Rispling Gert. Coins with crosses and bird heads Islamic coins? / Fornvännen 82. Stockholm. 1987.

1906 г.), человеческая фигурка имеет финские черты лица. Публикация подготовлена сотрудником Археологического музея Юлией Игоревной Чакилевой⁵⁶.

Фрейя. Кировская область

Томская область. Фрейя в своем соколином плаще.

(Обстоятельств находки и место хранения мне неизвестны.)

На лоне сосуд в форме головы медведя. Параллели обнаруживаются в Зверином стиле пермяков:

<http://uralistica.com/forum/topics/2161342:Topic:205281?groupUrl=komipermians&groupId=2161342:Group:6624&id=2161342:Topic:205281&page=2>

⁵⁶ <https://www.facebook.com/museumskfu/photos/pcb.1553255638218319/1553255544884995/>

Локи в соколином плаще Фрейи в доме Одина.
По Старшей Эдде стропила – копьа, а слева щит (крыша). Томская область.
(Обстоятельств находки и место хранения мне неизвестны.)

Сопоставим визуальный текст с вербальным:

Легко отгадать,
где Одина дом,
посмотрев на палаты:
стропила там – копьа,
а кровля – щиты
и доспехи на скамьях.

Легко отгадать,
где Одина дом,
посмотрев на палаты:
волк там на запад
от двери висит,
парит орел сверху.

(Старшая Эдда. Речи Гримнира. 9,10).

Тот же соколиный плащ (но под крестом) на псевдодирхеме княгини Ольги.
Но об этом в следующей главе.

Рождение трезубца Рюриковичей документировано. Первым из русских князей задолго до своего крещения им стал пользоваться не имевший прав на двузубец Владимир Святославич. Подборку археологических свидетельств см. в статье Сергея Белецкого (Белецкий 2017).

ХІІІ. СОКОЛ ИМПЕРИИ РЮРИКОВИЧЕЙ

Читатели скандинавских саг полагают, что у легендарного данского правителя Рагнара Лодброка был стяг с изображением ворона. Однако сага – средневековый роман, а не хроника, и даже не историческое предание.

Для саги контаминация реальности и мифа – норма, а не исключение.

Викинг со Знаменем Ворона. Оловянный солдатик. ХХІ в.

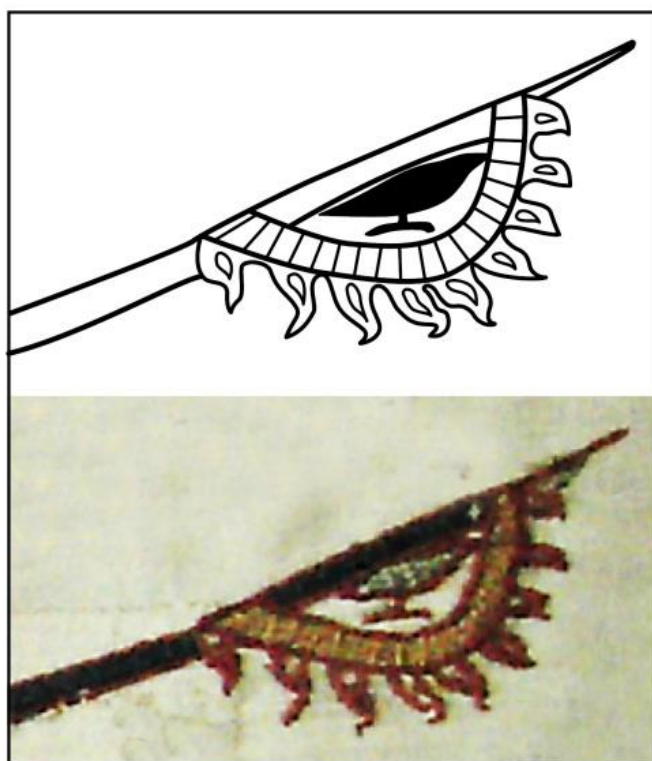
Эта подпись под картиной – ошибка. Игрушечный викинг держит не стяг Ворона, а стяг Сокола (или, скорее, ястреба). С воронами не охотятся, и потому на шее у них не изображают полоски ошейника. (См. на картинку еще раз.) Исследование С. Л. Николаева об ошейниках и поясках на боевой оснастке ловчих ястребов и соколов см. здесь⁵⁷.

Десяток ястребов гордо восседает на десницах воинов на гобелене из Байё. А вот как на этом же ковре выглядит флажок с сидящим ястребом:

⁵⁷ Повесть временных лет. 2012. С. 423–426.

Гобелен из Байё. После 1066 г. Фрагмент

Гобелен из Байё. Ворон Одина на полукруглом стяге

Известны способы отличить те события, которые стали реальной основой повествования, от того, что внесла в текст творческая фантазия авторов-сказителей. Но не так-то просто опровергнуть миф, особенно миф новейший.

Автор «Младшей Эдды» Снорри Стурлусон сообщает, что Браги Боддасон (Bragi Boddason) по прозвищу Старый – норвежский скальд первой половины IX в., сочинил в честь Рагнара Лодброка «Рагнарсдрапу» – стихотворение, в котором описывались изображенные на щите героические сюжеты.

Стихи Браги – древнейшие сохранившиеся скальдические стихи. Но в этой щитовой драппе говорится не о подвигах Рагнара Лондброка.

Повторю: это великолепное описание щита, которое, скорее всего, в устной традиции было осмыслено как драппа в честь героя саги.

Рагнар Лондброк существует в саге о нем, но не в исторической реальности. Его образ вылеплен из нескольких викингов. И первый среди прочих – Рагинхери, в 845 г. взявший Париж. Известно о нем лишь из Ксантенских анналов, где он назван «принцем», но при своем явно скандинавском имени правит в земле славян-ободритов. Вместе со славянами он и разоряет Париж.

В латинской хронике взявший Париж данский викинг именуется *Reginherus*.

Сергей Николаев дал лингвистическую справку: Рeginхери – латинская передача архического др.-дат. имени *Reginheri*, родственного др.-дат *Regner*, др.-швед. *Ragnar*, др.-исл. *Ragnarr* из др.-сканд. **ragina-harja-R* «божественный воитель». То есть дело не в разнице имен, а в разнице их разноязычных написаний. Впрочем, «принц Рагинхери», его родство с Рёриком Ютландским, взятие Парижа и гибель от чумного мора – тема отдельная. Здесь мы ее касаться не будем.

В Вики можно прочитать: Рагнар Лодброк (Рагнар Кожаные Штаны. По другой версии – Рагнар Знамя Судьбы).

Однако второй вариант перевода, как утверждает лингвист С. Л. Николаев, словарями не подтверждается: это досужая выдумка реконструкторов.

Но есть еще Знамя Ворона (др.-исл. *hrafnsmerki*) – треугольный стяг с изображением чёрного ворона. Первое упоминание о нём встречается в Англосаксонской хронике и относится к 878 г. н. э.

Воина со знаменем ворона мы видим на нормандском гобелене из Байё (XI век). Однако там птица не парит, а сидит, сложив крылья.

Полагают, что викингский флаг Ворона назван по имени Рагнара Лодброка. Ни одного полотнища до нас не дошло, и на современных реконструкциях используется рисунок с английской монеты данского конунга.

Но на монете не ворон Одина, а ястреб или сокол.

Монета данского конунга Олафа (Анлафа) Гутфритссона, 939–941 гг. Графство Йорк, Коппергейт, Англия. Серебро⁵⁸.

Когда в Старой Ладоге была найдена литейная формочка с соколом, я писал и о ней, и об этой монете⁵⁹.

* * *

На монете времен захвата Англии данскими конунгами выбит охотничий сокол (об этом говорит ошейник на горле птицы, на который надевается колпачок; ранее считалось, что это удавка на шее птицы, приносимой в жертву).

Подобное мы разыскали на одном из аналогичных ладожскому костяных наверший плеток в коллекции в Новгородского Государственного музея-заповедника, а новые материалы были опубликованы С. Л. Николаевым в главе «Ловчий ястреб в ошейнике и с кольцом на хвосте» в приложениях к нашему изданию Повести временных лет⁶⁰.

А вот пенни Анлафа Ситриксона, чье первое правление приходилось на 941–944 гг. Отчеканено на йоркском монетном дворе. Стяг на аверсе увенчан крестоцветом. На стяге то ли взлетающая, то ли пикирующая справа налево птица (изображена условно в виде крестика из четырех точек). На реверсе трилистник.

⁵⁸ Кулаков В. И. Иконография геральдических орлов Германии и Пруссии. Альманах «Марс». № 1, 1997.

⁵⁹ <http://chernov-treznin.narod.ru/GerbRurika.htm>

⁶⁰ ПВЛ. 2012. С. 423–428.

Пенни Анлафа Ситрикссона

Рисунок с соколом с норвежского рунического камня из музея Осло подтвердил наши предположения. Исследователи считают, на нем изображен Сигурд Кольцо (др.-сканд. *Sigurðr hringr*) – король Швеции, а после и Дании. Жил он в VIII веке. По сагам он – отец Рагнара Лодброка.

Ирландский Cogad Gáedel re Gallaib по информации, полученной из более ранних летописей, с XII в. упоминает короля Хальвдана (ум. 877) под именем «Mac Ragnall». Форма Ragnall может относиться либо к Ragnvald, либо к Ragnar, и эта запись является ярким свидетельством того, что имя отца Ивара и Хальвдана было действительно Ragnar, или каким-то похожим именем. От начала XI века до нас дошел полупоэтический отрывок, в котором описан захват Йорка викингами в 866 году. Два младших сына Хальвдана, король Лохланна, изгнали старшего сына Рагналла, который приплыл на Оркнейские острова со своими тремя сыновьями и поселились там⁶¹.

Хальвдан Старый – это дед Рёрика и Рагинхери. Надо полагать, он и завел знамя с парящим соколом, отмеченным соколиным ошейником, пояском и «коршунячьим» изогнутым клювом. Но и стела Сигурда из норвежского Альстада (сына Рагнара!) венчается соколом (или ястребом). На то, что это никакой не ворон Одина, указывают ошейник на горле птицы (на него закреплялся колпачок, надеваемый на птичью голову) и поясок. И та же ловчая птица сидит на руке всадника.

⁶¹ https://en.wikipedia.org/wiki/Ragnar_Lodbrok#cite_ref-45

(Ее можно разглядеть, если мысленно удалить рисунок гончей собаки, которым перекрыт хвост птицы).

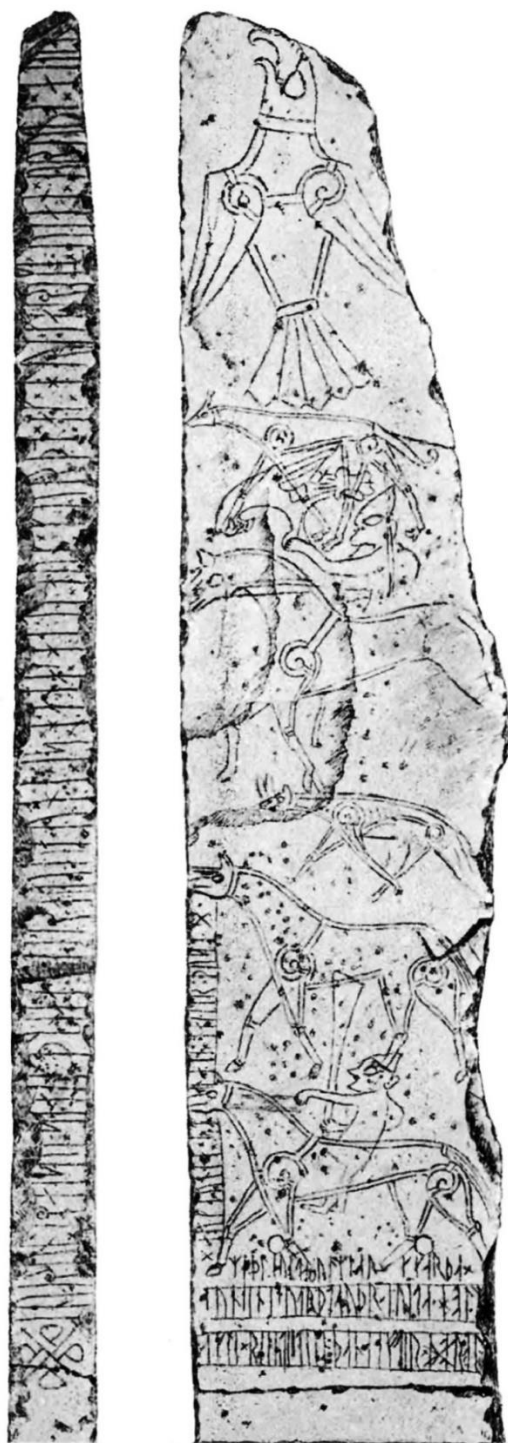
Рисунок с камня из Альстада у нас не был опубликован. Да и сегодня у меня в руках только прорись с той стелы. А камень доступен: он выставлен в музее в Осло.

Сигурд запускает сокола.
Фрагмент рунического камня из Альстада. Музей Осло. Ок. 1000 г.

Ладожская литейная формочка показывает, что с этим-то данским Знаменем Сокола Рёрик Ютландский и должен был придти на Руси. Оно же и откликнулось в

знаке княгини Ольги, соединившей двузубец с Соколиным Плащом Фрейи. Об этом см. в статье Сергея Белецкого «Происхождение трезубца Владимира Святославича»⁶².

Рунический камень из Альстада. Ребро и лицевая сторона

⁶² https://nestoriana.wordpress.com/2017/03/21/beleckiy_trezubec_vladimira/

См. также публикации Герта Рисплинга. 1987; Романа Ковалева. 2012; [OlgaShowstheBird](#); Константина Горлова. 2017. С. 105: [Gorlov](#).

Альстадский рунический камень первой четверти XI века – единственный в Норвегии камень викингов с изображения на обеих его сторонах. И единственный с упоминанием в рунической надписи Руси. Он выше человеческого роста: 2,7 метра. А ширина его полметра. Камень знаменит: в 1972 г. фрагмент рисунка с него попал на норвежскую почтовую марку в 50 крон. Но это не сокол, а скачущий под ним всадник.

Сокол напрямую не связан с находящимся под ним рисунком. Это не часть композиции, это – эмблема, имеющая некий геральдический смысл⁶³.

Татьяна Джаксон и Сергей Белецкий прислали книгу, в которой эти руны прочтены и прокомментированы. Рисунок на камне, видимо, старше мемориальной надписи. Рунологическая экспертиза датировала надпись второй половиной XI в. В тексте говорится о гибели некоего Торальда в Гардах (на Руси), в Витичеве. Так назывался древнерусский город на правом берегу Днепра (ныне с. Витачев Киевской области). Здесь был пункт сбора отправляющихся в Византию торговых судов.

(Сведений о том, прочитана ли длинная надпись на ребре камня, я не обнаружил.)

Е. А. Мельникова предлагает следующее толкование текста:

«Эгиль установил этот камень по Торальду, своему сыну. Он умер в Витичеве между Устьем и Русью». Если эта интерпретация верна, то нельзя не отметить вслед за Б. Клейбером близкое знакомство Эгиля (или его информатора) с топографией Южной Руси, которая в целом известна скандинавам эпохи викингов значительно меньше, чем Северная Русь. Для такого точного определения места гибели Торальда Эгиль (или его информатор) должен был сам побывать на Руси, причем именно в ее южной части. Текст Альстадской надписи и место, откуда был привезен камень (рингерикский песчаник) в Альстад, указывают на тесные контакты семьи, к которой, видимо, принадлежали Эгиль и Торальд, с Рингерики. Эта область была родиной многих норвежцев, о связях которых с Древней Русью известно из более поздних письменных источников: Харальда Сурового Правителя, сына Сигурда, ездившего на Русь и в Грецию, позднее женившегося на дочери Ярослава Мудрого; с Русью был тесно связан Олав Харальдссон, а также Эймунд, служивший со своей дружиной у Ярослава Мудрого в 10-х годах XI в. Б.Клейбер высказывает предположение, что Эгиль был одним из дружинников Эймунда, вместе с ним провел несколько лет на

⁶³ Рисунок опубликован здесь: *Gwyn Jones. A History of the Vikings. Oxford. 2001. P. 40.*

Однако картинку пришлось искать в сети, поскольку воспроизведенная в этой книге прорись весьма невысокого качества.

https://books.google.ru/books?id=ID74bDG3O5oC&printsec=frontcover&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false

Руси и сражался как в северной, так и в южной частях государства. Позднее он вернулся домой в Норвегию, а спустя два-три десятилетия его сын Торальд в свою очередь отправился на Русь и погиб в Витичеве, видимо во время одного из сражений с кочевниками в 30-40-е годы XI в.». (Мельникова 20021).

Подборку древнерусских соколов вопреки хронологии хочу начать с изображения сокола конца XI – первой четверти XII веков с обломка плинфы из Переяславля Русского (экспедиция М. К. Каргера 1953 г.). Прорись этого рисунка опубликована сотрудником Эрмитажа Денисом Ёлшиным. Автор публикации любезно прислал мне и цветной снимок, сделанный им в фондах Переяславского краеведческого музея. Теперь это Национальный историко-этнографический музей-заповедник «Переяслав»⁶⁴.

Сокол из Переяславля Русского. Рисунок по сырой плинфе.
90-е годы XI – первая четверть XII в.
Фото Дениса Ёлшина.

Это и впрямь ловчий сокол. У него крючковатый клюв и ошейник.

Сергей Белецкий сообщил мне в частном письме: «Очень похоже, что мы имеем дело с родовой эмблемой одной из ветвей древа скандинавских викингов. И

⁶⁴ Ёлшин Д. Д. Рисунки и надписи на плинфе Спасского храма-усыпальницы в Переяславле-Хмельницком. /Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиция. Материалы тематической научной конференции. СПбГУ. Исторический факультет. Кафедра археологии. 1–4 декабря 2004. СПб., 2004. С. 201–209

при том именно эта ветвь связана с Русью». Не удивительно, что «соколиный плащ» Фрейи становится гербом княгини Ольги⁶⁵.

Псевдодирхем Ольги
из клада на о. Готланд.
Диаметр 30 мм

Аверс и реверс псковской серебряной подвески X века. Раскопки Татьяны Ершовой.
2008 год. Фото: Псковский археологический центр

⁶⁵ *Сергей Белецкий*. Происхождение трезубца Владимира Святославича:
https://nestoriana.wordpress.com/2017/03/21/beleckiy_trezubec_vladimira/

Статью Татьяны Ершовой см. тут⁶⁶.

Аналогичные изображения соколиного плаща встречаем и на так называемых «псевдодирхемах Ярослава», которые (см. статью С. В. Белецкого) оказались псевдодирхемами Ольги.

В конце X века образ перепоясанного сокола мелькает в Ладоге на литейной формочке:

Глиняная литейная форма конца второй четверти X века.
Диаметр по горизонтали 33 мм⁶⁷.

И, наконец, та же соколиная головка в ошейнике (и без оногo) в XI и XII веках возникает в виде костяных наверхий плеток. Серия их найдена в Новгороде и одно

⁶⁶ Ершова Т. Е. Серебряная подвеска с изображением тамги Рюриковичей из камерного погребения в Пскове // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. 80-летию со дня рождения Анатолия Николаевича Кирпичникова посвящается. Т. I. СПб, М. 2009. С. 284–289.

⁶⁷ Опубликована (ч/б снимок) в книге: А. Н. Кирпичников, В. Д. Сарабьянов. Старая Ладога. Древняя столица Руси. СПб. 2010. С. 79. Находка сделана 20 июня 2008 г. на Земляном городище Старой Ладоги Староладожской археологической экспедицией А. Н. Кирпичникова (Институт истории материальной культуры РАН).

такое навершие (оно куда меньших размеров, то есть, надо думать, это украшение детской игрушечной плеточки) – в Ладоге:

Навершие плетки из Новгорода.
Начало XI в. Высота 80 мм

Костяное навершие плетки, вероятно, детской. XII в.
(датировка по новгородским аналогиям). Высота 39 мм
Старая Ладога. Случайная находка на берегу Волхова.

Другие параллели с рисунками соколов на княжеских одеяниях и предметах вооружения см. здесь:

http://chernov-treznin.narod.ru/GerbRurika.htm#_ftnref12

О стягах викингов подробней см. исследование В. И. Кулакова «Знамена дружин Балтийского региона»: http://club-kaup.narod.ru/kaup_r_kylakov003.html

XIV. ПОЧЕМУ ЛАДОЖСКАЯ ФРЕСКА «ЧУДО ГЕОРГИЯ О ЗМИЕ» НАПИСАНА В ЧЕСТЬ ВЛАДИМИРА СВЯТОСЛАВИЧА ВЩИЖСКОГО

Тысячи фрагментов фресковой живописи поднял из культурного слоя Ладоги искусствовед, сотрудник Староладожского музея-заповедника Борис Григорьевич Васильев (*Васильев Б. 2014; 2015; 2020*). Но фреске святого Георгия повезло: в XIX веке рабочие просто не решились сбить ее со стены.

Чудо Георгия о змеи. Фреска в диаконнике церкви св. Георгия в Старой Ладоге. Ок. 1180 г.
Компьютерная расцветка с элементами реконструкции

В Георгиевской церкви Старой Ладоги сохранилась фреска, на которой греческий мастер очень бережно и, похоже, даже с юмором пересказал красками страницу из жития святого воина. Георгий – совсем мальчик! – едет к городу на фоне

иконных горок. Но одна из них, та, из-под которой дева Елисава по белокаменной мостовой выводит из реки змея, стилизована под ладожскую сопку. Или кучу желтого конского навоза.

Конь у Георгия белый, в серых яблоках. Правое переднее копыто написано так, что невольно приходит на ум фальконетовский Медный всадник: копыто упирается в землю за спиной змея, но касается хребта чудовища. И смотрящему кажется, что всадник змея попирает. А змей покорно выползает из реки на белокаменную набережную, и Елисава, всплескивает левой дланью: «Пожалуй-ка в ворота!» А из-под копыт коня взлетают белые птички клубов пыли.

В руке у воина древко оранжевого флага. Наконечника у этого древка, как подтвердил мне реставратор этой фрески Володя Сарабьянов, никогда не было. Как нет у этого воина и меча. Только щит.

А из оружия лишь Божье слово. Им он и побеждает дракона. Так и по греческому житию Георгия. А тот, что на гербе Москвы – не св. Георгий, а «копейщик». Георгием его назначили растоптавшие демократический Новгород Московские великие князья. Греки и новгородцы XII веке знали, что зло сталью победить нельзя. Только умножить.

В правом верхнем углу фрески сохранились четыре двойных горизонтальных графы. Здесь была надпись. Учитывая длину и ширину строк, реконструировать ее можно по сохранившимся аналогам. Надо лишь вписать правильное (корректное для древнейших георгиевских текстов) имя спасенной царевны и правильное название города.

И тогда окажется, что это рифмованные стихи:

Чюдо святаго
Георгія о змеи
Дѣвѣ Елисаѣ
Градѣ Лаодикеи

Фреска написана в честь Чуда на Белеховом Поле (1175 г.), когда под Владимиром с помощью Богородицы юный князь Владимир Святославич Черниговский, не обнажив меча, опрокинул войско смоленского князя Мстислава Ростиславича (Безокого). И престол Владимира достался Михалке и Всеволоду Большое гнездо. С чего, кстати, и началось возвышение Москвы.

В 1180 г. новгородцы пригласят Владимира на княжение. И фреску эту, написанную в честь его подвига, он, конечно, увидит. А еще через пять лет он не

примет участие в походе Игоря на половцев, но (не пугайтесь, пожалуйста!) напишет «Слово о полку Игореве». И в нем ладожская фреска откликнется значимыми и такими неслучайными реминисценциями, а лаодикийская дева Елисава, вводящая змея во врата изумленного града, превратится в Деву Обиду, плещущую лебедиными крылами у Дона на Синем море.

Кстати, князь Игорь Святославич (в крещении Георгий) выйдет в свой роковой поход 1185 г. именно в день своего небесного патрона.

Тут о Владимире Святославиче Черниговском, который был не только князем и первым русским интеллигентом, но и поэтом. Как следует из суммы источников (в том числе из самого текста «Слова о полку Игореве»), он – автор единственной дошедшей до нас древнерусской поэмы⁶⁸.

На княжеское происхождение Автора «Слова о полку» указывает:

1. То, что Автор на равных обращается сразу ко всем Рюриковичам («Ярославовы и все внуки Всеславовы...»). Он обличает феодальную верхушку Руси, но при этом использует обращение «братие». Кругозор его мышления определяет систему полемической аргументации. Метафорические ряды охватывают сферу сугубо княжеских интересов от политики до соколиной охоты. Непричастность к церковно-монастырской среде (библейские реминисценции и христианский пафос всей поэмы при свободном упоминании языческих богов), как и династическая этикетность обращений (в «Золотом слове» строго по поколениям – с шестого от Владимира Святого к восьмому), также указывает нам на авторство кого-то из князей-современников.

2. В 1180 году Игорь Святославич публично назвал своего двоюродного брата Святослава отцом. Это позволяет поэту в двух разных местах текста понижать генеалогический статус Игоря и Буй-Тура Всеволода на одно поколение, давая им отчество не по их родному, а по их феодальному отцу Святославу Киевскому. Делается это, чтобы говорить с Игорем (дядей) на равных (как с братом). Из этого следует, что Автор принадлежит не к шестому, а к седьмому поколению от Владимира Святого.

3. Автор не только жалеет Игоря и Всеволода, он осуждает их за попытку «похитить прошлую славу» (славу Владимира Мономаха и Святослава Киевского) и

⁶⁸ <https://wp.me/p2lpKD-9S>

А подробнее в моей книжке «Хроники изначного времени» на с. 255–294.
<https://imwerden.de/publ-4299.html>

«поделить грядущую». О том же он говорит и устами киевского князя: «...ибо не по чести кровь поганую проливали». (По этой причине сам Игорь не мог написать «Слова».)

4. Автор близок к Святославу Киевскому, которого он одновременно и идеализирует, и укоряет, выступая против его политики звать половцев на Русь (при этом он утверждает, что степняки приходят сами). Эта парадоксальная двойственность может быть объяснена тем, что Автор – один из сыновей Святослава.

5. В конце поэмы есть угловой акростих «...спаси Святославича», в котором речь, очевидно, идет не об Игоре, а о самом поэте. Спасенному Игорю здесь же поется (или обещается в грядущем) слава.

6. Жена Святослава Киевского была полоцкой княжной, а одна из песен посвящена не имеющим отношения к событиям лета 1185 года полоцким князьям и гибели даже не упомянутого в летописях Изяслава, брата (или дяди) Марии Полоцкой. Лингвист Анна Дыбо усматривает в языке «Слова» полоцкие элементы.

7. Автор не был участником похода: он говорит о битве со стороны: «Что мне шумит, что мне звенит давеча рано пред зорями...». Он считает, что ветер, дувший «навстречу», был юго-западным («с моря») и... одновременно восточным («с Дона»). Он знает, что ветер решил судьбу сражения, но не знает, что весной в Нижнем Подонцовье преобладают восточные ветра. Такой ветер позволил половцам с безопасного расстояния двое суток расстреливать русских, пробивающихся к Донцу по левому скалистому берегу Каялы. (Подробнее о месте битвы см. в моей книжке «Хроники изнаночного времени».)

На то, что автором «Слова» является Владимир Черниговский, второй сын Святослава и Марии, указывают такие обстоятельства:

1. Упоминание о гибели Бориса Вячеславича в 1078 году на малой речке Канине (а не у Нежатиной Нивы) свидетельствует, что поэт хорошо представляет окрестности Чернигова. Но и Новгород он знает изнутри (см. статью Д. С. Лихачева «Новгородские элементы в „Слове“» в ЭСПИ. Т. 3. С. 323). Владимир Святославич Черниговский два года княжил в Новгороде, а Автор упоминает о некоей новгородской «славе Ярослава», из письменных источников нам неведомой, и о новгородских мелких монетах – ногате и резане. Он знает новгородские летописи (по ним рассказывает о похоронах в Софии Киевской Изяслава Ярославича).

Из трех старших сыновей Святослава только Владимир отвечает тому образу поэта, который мы представляем из самого текста: он никогда не затевал усобиц и никогда не приводил половцев на Русь, а в 1180 году удержал свою новгородскую

дружину от участия в разорении его отцом и половцами городов в устье Тверцы. При этом в «Слове» поэт трижды оплакивает Игореву дружину (два раза звучит рефрен «А Игорева храброго полку не воскресить», а последняя фраза по законам темного стиля может быть переведена двояко, и один из переводов «Князьям слава, а дружине аминь»). Этого князя-поэта ведут по жизни сострадание к Русской земле (от пахаря до великого князя) и то, что Пастернак сказал о Блоке: «дворянское чувство равенства со всем живущим».

2. Диалектолог В. А. Козырев выявил в брянских говорах пласт лексических параллелей к темным местам «Слова», из которых более дюжины бытуют только в этой местности, а Владимир Святославич не менее десяти лет жил во Вщиже (современная Брянщина, в последней трети XII века на территории Черниговского княжества), и вщижский престол перешел к его сыну. Этот аргумент оспорен лингвистом С. Л. Николаевым, который показал, что не все выделенные Козыревым параллели «Слова» являются уникальными брянскими. Но какие-то всё же являются.

3. Владимир Черниговский женат на двоюродной сестре Ярославны, а Игорь Святославич приходится ему двоюродным дядей. Летом 1185 года Владимир и его брат Олег остановили начавшиеся в Новгород-Северском княжестве мятежи и дали отпор Гзаку. И только Владимир мог видеть Ярославну на путивльской стене (и знал, что она ждет мужа из похода здесь, а не в Новгороде-Северском), поскольку он и руководил обороной Путивля. (Из Ипатьевской летописи следует, что Посемье обороняли Олег и Владимир. Татищев уточняет, что Олег встретил самый крупный отряд Гзака уже после отступления половцев от Путивля.)

4. Автор «Слова» в начале поэмы сообщает, что будет петь «от старого Владимира до нынешнего Игоря», но заканчивает именем сына Игоря – Владимира, то есть начал с Владимира, Владимиром и закончил. Однако Владимир – имя самого Автора, а это значит, что перед нами еще одна сфрагида поэта.

5. Авторское «я» звучит в поэме лишь однажды, причем в ратном контексте – Игорь не сумел остановить бегущие полки, и его стяги пали. Эта ситуация – эхо «нового чуда Богородицы на Белеховом поле», первого ратного подвига Владимира Святославича (1175 г.), который сначала потерял стяг, а после одолел Мстислава Безокого, даже не обнажив меча. Белехово поле возникает в поэме в виде анаграммы в том месте, где и говорится о трофейном «алом стяге». Со слов черниговского летописца (тот, очевидно, записывает рассказ самого Владимира) мы знаем, что Мстислав ударил из-за холма, причем его дружинники были «все в броне, как во

льду». Эта метафора находит свое развитие в «Слове», но трофейные железные доспехи автор передаривает любезным ему Буй Роману и Мстиславу Волынским.

6. Битва на Белеховом поле произошла близ древнего капища Велеса. В 1180 году, когда умирает Мстислав Храбрый, новгородцы зовут Владимира на княжение, и в Ладоге пишется фреска, на которой святой Георгий едет со стягом, но без меча и копья, а Велеса на пояске ведет Елисава. Но в 1180 году Владимир стал новгородским князем, и этим объясняется подтверждаемое текстом «Слова» его знакомство с фреской в диаконнике староладожской Георгиевской церкви.

7. Отраженные или откликнувшиеся реминисценциями в «Слове» события новейшей истории укладываются в период с 1158 (взятие Ярославом Галицким Киева) по 1185 год. Отношение Автора к участникам этих событий обусловлено взаимоотношениями Владимира Святославича с его родичами, друзьями и врагами – Святославом Киевским, Игорем Святославичем, Буй Туром Всеволодом, Буй Романом, Буй Рюриком, Владимиром Переяславским, Всеволодом Большое Гнездо и «живыми шереширами», рязанскими Глебовичами.

Друзей поэт воспекает. Это относится к Буй Туру Всеволоду (Вщиж лишь в ста верстах от Трубчевска, и, видимо, соседи дружили) и к мало кому известному в 1185 году Роману Волынскому, которого автор «Слова» также награждает эпитетом «Буй». Но судьбы Владимира и Романа зеркальны: оба стали героями двух ратных чудес Богородицы, оба в юности были новгородскими князьями, и оба из-за интриг владимирских князей недолго продержались в Новгороде.

С Владимиром Глебовичем Переяславским Владимир плечом к плечу дрался на Колакше, и потому, узнав летом 1185 года о его тяжелых ранах, кручинится о своем ратном товарище. Из Мономашичей эпитета «Буй» удостоены лишь Роман и Рюрик. Рюрик заслужил это тем, что проявил смирение и великодушие: победив Святослава (отца поэта), он как старшему уступил ему Киевский стол. Всеволоду Большое Гнездо, который был то другом, то врагом, достается лишь хлесткая ирония. Он и его брат Михаил получили Владимирский престол благодаря Белеховскому чуду (то есть подвигу Владимира). В 1179 г. Всеволод женил Владимира на дочери покойного своего брата, но вскоре по вине Всеволода (и по воле Святослава) Владимиру пришлось с ним сражаться. Сжечь обозы Святослава и Владимира на реке Влене Всеволод посуху пустил «живых шереширов» (живой огонь обычно использовался на море). Поэт поминает это в тот момент, когда «шерешеры» восстали против самого Всеволода. Он язвительно напоминает Всеволоду о его походе на Волжскую Болгарию (1183), участником которого был и сам, и о новгородской монетке ногате,

за которую якобы можно было купить раба-половца, если б Всеволод пришел на помощь. Но все помнят, что по две ногаты новгородцы в 1169 году продавали суздальцев, а Всеволод – князь владимирский и суздальский. Личность автора столь глубоко и отчетливо оттиснута в веществе поэмы, что текст многократно указывает нам на своего творца.

8. Вот обращение автора «Слова» к Всеволоду Большое Гнездо (в переводе):

Князь Великий Всеволод!
Даже ведь и в мыслях не летишь издалека
отчий злат-престол защитить,
а ведь можешь вёслами Волгу расплескать,
шлемами Дон вычерпать!..
Абы да кабы там был бы ты, –
пошла б раба по ногате,
а кощей-невольник по резане.
Ты ж умеешь посуху
стрелять живыми шереширами –
удальми рязанскими Глебовичами!

Все три микрсюжета этой строфы напрямую аukaются в судьбе Владимира Черниговского: 1. Он участник Волжского похода Всеволода; 2. Он юношей княжил в Новгороде, где за десять лет до него при воспетом им юном Буй-Романе пленных владимирцев продавали за серебряные новгородские деньги; 3. Обозы его и его отца сожгли в 1180-м на Влене посланные Всеволодом рязанские «живые шерешеры», в 1185-м на Всеволода и восставшие. Больше о Всеволоде в поэме ни слова. В сочетании со всем тем, что нам известно о Владимире, стопроцентная концентрация в одной строфе связанных с ним подробностей не оставляет сомнений в имени автора «Слова о полку Игореве». Это тот же воин и поэт (см. записанный с его слов рассказ о битве на Белеховом поле), который после поражения Игоря возглавил оборону Путивля и отогнал Гзака от обгоревших, но устоявших дубовых его стен. И спас Ярославну.

Мы знаем три имени автора «Слова»: 1) Ходына (прозвище); 2) Владимир Святославич Черниговский (княжеское имя); 3) Борис Михайлович (христианское имя). Л. В. Войтович указывает, что в Любецком синодике этот князь назван (в паре с княгиней Евдокией) Борисом/Владимиром Святославичем (позиция 20) [Войтович 2006-б: 404–405].

ГАРДАРИКА

книжка ладожских стихов

Памяти археолога Анны Мачинской

Продвигаясь Волхову, скандинавы шли мимо укрепленных поселений: Любша, Ладога, Новые Дубовики, Городище, Холопий городок, Рюриково городище.

Татьяна Джаксон пишет, что слова *gardr* и город – родственные, в их основе общее значение ('острог, ограда'). В IX в. скандинавы так и стали называть новую для них страну: *Garðar* – укрепления. Это имя сохранили скальдические стихи X–XI вв. В XI–XII вв. для обозначения государственных образований, сложился композит *Garða-ríki* (Гардарика), зафиксированный в списках сводов королевских саг первой трети XIII в. И это уже не как «Страну гардов» (=укреплений), а «Страну городов» (Джаксон. 2015: 172–173).

Основанный в 753 году город Ладога (с 1704-го – Старая Ладога, посёлок близ впадения Волхова в Ладожское озеро) – пра-Петербург и, как писал в 1809 году археолог Константин Бороздин, – «первая столица Рюрика». Имя Невы связано с прорывом ее к морю три или три с половиной тысячи лет назад. Лингвист Евгений Хелимский (1950–2007) подтвердил корректность гипотезы Вячеслава Кулешова о том, что имя реки связано с др.-сев. *Nyia*, ср.-нижне-нем. *Nü*, *Nyu* и швед. *Ny*, в значении 'Новая (река)'. И.-е. **neǵā* – 'новая'. Отсюда *прибалт.-фин. и русск.* Нева. (Кулешов 2003; Helimski 2008).

По реке стало называться и озеро Нево, а город Ладога дал новое имя озеру.

Скандинавы звали Ладогу Альдейгья, а когда появилась каменная крепость, – Альдейгьюборг. Сюда в 860-х по приглашению ладожан пришёл вместе со «всей русью» Рюрик. Отсюда Вещий Олег начинает объединение Северной и Южной Руси. По Новгородским и Устюжским летописям именно в Ладоге он гибнет от укуса змеи.

Гибнет после того, как в Киеве в день святого Маманта подписывает черновик второго договора с греками, где клянётся уже не Перуном и Волосом (Велесом), а «предлежащим святым крестом и святою единосущною Троицей». Это может означать только одно: 2 сентября 912 года Олег крестился и теперь собирается крестить Русь.

Но прежде он должен был отправиться в Ладогу, где на языческом капище лежит череп его коня. Олегу надо пересилить прорицание волхов, прозвучавшее 33 года назад (в данном случае важно не мифологическое число, а то, что 879-й – год смерти Рюрика). И тем доказать, что новый Бог сильнее Велеса и Перуна. Волхвы, неосторожно предупреждённые самим Олегом («...Да придя в Киев, побью волхов!..»), мешкать не стали. Д. А. Мачинский полагал, что Нижнее Поволховье по-скандинавски звалось Ормаланд – Змеиная страна. Но у Олега не оказалось под рукой того небесного копья, каким Перун ежегодно 19 августа побеждает змея Велеса.

Смерти Олега предшествовало появление на небе кометы Галлея, которая в середине лета 912 года висела, как утверждают летописцы, «копейным образом», то есть в виде наконечника копья или стрелы. Вероятно, поэтому средневековые скандинавские сказители, повествуя о Вещем Олеге, дают ему имя Орвар Одд (Наконечник Стрелы).

Олегова могила – огромная сопка на обрыве Волхова – сохранилась до наших дней. В пушкинское время её частично раскопал Зориан Доленга-Ходаковский. Но нашёл лишь золу, угольки да гигантский двушипный дротик.

МОНОЛОГ ЗМЕЯ
СО СКАЛЫ МЕДНОГО ВСАДНИКА

Сколь упрощённо мыслят эти люди,
Когда идут сюда свергать державу
И с ненавистью смотрят на меня.
Они уверены – все беды в змее,
В том змее, нерастоптанном злодее,
Ну, выбейте меня из-под коня...
И рухнет конь. И гордый всадник рухнет.
Вы сами искромсаете друг друга.
Вам невдомек, что также, как в скульптуре,
И в государстве есть закон пропорций.
Ах, Фальконет всё это понимал.
И дабы равновесий не нарушить,
Царь только сделал вид, что топчет змея,
А сам – не сам, но лошадью своею –
И в этом государственная мудрость! –
Опёрся не на камень, на меня.
Ну, выбейте меня из-под коня...

Декабрь 1975

БОНАДИЕС

(из *Варяг в Ромеи*)

Ольге Седаковой

Едва зацветает стена крепостная,
из тьмы изумрудной – смотри: шевельнулась,
распалась! – слетает беспёрая стая.
...Куда подевалась?

Какие там ласточки? Яростней, ярче.
Фисташковым сором лексемных чешуек.
Бесплотной, но жадной пыльцою. Цитатой
античности в средневековой постройке,
скачком аритмии.

Ну вот всё и кончилось. «Бонадиес!»
Играет прибой сувенирной латынью.
В Амальфи к апостолу францисканец
над бездной бредёт, озираясь ушами.
Помстилось... Но что?..
Приключилось... Но что же?..

А толстые девочки на два прихлопа
поют аллилуйю. И дремлет апостол.

И милостиво Средиземное море.
Особенно в мае.

18 мая 1992. Равелло

ОБРЫВОК ГЕКЗАМЕТРА

*К соли привыкнув, глаза
Ищут во всём перемену.
Бедный обрывок гекза-
метра ветром уносит, как пену...*

Михаил Яснов

Богиня, вспомни, как взревел Ахилл, дитя Пелея,
Воспой его священный гнев, ахэян ввергший в ужас,
Когда низринул он в Аид героев многославных,
А их тела простёр на пир псам и окрестным птицам,
И Зевса ублажил своим великим послушаньем...

* * *

На Васильевский остров, знакомый до слёз...

Обласкан и поставлен на довольствие
В Десятой линии близ торжища и храма,
Меж динамитной мастерской народовольца
И чёрной лестницей колючей Мандельштама.
Какая разница – на кочке ли, в трясине,
Лечь под каблук очередной посадской Марфы
На этих линиях, натянутых Трезини
Небрежно-наискось на остров – остов арфы?
Сюда приписан. Лишь затем свободен.
По шляпку вбит. Прикрыт брандмауэра шубой.
И улыбается в ветвях варяжский Один
Своей языческой улыбочкой безгубой.

1994

* * *

Д. С. Л.

Когда на волховских низинах
Прошелестит и ткнётся в бок
Стрела на крыльях стрекозиных,
Как между рёбер, между строк,

И сапожком примяв полову,
Самой судьбы не убоясь,
Сухую кость, главу конёву,
Облобызать захочет князь,

И позже, позже, в Петербурге,
Тысячелетие спустя, –
Чего ты медлишь, храбрый Гюрги,
Невозмутимое дитя?

Или слова твои лукавы,
Неблагодатна благодать,
И с пояска у Елисавы
Твой змей сумел-таки сбежать,

Или копьё язвящей речи
Двушипным жалом заменя,
И ты в рутине долгой сечи
Обвык в объятиях огня?

1995

АКРОСТИХ КОНСТАНТИНА ФИЛОСОФА,
СОЧИНЁННЫЙ ИМ
ДЛЯ ПЕРВОЙ СЛАВЯНСКОЙ АЗБУКИ –
ГЛАГОЛИЦЫ.
ГОД 863

Аз, Буквы из Ведав,
Глаголю: Добро Есть.
Живёте Село Земным,
Иже да Иже.
Как-то, Люди, Мыслите
о Нашем Оном Покое?
Реки Слово Твёрдо.
Укажут возле сФер-то Херувимы,
в печали ОтеЦ или Червь.

БОЯНОВА ВИСА

*Загадка-граффито из-под купола
колокольни Новгородской Софии,
в которой речь про саму
Софию Новгородскую.
Ок. 1066 года*

Великан, железный лоб,
Каменные груди,
Голова из меди,
Челюсти из липы,
Чрево раззолоченное –
Вот тебе дани Бояновы⁶⁹.

⁶⁹ Обоснование такого чтения см. Чернов. А. Хроники изначного времени. СПб., 2006. С. 295–320.

ВИКИНГ

Глебу Лебедеву

На вёслах, под парусом – как повезёт! –
От гарда до гарда дневной переход.
То дебрь, то чащоба.
Поглядывай в оба.

Поглядывай в оба – здесь страшен не враг,
Но свой же, такой же находник-варяг.
В кольчужках сидят попрошайки
На каждой лужайке по шайке.

Послушные, платят подушную дань
Словене и финны, и прочая рвань.
Где люди боятся крамолы,
Там страх стерегут частоколы.

Здесь сами себя обращают в рабов.
Здесь даже на ложе не кажут зубов.
Здесь меч, несмотря на увечья,
Не стал продолженьем предплечья.

От имени Рода вещают волхвы,
А мы сквозь Гардарику ходим на вы.
Воителю слава – услада
От гарда до гарда.

1996

ЖРЕБИЙ ДЛЯ ОЛЬГИ

Вике Новиковой

Вынется – сбудется. Всякая виса двулица.
Как повернётся вишнёвый в бадье черенок?
Так поглядеть – слетает с гнезда соколица.
Эдак – лазоревый млеет под солнцем цветок.

Пальцы твои выбирали жребий полегче.
Я это ведал, рисунок плетя с двух сторон.
Птица – не птица: вендельский шлем да оплечье.
Ну и цветок не цветок – царьградский грифон.

Ты не хотела за князя. Пришлось повозиться
Свату неловкого Игоря. Не голоси.
Пряслица меньше твой жребий, тоньше мизинца.
Станешь забрала и прясла держать на Руси.

Свычаем мужнин смиряя норов жеребий,
В кротости властвуй. У злобы короток век.
И позабуди, что обманом недевичий жребий
Вынуть принудил тебя Вещий Олег.

ОЛЕГОВА ВИСА

*Росы получили свое имя
от некоего могущественного роса,
когда им удалось избежать
предсказанного их оракулами.
Произошло это благодаря
какому-то предостережению
или божественному озарению того,
кто господствовал над ними...*

Хроника Псевдо-Симеона,
последняя треть X века.

Деревянные бусы моих крепостей
Напронизку – не ради арабских гостей,
Не во имя наследного дарства
Собирал я на шнур государства.

Я мечом приносил не пощаду, но мир.
Где Аскольд-самозванец и брат его Дир?
Ан, чернявые ладят девчата
Русам парусы паволочаты.

На святого Маманта вошедший в купель,
Не Олегом – Димитрием выйду оттель,
И пригублю медовую в Гардах бадью,
И солгавших волхвов, как волков, перебью.

Только прежде – во славу честного креста
Поцелую коня в костяные уста.

1995–2008

АМУЛЕТ

Лене Романовой

Прозрачна ночь, хотя и окаянна.
По сопкам спят сигнальные дымы.
Глядит с улыбкою царевна Несмеяна
Альдейгьюборга ладожные сны,

Но как в курган воткнется ночи ножик,
Росой студёной отряся сонь,
Серебряный конёк-единорожек
Толкнется в твою утлую ладонь.

ЛУБЯНАЯ СКОМОРОШИНА

*Раскопанная Рябининым на Земляном городище
ладожская кожевенная мастерская заканчивается
двумя стоптанными лапотками времен Ивана III.
Оккупант переобулся в мастерской, и её не стало.*

Московиты – люди башковиты.
У них пятки берестой подбиты.
Мы сапожки вам дадим за лапти,
Только Новгорода не залапьте!

1996

ПРОРИЦАНИЕ ОРВАРУ ОДДУ

М. В.

Не ворону битвы, не даже двушипной змее, –
Достанешься в Заморье, вещей, Хозяину брода.
На Млечной реке по еловой взойдёт кисее
Копейное знаменье конунга Орвара Одда.

Ладьи на колесах – я вижу – идут на Царьград.
Я слышу кряхтенье руси, подпирающей днища.
– Се Дмитрий Солунский! – враги про тебя говорят.
Но примешь ты яд. И отравлена будет не пища.

Четыре хвоста у кометы, четыре крыла.
Невенчанный лоб ненаследной лоснится короной.
Но дивная мета в алмазах – в полнеба стрела,
На что тебе, князь, если кружишь дозорной вороной

На собственной тризне. Роскошная сага соврёт.
Забудется имя. Калёное жало возложат
На хладное лоно. Ты – Одд. Ибо всё наперёд
Открыто тебе. Но тебе это вряд ли поможет.

Ты – бред геральдиста, эскиз на кабаньем ребре,
Ты сторож излуки, смотрящий из-под небосклона
На храм византийский, что встанет на том вот бугре,
На мальчика, что без копья одолеет дракона.

Тебе суждено умереть от коня своего.
Отдай его Велесу, но через тридцать три лета,
Как станешь стареть, если глянешь в глазницы его
И выдержишь взгляд – пересилишь пророчество это.

1996

ТРИ ПЕРЕВОДА

ИЗ ЭЙОЛЬВА ДАДАСКАЛЬДА.

Ок. 1010 г.⁷⁰

Шёл копейной бури против,
Меч и пламя разметали
Вальдемаровы владенья.
Буря помешала.

Он убил людей Альдейгы –
Нам не ровня эти смерды,
Но была тяжёлой битва
На рассвете в Гардах.

ИЗ БОЯНА. ЛИСТВЕНСКАЯ БИТВА ЯРОСЛАВА И МСТИСЛАВА.

ГОД 1024

...И ночь была, и тьма была.
Молния, и гром, и дождь.
И сеча была страшна.
Как посветит молния –
Полыхнёт оружие.
Гроза была огромна,
А сеча сильна и страшна.

ИЗ ОЛАВА СВЯТОГО.

ГОД 1029⁷¹

В Хордаланде круглый год
Липа зеленела,
И дружины ярлов
Ею любовались.

Но желты у Фрейи слёзы,
И пожухнет липа:
У неё теперь земля
За морем, в Гардах!..

⁷⁰ Виса из поэмы «Bandadrápa», написанной в честь ярла Эйрика, взявшего Альдейгю в 997 году. Первое письменное упоминание о Ладогe. Вальдемар – Владимир Святославич, креститель Руси.

⁷¹ Виса посвящена невесте Олава принцессе Ингигерд, вышедшей замуж отнюдь не за него, а за конунга Гардарики хромого Ярицлейва (Ярослава Мудрого).

ПОБЕДИЩЕ

Ирине Воиновой

На кургане, на вольном дивинце,
Парусит полотно на девице,
К Победищу подходит ладья.
Вот чуть-чуть и окликнут: – Моя!

Чур моя! – и ревнуя к Стрибогу –
А не лап! – да в уключину ногу,
Точно в стремя под смех остальных.
Кто-то дружка, а кто и жених.

Но в лодейке не слышно ни смеха.
Кормщик в воду глядит, неумеха.
Смотрят в низкое небо гребцы –
Ни в мужья не хотят, ни в отцы.

И тверды их персты, как коренья.
И чужое в горсти оперенье.

ПОСЛЕДНИЙ СКАЛЬД

Он пал под Хольмгардом...

Руническая надпись

Эти сопки под вещим копытом,
этот тягостный вой по убитым,
эта в пенной кольчужнице гладь,
эта вѣльва – жена или мать,
этот торг за дремучим дрекольем,
эта спешка под мехом собольим,
это кунье смешенье племён,
эта неженка, что я влюблѣн.
В синеглиньи – богам на заметку –
эти луны ценою в монетку:
захотел пребывать во плоти –
прикопай, прикопи, приплати.
Но и ты, приручившая скальда,
своего не узнаешь Харальда,
Так на кой мне твои янтари,
Валгáлла меня побери.

МЕСТЬ ОЛЬГИ

Татьяне Рябининой

Четвёртый день волнуются концы,
Перетирая весточки вчерашни,
До света новгородские купцы
Шептались с княжичем в Тайничной башне,

Волхвы кидали в Волхов «нечет-чѣт»,
Смушая гридней тёмными речами.
Княгиня на Купалу сватов ждѣт.
Зарезан Игорь, аки волк в овчарне.

Чернее тучи юный Святослав.
Всѣ на людей без повода ярится.
Болтают, Ольга, сына отослав,
Сама не смеет в Ладогу явиться.

И лишь Олегов конюх Крутояр
По-ладожански цыкнет на бояр
И плюнет, и полезет на полати:
Ещё не время рати собирати.

УРОЧИЩЕ ПЛАКУН

Надежде Милютенко

Тишина над Волховом обвисла
Пеленой туманов и снастей.
Это замышленье Гостомысла
Намывает в Ладогу гостей.

Ливень плюнет молнии короче,
Но всю ночь и многие века
На песочек Одиновы очи
Станет выполаскивать река.

Русской беллетристики инвестор,
Чуя древность и являя вкус,
Увезёт замороженный Нестор
Глазчатую жменью этих бус.

Чьё трепещет в парусе рыданье?
Кто волной играет в «нечёт-чёт»?
Как вода во облацех преданье:
Тронешь – и она не потечёт.

СТАНСЫ АЛЬДЕЙГИИ

Марку Коляде

Каменное прясло на приспе.
Полумрак воротной башни.
Закомары в ледяной крупе
По-музейному позавчерашни.
Подлинник не то чтоб надоед,
Но у дел покуда новодел.

Всё равно – шепчи или кричи,
Розово-бесстыжи над раскопом
Силикатной пробы кирпичи
Кажут гузно всем твоим европам,
И надёжно замыкает взгляд
Алюминиевый комбинат.

Как сказал один тут: на фига
Красота, когда повсюду янки?
Дожем последнего сига,
Сцеживая «хольстен» из жестянки.
Только былие шмонает ветр.
Здесь теперь 101-й километр.

Некогда великая страна
Ты беззубо поджимаешь губы.
В церкви серебрится бузина.
Киснут и ползут сырые срубы.
И Пилат с Вараввой заодно
Крутят колумбийское кино.

Вот и Рюрик дуриком забрёл
Из своей Ютландии. Чего там
Наплели послы про злат-престол?
Восседали б сами по болотам...
Господи, помилуй и спаси
Первую любовь Всея Руси.

В немощи покинутая мать
Первых градов – Китежа и Киева,
Ладога, зачем мне поминать
Вервие твоё и время Виєво?
Тесноту двенадцати веков,
Москвичей, потом большевиков...

Битой сукой, жмущейся к ноге,
Вскормишь снадобьем своей же печени
Прясла на яйце и твороге
Да культурный слой на человечине.
Ни принять, ни тронуть не могу.
А не пожелаю и врагу.

1996

АХМАТОВА ГОРА

Тате Козьминой и Борису Васильеву

I

Не горка, не полгорка – останец.
Невнятное заклятие нетленьем,
И россыпью приплющенный свинец
Ружейным испражнением оленьим,
И в спину путнику исподтишка
Всё также мечет вечности осколки
Кривая мудрость свейского божка,
Распявшего себя на чёрной ёлке.

II

Мировое древо надломилось,
И навстречу реки потекли
Там, где мудрость заменяла милость,
Там, где русов русью нарекли,
Где при всём варяжстве несвободен,
Отойдя от селища с версту,
Подвигом своим угрюмый Один
Подражать пытается Христу.

СТАНСЫ ГАРДАРИКЕ

Дмитрию Мачинскому

Чтоб на куньих мехах с боку на бок
Вы своих ублажали арабок,
Мы заутро уходим в Алаборг,
Хоть и хмель не обсох на усах.
Плещет бисер в тугих туесах.

У норманна полдюжины родин,
Но не сдюжит в Гардарике Один,
Видишь путь – ну почти что свободен
От Велеша до самых Перынь.
Поостынь.

Как прожить веселей и обильней,
Не решить вечевой говорильней,
Обустроились стекловарильней,
Бабьей радости хватит на всех.
Мех за бисер. Монету на мех.

В небесах то дирхем, то денарий,
А в лесах предостаточно тварей,
И купцы из обеих Болгарий
Звонко платят разменной луной,
Исходя серебром, как слюной.

Пусть находник дощатым драккаром,
Как драконом взовьется пожаром,
В этих стенах и камень недаром.
С них на доблесть твою наплевать.
Хочешь драться – умей торговать.

Загребай веселее налево,
Улыбайся хольмгардская дева,
Поторгуйся без спешки и гнева,
Полотно подпирая сосцом.
Не побрезгуй словенским самцом
На побережии озера Нево.

1996

ЕЛИСАВА И ЗМЕЙ

Я только эхо в провалах глаз...

Елена Романова

I

Лет через тыщу брести у реки,
Вывозив голени в иле,
Там, где мальчишки искали «глазки»
И летописца дивили,

Там, где и ныне, смущая народ,
Слева направо
Чудище на поясочке ведёт
Девушка Елисава.

Сладок вечерней размолвки медок.
Тронешь – под куколем свянешь.
– Слышь, Елисавушка, брось поводок,
Змейкой серебряной станешь.

Станешь хозяйкой последнего дня,
Сродницей первопричины,
Девственным эхом в глазницах коня
В черепе с чёрной Княщины.

– Ишь, расшипелся, рогатенький мой!..
Аль помирать неохота?
И, как домашней скотинке «Домой!»
Дланью – пожалте в ворота!

II

*Тогда всё золото своё
Я замурую в глину...*

Валерий Петренко

Что нам сегодня намает река
Вместо условленной встречи?
Легкое грузило рыбака?
Ядрышко свейской картечи?

Заклёпку драккара? Осколок «глазка»?
Баночку из-под колы?
В толще столетий под толщей песка
Множатся времени сколы.

Рожками крутит расстриженный бог:
Вот тебе Рубиков кубик.
Рюриков кубок на тризне эпох.
Ссохшийся Рерихов тубик.

ЭФФЕКТ БАБОЧКИ

(поллитра на троих с Окуджавой
и Олегом Хлебниковым в мае 1997-го)

Ольге Крокинской

Под водочку – «Грушёвая. Хорошая.
Войнович из Германии привёз» –
под занавес тысячелетья прошлого
он задал этот простенький вопрос.
Московский двор всю дышал весною.
Капустница влетала к нам в окно...
– Когда в России право крепостное, –
спросил меня поэт, – закреплено?
Олег резонно возразил Булату:
– Когда народ пошёл из деревень! –
А я сказал, так и не вспомнив дату:
– В тот день, как отменили Юрьев день.–
Капустница в оконных рамах корчилась.
Поди достань!.. Нас проводив до двери,
промолвил: – Тут Россия и закончилась. –
А я ему впервые не поверил.

11 января 2015

РУНЫ СЫНУ

Где времена свивались плетью,
Где две реки впадали в третью,
Где властвовала Ингигерд,
Где был свободен даже смерд,

Где Фрея тише, чем рабыня,
Где славно погулял Добрыня,
Где сочинили сгоряча
Обряд крещения меча,

Сказав: «Не в силе Бог, а в правде»,
И где на фреске Бога ради
Негромким словом усмирён
Козлёночком глядит дракон

Алёнушкин, – в Альдейгьюборге
На Городище Земляном
Мои печали и восторги
Запей, каким пошлют, вином
В тысячелетии ином.

1997

ВЕРХНЯЯ РЕКА

О. Х.

А когда наступила расплата
За последнюю склянку чернил,
Мерный ангел живого квадрата
Сверху пёрышко уронил.

И пока оно в руку летело
Легче снега – и снегом легло,
Что-то важное отболело,
Вместе с вешней водой изошло.

Только вечность нам вехи назначит
И глаза промокнет рукавом,
И над чёрным квадратом заплачет
Мерный ангел в квадрате живом,

В недосыпе двуспальной могилы
Загорится звезда в потолке,
Собирая посмертные силы,
Мы потянемся к Верхней реке,

Где, прогнав ненасытную гостью
За черту на последний правёж,
Мерный ангел серебряной тростью
Измеряет начальный чертёж.

1997

ВЫРИЙ

Вырий – рай древних славян.

Выра – село между Лугой и Петербургом.

Когда над Вырой облака
Удерживал я над тобою,
Не опрокинув их, пока
Не грянули они бедою,
Когда бессилён побороть,
Я продышал всего лишь с ноготь
Зрачок и ледяную плоть,
Рот ободрав, успел потрогать, –
Увидел не тебя, мой свет,
Но краем, самым краем зренья,
Тот край, где почему-то нет
Разъятия и разлученья.

1983

ДВА ОТРЫВКА ИЗ ПОЭМЫ
«ОСТРОВ НА ПРИБРЕЖЬИ»

I

Зачем они стояли в декабре,
Как мальчики пылая и робея?
Зачем тогда построились в каре
вокруг Петра? Была ли в том идея
восстания? Повстанец-молодец
идёт на площадь, чтоб ввязаться в драку
и прёт на приступ: крепость ли, дворец –
ему какая разница? – в атаку!
Стояли час. И два. И три. И пять.
Прошли сквозь Зимний и сейчас отдали.
Ещё не поздно было начинать
révolution. А всё-таки стояли
напротив оробевшего врага –
чего стоят? – почти на самой кромке
разумного. Калёная пурга
лизала плоским пламенем позёмки
их сапоги. При чём тут Трубецкой?
При чём тут сколько? Много или мало, –
каре не атакует. Это строй
для обороны. Пуля в генерала –
ещё не довод. Присягнул Сенат,
и поздно, поздно... Экая дешёвка
палить в своих, когда стоит парад
свободы, или, скажем, забастовка
военных. Так в 20-м, в октябре –
семёновцы... А если длить примеры,
ещё при Алексее и Петре
в своих скитах стояли староверы.
Горели, но стояли. И металл
крестов нательных прожигал скрижали.
Так Гефсиманский Праведник стоял,
когда легионеры набежали.

II

– А я скажу вам: над Россией – рок,
и если так дела пойдут и дальше...
Так вот, мы коротали вечерок
у В., у хлебосольной генеральши.
Рояль, шарады, шутки, лёгкий флирт –
кружили, счастьем своему не веря...
В окне душистый лавр и пряный мирт.
(Не тайная – простецкая вечеря.)
Ведь прямо из окопов. Повезло.
Тут жить да жить, а не курками клацать...
Тринадцатое – чёртово! – число,
и приглашённых (вышло так) тринадцать.
Был Пушкин (Лев Сергеич), Трубецкой...
Ну, словом, от майора до поэта.
И вдруг такой повеяло тоской,
когда Мишель заговорил про это:
«Пятнадцать лет, а кажется, вчера...»
Сказал и встал, и стал ещё бледнее:
«За убиенных Павла и Петра,
Кондрата, Михаила и Сергея!..
Мартыш, а ты не выпьешь?» «Я не пью
за эту сволочь». Музыка увяла,
и время растянулось, как в бою.
«А этого тебе не будет мало!?!..»
Девушки в обморок. Мартынов за кинжал.
А тот насмешливо: «Ты стал большим черкесом!»
«Я сделаю, Мишель, чтоб ты молчал!»
...Он посмотрел впервые с интересом
(вот, как сейчас, я вижу их двоих
и этот взгляд сквозь сумрак омертвелый)
и поклонился, и промолвил стих
евангельский: «Что делаешь, то делай
скорее...»

1987–2017

ДИСПУТ

Марку Борнштейну

– Коротка оливковая сень,
Кратка и дружков твоих осанна.
Долог будет лишь последний день
На ущербе месяца нисана.
Значит, по-еврейски *назара* –
Истина... Давай, соври про это,
Ты, кто врал толпе ещё вчера,
Назорей, болтун из Назарета.
Если чуда не произошло,
Есть ли смысл в свою фортуна верить?
Что есть истина?.. –

Сказал: – Число.

У евреев это цифра девять. –
Монограммой начертил «I.X.».
– Так по-эллински, а так девятка
Римская... – Не робкого десятка...
Иудей... Но кто же без греха...
– ...Ты царём назвался... – Ты сказал. –
Смотрит кротко, как пасхальный овен,
А смотри-ка – истину познал.
– Перед Римом этот не виновен. –
И уже у самых у дверей,
Холодком обдаст сквозняк летейский.
– Напиши: Мессия. Назорей.
И ещё пиши: Царь Иудейский.

16 декабря 2013 – 29 апреля 2016

ПИСАТЕЛЬ НА КАПРИ

Ирине Флиге

Латунная петунья граммофона
Слух услаждала в каждом кабаке.
Залётною синицей Время Оно
До срока угнездилося в кулаке.

История сочилась на страницу
Изнанкою земного бытия.
За горечь правды он ценил синицу.
Но ждал, конечно, в небе журавля.

Не в поисках постылого покоя
Младого поколения кумир
Он жаждал наконец создать такое,
Чтоб содрогнулся ветхий Божий мир.

Поскольку Бог – он в буре. И недаром
Творец как есть – не добрый он, не злой –
Над тёмным тем новорождённым шаром
Пролился очистительной грозой.

В отечестве так душно всё, так мерзко,
Что хуже быть не может, чем теперь.
...Волнуемая бризом занавеска
Крылом архангела вползала в дверь.

Везувий как картина в Эрмитаже.
И ничего про то не говорит,
Что не журавль, не буревестник даже –
Стервятник в синем облачке парит.

3 июня – 10 сентября 2017

* * *

В. Н.

Бледный, болотно-озёрный модерн,
Предрасположенность к царству русалью,
Слабый побег от общественных скверн
Века, уже провонявшего сталью.
Даром зачитаны Вертер и Стерн.
Маска безмолвия дышит печалью.

Флора прикинулась фауной. В лад
Гибкие ноги разводит лилея
На штукатурке. И кажется, ад –
Это альковное зелье Бердслея,
Или Бальмонта разбавленный яд,
Но чем хмельней оно, тем холоднее.

Провинциальный закат сквозь окно
Над Петроградской близ моста Тучкова
Тлеет по Шпенглеру. Знать не дано,
Легче ль воды соловецкое слово,
Вправду ли Китеж уходит на дно,
Стеблем кувшинки связав часового?

1988

НА ЛЮБШЕ

В.А. и А.В. Дыбо

Ладожского Средиземноморья
Снежный шелест в небе нежилом,
Где угодья Храброго Егорья
Вéлесовым вспаханы хвостом.
Наши музы – Альки и Наталки,
Наши кипарисы – ёлки-палки.
Вместо мрамора – разрыв-трава.
Вместо Парки – сонная сова.

Над водою мёртвого колодца,
Что бы ни случилось на веку,
Погадаем, сколько отольется.
Лыком в стрóку каждое ку-ку.
Се цивилизация по-русски:
Вон из дома, точно из кутузки.
Не оседло жить, не кочево –
Втянешься, и вроде ничего.

И отсюда, не поняв границы,
Мы брели полмиллиона дней
За хвостом куницы и жар-птицы,
За звездой постылою своей.
А запахло Промыслом Господним,
И пришли к себе в одном исподнем.
Ну, не получилось. Бог упас.
Если можете, простите нас.

Декабрь 2000 – январь 2001

СЕВЕРЯК

*Пришедшему в Ладогу
поведали мне ладожане,
как здесь бывает:
когда находит большая туча,
находят дети наши глазки стеклянные –
и малые, и большие, – проверченные,
а другие подле Волхова собирают,
какие вода выплескивает.
Взял у них более ста штук, и все-то разные...*

Нестор. 1114 год

...Глядячи в небо, дракона сразит.

Владимир Леонович

Последнею весной тысячелетья,
Опасно ранней, ненасытно долгой,
Наполненной серебряным урчаньем
За Ладогу отползших ледников,
В начале мая около полудня
Пришёл ко мне паромщик Коля Кузин,
Принёс в кармане бусину, стекляшку,
Подобранную им у переправы,
И долго мялся, и пыхтел по-детски.

Мне не хотелось пить. Не то, чтоб с Колей,
А просто не хотелось. Я сказал,
Что я в завязке. Он ушёл, находка
В развернутой тряпице, как в пелёнке,
Так и осталась на столе – укором
Или подарком. Кто их разберёт,
Потомков викингов да здешней чуди?
Я положил стекляшку на ладонь.
Сквозь патину просвечивала вечность.

Я вышел вслед паромщику на Волхов.
От Новой Ладоги дул северяк.
Река была сиреневой, а небо

Двойным, прозрачным. Я зашёл в музей,
Взял ключ от храма, и уже у двери
Услышал вой зверья и птичье пенье.
Гремел орган... Откуда там орган?
Подростки?.. Бред какой-то... Я не сразу
Попал ключом в замок. И всё затихло.

Всё было, как всегда. Святой Георгий,
Щитом прикрывшись, ехал без копья
С оранжевым флажком и знал, что зло
Непобедимо сталью. Под конём
Желтела сопка вещего Олега,
И Велеса-дракона от реки
Вела на поясочке Елисава.
Но тут опять завылло и запело.
И стало ясно: это просто ветер.

И стало пусто, будто бы вот так
Лишили не иллюзии, а смысла
Настолько, что и в кулаке моём –
Не аленький цветочек, привезённый
Из жарких стран – индийских ли, персидских,
Не тот гранат из чёток пилигрима,
Змеевиком процветший изнутри,
А зёрнышко граната из сельпо,
Забрызганное прозеленью тлена.

Но если так – тогда, ответь, зачем
И Ладога, и перевозчик Коля,
И сын его, которого забрал
На переправе ненасытный Велес?
И зёрнышко оброненное это?
И, может быть, мне только показалось,
Что в миг, когда рыдали оба хора,
Георгий отделился от стены,
Возликовав непоновлённым ликом?

6–17 мая 2000

ЛИХАЧЁВ. ЛЕТО 1997

Александру Боброву

На даче, под суконным одеялом,
с полуулыбкой боли на лице
он молвил: – Даже страшно, как в конце
концов – конец смыкается с началом. –

Про Ладогу дослушал и про Любшу,
почти бесплотен, как былинка сух,
привычным жестом вкладывая душу
внимательную – в зрение и слух.

Подобный парусному кораблю
разглаживал преданий ветхий ситец:
– Больше всего из Ладоги люблю
глазки. Увёз их в Киев летописец. –

– А вы их видели? – Не довелось. –
Кладу на стол, как будто в сновиденьи,
на Волхове подобранные врозь
две бусины из древней стеклодельни.

Две капли мозаичного стекла,
светящиеся, жёлто-голубые,
раскатятся по плоскости стола,
и скажет он: – Так вот они какие... –

Ещё не подошёл прощанья срок.
Но, перейдя тысячелетий бровку,
он, как ребёнок божию коровку,
всё гладил, гладил, гладил тот глазок.

12 января 2015

ПЕРЫНЬ

Владимиру Сарабьянову

Как Арсений Тарковский пробросил
(слава Богу, успел объяснить!):
*Наблюдать умиранье ремёсел –
Всё равно, что себя хоронить.
Выйти в шторм без руля и без вёсел.*

И ручной этой выделки слово
нас однажды догонит на Ильмере.
Гаснут краски Андрея Рублёва
и в Звенигороде, и во Владимире.

Слушай местного златоуста,
чёрно-белый буклет теребя,
и не ведай, где густо, где пусто.

Наблюдать умиранье искусства,
по сухой штукатурке скребя, –
распинать ежедневно себя.

15 января 2015

* * *

И дожил до шестидесяти. Это
одна двадцатая истории России,
когда считать от Ладожской Руси,
от Рюрика и Вещего Олега.

То в жемчугах, а то полубосые –
Полсотни поколений. Ни портрета,
ни имени в четвёртой производной.
Помянут только Альфа да Омега.

Всё началось вчера. Столь коротка
цепочка на полях черновика,
что журавлю я предпочту синицу.

Всё только начинается. Пока
мой мозг питают корни языка,
в гробу я видел вашу границу.

18 января 2015

ГЛОТТОХРОНОЛОГИЯ

Андрею Зализняку

А ведь язык меняется так быстро,
что ангелы за ним не поспевают.
Всего каких-то десять поколений
и древнерусский превратится в русский.
Воображаю, как бы хохотал
Ян Сидоров, студент Литинститута,
шекспировед и декабристовед,
покончивший с собой до перестройки,
и мой другой товарищ рыжий Славка
Шелковников. И даже Алик Шумский,
стебок, который звал бумажный рубль
Московским Живописцем, а железный
приветствовал: «Карман – не мавзолей,
в кармане, батенька, не залежишься!»,
когда бы услышать они могли:
«Звони в карман да прикупи мне память».

18 января 2015. Воскресенье

ВЕНЧИЩЕ

былина

Петру Сорокину

У Венца избиеных от немец
при князе Андреи...

*Синодик Борисоглебской церкви
в Плотниках. Новгород. XVI век*

Пра-Петербург – конечно, Ниеншанц,
(Окопчик-на-Неве). Уныл, пустынен
заштатный шведский городишко Ниен.
И пустота Петру давала шанс.
Он не шутил. Он приступил всерьёз.
Спалил посад. А как сыграли зорю,
пошёл на штурм. И крепость перенёс
вёрст на́ десять. Ну, чтоб поближе к морю.
Пра-Петербург – конечно же, Ландскрона
(Земли Корона). До трудов охочий
до завершенья летнего сезона
возвёл для свеев крепость римский зодчий,
Да разметал её с обслугой всей
сын Александра Невского – Андрей.
Пра-Петербург – признаем наконец! –
в синодик заглянув Борисоглебский, –
Венец (ну а венец и есть венец) –
при море аргумент довольно веский,
упёртых новгородцев крепостца,
коварному соседу в назиданье
заложенная с чистого листа...
Да герцог Биргер перевёл названье
ну и сорвал Венец. Но связь имён
во рву мерцала ключиком утерянным.
А то, что Венчищем звалось потом,
так то открыто Адрианом Селиным.

И всё это – Венец, Ландскрона, Ниен,
и пир Петра, и Невская победа,
и даже неолита закулиса
лежит на стрелке Охтинского мыса –
от пуговиц янтарных рыбоеда
(тогда ещё Нева не потекла!)
до фибул из двухсотграммовых гривен
и кубков византийского стекла.

Копай себе в архивах между строк.
Пять миллионов, а поплакать не с кем,
что на глазах ветшает городок,
завещанный нам Александром Невским.

24–25 января 2015

КАПИТАНША ВАСИЛИСА ЕГОРОВНА

конспект

Сергею Трояновскому

Под защитой бастионов,
Древоточцами точёных,
Капитан Иван Миронов
Дуется на подчинённых.

Сводом правил непреложных
Установлено зело:
Недержанье шпаги в ножнах –
Возмутительное зло.

Заварив такую кашу,
Не сварить гвардейской жжёнки.
Арестует капитанша
Ваши жалкие шпажонки,

Под прикрытьем чёрных брёвен
Потрудившись разобрать,
Кто был прав, а кто виновен,
Да обоих наказать.

Но изменою нафабрен
Через бёз году неделю
Сиганёт поручик Швабрин
В услуженье лиходею.

Бьётся на колу мочало.
Поднимается буран.
Дело худо. Крепость пала.
И повешен капитан.

Только заячий тулупчик,
Снятый вовремя с плеча,
Извлечёт тебя, голубчик,
Из объятий палача.

С женихом поздравят Машу
Пушкин и Мадам де Сталь.
Кто-то вспомнит капитаншу.
Вот её и вправду жаль.

9 июня 2017 – 27 января 2021

ТАЙНИЧНАЯ БАШНЯ В СТАРОЙ ЛАДОГЕ

Ирине Чеховских

Ночи ладожские пространны.
Но одна лишь картинка снится:
на тусовке памяти Анны
иней в доме (мороз за тридцать).

Разродился бы мемуаром,
только проза здесь – в мимолёт.
...Лунный серп рогатым драккаром
над Тайничной башней плывёт.

За столом ни ахов, ни охов.
Водки столько, сколько не выпить.
Взял топор да ведро – и на Волхов:
кто-то ж должен посуду вымыть.

Но у проруби оглянулся
и застыл с разведённым ртом:
тот драккар на меня рванулся,
полыхнул золотым ребром –

и в полнеба в одно касанье
спроецировал на экран
чудо северного сиянья,
многоярусный орган.

Виртуальный, мильонотрубный,
ослепительно-ледяной,
цветопад его целокупный
был зелёный, стал голубой.

И глядели из чрева ночи
хрусталями полярного дня
чьи-то немилосердные очи –
слава Богу! – поверх меня.

Мутным мороком лихолетья
в распоследнюю коловерть
от щедрот раздавая бессмертье,
шествовала государыня-смерть.

Только что-то её огорчало.
Трель трезвучья в каскаде света
обращала конец в начало,
поворачивала на лето.

Скрипкой проворковала милость.
Отвела свирель от беды...
.....
Зачерпнуть, увы, не случилось.
Я вернулся с ведром воды.

26–30 января 2015

К ВОПРОСУ О ЩИТЕ ВЕЩЕГО ОЛЕГА

Игорю Данилевскому

На своем 95-летьи,
уже в нынешнем тысячелетии,
Татьяна Аркадьевна Борнштейн,
в девичестве Мельницкая,
дворянка, петербуржанка, театральный художник,
стрельнув беломорину, вспомнила,
как на втором году Первой Империалистической
старшая сестра водила ее в зоосад.

На боковой дорожке у клетки с попугаем
толпились зеваки.
А зеваки – это всегда интересно.

Хозяин попугая, грек или цыган,
девочек заприметил и зацыкал на всю Ивановскую:

«Американский какаду!
Серит только раз в году!
И притом на хаду!
...прапуците барышен пацматрет!»

Толпа расступилась.
Попугай отвернулся.
И вспыхнувшая гимназистка Лиля,
сестра пятилетней Таты,
отдала цыгану бумажки
из расшитого бисером кошелёчка.

Обратно шли пешком.
(«Овес-то нынче почём?»)

Это я к тому, что шаг предания долог,
а от щита скельдунга Олега до Киевского Крещения
(кстати, скельд по-норвежски – «щит»)
лишь один оборот кометы Галлея –
77 лет.

26 апреля 2015

* * *

Николаю Беляку

Гроздьями чёрной февральской рябины,
Снегом, уплывшим в гнилой водосток,
Через беспамятство Мнемозины
Выйдет и этому времени срок.
Герда произнесёт: «крибле-крабле...»
Бумс! – и обрушится та стена.
Не наступая на русские грабли,
Кай хохотнёт: «С Наступающим на!...»
Запоминай современников лица,
Что б ни случилось с твоею страной,
Запоминай же, покуда он длится
Век этот жалкий, безбожный, больной.

5 марта 2017

ЖЕНЬКИН БУКЕТ

Без черёмухи сошлись. Но вскорости
Это дело допекло и нас:
Через год в забытой богом волости
В старолadoжский явились ЗАГС.

Расписались без понтов, без патоки
(Без свидетелей. Зашёл – и точка).
Но забыли, что в октябрьской Ладоге,
Как при Гостомысле – ни цветочка.

Солнышко немаркое полощется
В тучах непроглядных напросвет.
Женя – мы дружили с ней – ларёчница
Сочинила ладожский букет.

Весь букет – три веточки рябины,
Те, что и доньне достояли –
Женькины нетленные рубины
В тленном, точно жизнь, материале.

8 мая 2017

ЛИТЕРА «V»

Эшелоны... эшелоны... эшелоны... эшелоны несчётно!
«Тихий Дон»

Крепы сброшены, гайки сорваны.
Упования вышли вон.
В пролетарской слободке, в Сормове,
Век XX произведён.

Век лахудрою рыжей движется
В колее двойной колее.
Паровозы системы «Ижица»
На себе его поволокли.

Ибо сила вполне серьёзная –
КПД в четыре процента,
Эта тяга четырёхосная,
Рыжей ржави двойная лента.

Распоследняя буква ижица,
По гражданскому алфавиту
Упразднённая, будто пыжится
Отомстить за свою обиду.

Эта ижица, чёртова литера,
Исключенная из реестров,
От Харбина хрипит до Питера
Громче всех духовых оркестров.

Паровозы литеры «Ижицы»
Образца девятьсот восьмого
Кипяточком пыхтящим брызжутся,
К водокачкам прильнув лилово,

И глядит Мария в бессилии,
Как к границам своим вновь и вновь
Взбаламученная Россия
Гонит серошинельную кровь.

17 мая – 23 декабря 2017

14 (27) МАРТА 1920. ИСХОД

*Я с кормы всё мимо, мимо
В своего стрелял коня.*

Николай Туроверов

Стылым ужасом, смертной тоскою
Дышит с севера василиск.
Всевеликое Войско Донское
Покидает Новороссийск.

Кони брошены. Брошены люди.
Трехдюймовки брешут на гребнях.
В бухту кинутый, как на блюде,
Твой кораблик в числе последних.

Лаем -надцати-с-гаком дюймовок
Соблюдая союзный вид,
Отваливший британский дредноут,
Красных конников стервенит.

У тебя ж ни коня, ни поклажи.
Шашка. Сумка. Своя стезя.
Фёдор Дмитриевич, вы куда же?..
Вам в полон попадать нельзя!

Можно вплавь за последнею шляпкой,
Или где-то пересидеть,
Не в родном седле, так охлюпкой
Лебединую песнь допеть.

Мы ж должны дожить до победы!
На шинели солдатской влеком,
Ты же сам из тифозного бреда
Лишь вчера вылезал ползком...

Не успеешь даже покаяться.
Северяк с перевала веет.
Скачут всадники Апокалипсиса.
Вон передний в намёте пластается.
Алый бант на груди кровенеет.

...Указал вестовому на сходни,
Где носилки кровавой горой,
И распорядился: – Сегодня
Ты вот лучше мальчонку пристрой!

2–7 мая 2017

ОРЕДЕЖЬ

Пóлно. Такое не лечится.
Пó ветру пепел развей,
вспомнив, как малая речица,
прыгала меж камней.
Замысловатая, заячья
стёжка её берегов
не замерзала у Заречья
даже на лоне снегов.
Бьётся лугами-альварами
детства цветочный лоскут.
Каменными тротуарами
будни в Лету текут.
Памятью серого Севера
душу не бери.
Там, где не сдюжат и семеро,
только одно впереди:
сладостным дымом отечества,
белым черновиком –
Оредежь, малая речица
за железным замком.

19 декабря 2014

ЗЯБЛИК НАД ЛЮБШАНСКИМ ОМУТОМ

Л. А. Губчевской

Птичья трель на обугленной пихте:

– Тере-ви'-тереви'-тере-ви'ть!.. –

Зазывает какого-то Витю

Гнёзда вить, малых деток родить.

И в ответ в колыхании сада

Крылышкуя на тот же манер,

Передразнивает цикада:

– Зинзивер-зинзивер-зинзивер!

23 июля 2018

НАТАШЕ С ЛЮБШИ

*Ливень брызнет молнии короче,
И дымком окрестных деревень
В наущении июньской ночи
Загрохочет белая сирень.
И на твой вопрос «А где нам лучше?»,
Взвешивая жизнь не на авось,
Я отвечу: в Ладоге, на Любше,
Там, откуда всё и повелось.*

20 июня 2017

ЮНГА В ГАЛЕРНОЙ ГАВАНИ

Филиппу Хардикову

Железный век – ярмом на вые,
Но наполняют паруса
Державинские раздвижные
Трёхпалубные небеса.

Душа, волною закипая,
Не хочет жребия иного,
И от Кронштадта до Китая
Ей ближе, чем до Бологого.

Не искушённая сомненьем,
Она во всю мальчишью прыть
Впадает в море льдом весенним.
...Что за вопрос – куда ж нам плыть?

19 сентября – 29 декабря 2017

МЕТЕРЛИНК

Печаль и радость делим поровну
И в темноте, и на свету –
Те, кто пока по эту сторону,
И все, которые по ту.

Там ветер волен, как в степи,
И ни жары тебе, ни стужи.
Собрался спать? Ну что ж, поспи.
Но память затяни потуже.

10 октября 2020

ИГРА В СЕКРЕТИКИ

Льву Тимофееву

На пустыре, где у костра калеки
Всё ждали, ждали третьего кого-то,
Оранжевела ржа одноколейки,
Нырря под железные ворота.

Порой там что-то ухало, гудело.
А то весь день безмолвие стояло.
Воображенье многое умело –
Из тайны чудеса сооружало.

И чудеса воображались нами
Здесь, возле врат военного завода,
Какие открывались лишь ночами
Раз в год, ну в крайнем случае – в полгода.

Что пряталось от глаз в глубинах этих?
Не спрашивай. Страна, что нам досталась,
Как девочка, зарывшая «секретик»,
До слёз на подгляделки обижалась.

30 июля 2020

КРЫСОЛОВ

Евгению Сидорову

А из-под черепичных кровель,
Из тайных недр клоачных сфер
Нет-нет да выползали Кромвель
И друг Марата – Робеспьер.

Шмыгнув во власть аррасской крысой,
Уверенно и невозбранно
Очередной диктатор лысый
Сменял косматого тирана.

Но это в скобках, это – к слову...
Недаром люди говорят,
Мол, Гамельнскому крысолову
Остался должен магистрат.

Мы верили: всё обойдётся.
Всё обойдётся, чёрт возьми.
Хоть знали: дудочник вернётся
Ещё вернётся – за детьми.

30 августа 2020

МОНОЛОГ ГОРАЦИО НАД ТЕЛОМ ПОЛОНИЯ

Павлу Литвинову

История Рима началась с поединка трех братьев Горациев с тремя Куриациями. А после единственный выживший – один из Горациев – убил свою сестру, посмевшую оплакивать врага Рима, то есть ее жениха, убитого ее братом. Имперская идея с веками деградирует. Пройдет лишь две тысячи лет, и некий «римлянин» Горацио, дальний потомок того древнего Горация, ради безопасности датского государства проводит к эльсинорскому ручейку ту, что оплакивала своего отца, единственного друга провонявшего тленом режима.

Под тяжестью аррасского мильфлёра,
Протраченного дружеским клинком,
К нигдейскому пристанищу влеком
Ты не услышишь моего укора.

Тела смердят. В особенности летом.
Перешибив интриги запашок,
Сюда принёс я твой мешок кишок,
Поскольку Гамлет попросил об этом.

Подобное – к подобному. Орёл,
Гордец, паривший в поднебесной дали,
В объятиях парашника, в подвале,
Своё упокоение обрёл.

Да, королева, в сущности, права:
«Сколь опрометчиво и сколь кроваво!»
Есть три богини: Власть. Фортуна. Слава.
Всё прочее – слова, одни слова.

Их так легко по-тихому украсть:
В наш дряхлый век в пресыщенных европах
Не знает власть о заповедных тропах
Холопьего хождения во власть.

Что может быть глупее паука,
Увязшего в своей же паутине?
А я прикинусь винтиком в машине,
Чтоб не нарваться на удар клинка.

Интриги – вздор. Чуть оскользнулся и –
Бултых, с концами! – в Стиксовы струи.

На почве датской оступиться просто,
И потому в дворцовой полумгле
Я – зеркало. Подлец при короле.
При Гамлете – образчик благородства.

Да, в Дании сойдёт с ума любой,
Но если станешь бунтовать, Офелия,
Пускай хозяин лишь мигнёт с похмелья –
Я примирю тебя с самой собой.

К чему переть наперекор судьбе?
Прости, хотя и нет тебя, Создатель.
Кто смеет утверждать, что я – предатель?
Я никогда не изменял себе.

Решим за вас, кто бог, кто червь, кто скот,
Мы, дети мелкой сволочи, подонки,
Когда вас подомнут мои потомки
И станут вами править лет шестьсот.

2017 – 31 января 2021

* * *

Татьяне и Милене Рождественским

Где над расползавшейся империей
взад-вперёд ходили облака,
где и при Никите пахло Берией,
где пушинка-жизнь была легка,

как-то выживали и при Сталине,
да не просто выживали – жили:
на прогалине и на проталине
родине и Господу служили.

А теперь как в поле одуванчики
разлетелись, – и земля им пухом! –
памы-мамы, девочки и мальчики
поколения Ни-Сном-Ни-Духом.

20 июня 2015 – 2 июля 2016

ПОСЛЕДНИЙ ПАРАД

Небеса западали на запад,
А столетье ползло на восток,
И над первопрестольною затхлый
Сладковатый курился дымок.

Пахло праздником – смертной тоскою
Вкупе с «Герцеговиною Флор»,
Допотопною «Красной Москвою»,
Упакованной в триколор.

Вон на фоне Успенского храма
Долгожданным парадом-алле
Шаг державный чеканит охрана
В осаждённом проказой Кремле.

Стать отменна и поступь геройска.
Теледиктор срывается в крик.
Прохожденьем потешного войска
Тешит мёртвую душу старик.

10 мая 2020

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Наташе

Самая пустая тайна – смерть.
Самая простая тайна – Бог.
А строке пристало жить и впредь,
Истаскав полдюжины эпох.

Если только уголёк в золе
Жив-живёхонек и душу жжёт –
Странник въедет в город на осле
И тебя окликнет у ворот.

14 июня 2020

ЧУЖОЙ СОН

Петербургу быть пусто.

Царица Авдотья

Знаю, знаю: рвётся там, где тонко,
Но досматриваю сон не свой:
Замшевые ноздри жеребёнка
Теребят траву над мостовой.

Не перевернуться с боку на бок –
Где он видел в городе траву?
Разве кто-то из твоих прабабок
Наблюдал такое наяву.

Тайным тем припоминаньем детским
Душу пересохшую взъерошить
На углу Владимирского с Невским,
Где впрягают в конку третью лошадь.

28 апреля – 24 июля 2018

ДЕИСУС

А на въезде в подворотню Вечности
как две колёсоотбойных тумбы
крепче гранита стояли Иоанн и Мария.
Когда сонный возница
не вписывался в створ подворотни,
обод накатывал на колёсоотбойник
и, лихо отпрыгнув от стенки,
пролётка вползала на станцию.
Вы это всерьёз, Булат Шалвович,
что в Москве больше нету извозчиков,
да и с пролётками мы, увы, пролетели?

8 апреля 2018

ПЕРЕД РАССВЕТОМ

Сане Лурье

А когда пойдёт игра недетская,
выручит небесная опека –
Федя Крюков, Туся Крандиевская,
дети девятнадцатого века.
Всякий раз, как муторным наветом
заклубится мрак тысячелицей,
объявляются перед рассветом
отрок – об руку с отроковицей.
Через три согбренных поколения
по-провинциальному неловки –
два отвергнутых эпохой гения:
та с Гранатного, а тот из Глазуновки.
Не сказав словечка – надоумили.
Ну, пора. Ступай своей тропею.
– Дети, вы ж в Двадцатом веке умерли! –
Смотрят молча, мол, Господь с тобою.

27 декабря 2014

* * *

Вместе – ты да я, да мы с тобою,
Там, где нет ни моря, ни земли,
По ничейной полосе прибоя,
Рук не выпуская, побрели.

И не рыбы, но ещё не птицы,
Вместе – мы с тобою, ты да я,
Не умея перевоплотиться,
Длим пробег земного бытия.

Что с телами будет? Что с душою?
С тютчевской споткнувшейся строкой?
Только ты да я, да мы с тобою,
Да моя рука с твоей рукой.

Разве только лунною дорожкой
Повернём да – инда побредём! –
За промёрзлой ладожской морошкой
Вместе – ты да я, да мы вдвоём.

1 декабря 2013

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

(Гардарика. Издание «Интерьерного театра». СПб, 1997. Тираж 50 экз.)

Книга стихов Андрея Чернова посвящена истории зарождения и становления Русского государства («Гардарике» скандинавских источников).

Среди «гардов» особое место занимает Ладога – ныне поселок Старая Ладога Волховского района Ленинградской области, выделяющийся как уникальной сохранностью почти четырехметрового культурного слоя, так и ранним возрастом поселения. Работами нашей экспедиции получены спилы дерева с объектов, оставленных первыми обитателями Ладоги, и установлена дендрохронологическая дата возникновения этого поселка в низовьях Волхова – 753 год. Таким образом, уже в недалёком начале следующего тысячелетия, в 2003 году, мы будем отмечать два весьма важных юбилея в истории Северо-Западного региона, а шире – и всей России: 300-летие града святого Петра и 1250-летие Ладоги, древней предшественницы Санкт-Петербурга.

Ранняя Ладога – первое прорубленное из Западной Европы «окно». Ладога была хорошо известна скандинавам – шведам, датчанам, норвежцам, достигшим нижнего течения Волхова ещё за сто лет до возникновения Древнерусского государства. В северных сказаниях – сагах – это место часто упоминается под названием Альдейгия или Альдейгьюборг как международный торг и начальный пункт движения из Балтийского моря вглубь материка. Из Альдейгии караваны судов по пути «из Варяг в Греки» продвигались в Черное море, достигая Византии, а по Великому Волжскому пути они проникали до средневекового государственного образования в Среднем Поволжье и на Нижней Каме – Волжской Болгарии, достигая на юго-востоке Хазарии, стран Арабского Востока и Хорезма. Сообщество ранних ладожских поселенцев было очень пестрым: «Норманны, фряги, русы, финны, фризы /Базар хазар на торжищах словен...»

С Ладогой связаны важнейшие события начальной русской истории. Именно здесь, по летописным данным в 862 году, появился основатель «династии Рюриковичей» – князь Рюрик, вероятный выходец из датской Ютландии. Здесь же по летописной версии погиб от укуса змеи и погребён в одной из монументальных ладожских насыпей-сопок Олег Вещий.

С темой «Альдейгьюборга» связано упоминание Земляного городища – древнейшего участка Ладожского поселения, примыкающего к левому берегу Волхова и отделённого с напольной стороны укреплениями позднесредневекового времени. Именно здесь с 1909 года продолжают основные археологические работы, которые привели к открытию многих ценных свидетельств ранних этапов существования этого уникального памятника.

Ко второй половине VIII и первой половине IX веков относятся выявленные экспедицией 1975–85 годов остатки кузнечно-ювелирной мастерской и производственного комплекса, владельцы которого занимались изготовлением древнейших в Восточной и Северной Европе стеклянных украшений. Особой популярностью у первопоселенцев Ладоги пользовались так называемые глазчатые бусы – красивые изделия с разноцветными пятнышками («глазками»).

Любопытное сообщение оставил о них составитель Повести временных лет, посетивший Ладогу в 1114 году и произведший, по существу, первые археологические изыскания на этом памятнике. Киево-Печерский инок был поражён видом таких бус, минимум за столетие до него вышедших из употребления; «...егда будеть туча велика, и находять дети наши глазкы стеклянныи и малыи и великыи, провертаны, а другыя подле Волховъ берутъ, еже выполаскываеть вода, от нихъ же взяхъ боле ста; суть же различь». Стеклянные бусы и мелкий бисер развозились торговцами в больших берестяных коробах в чюдские (финские) земли лесного Севера, где их меняли на пушнину. Дорого ценившиеся меха сбывались затем ладожанами купцам из Волжской Болгарии и Арабского Востока в обмен на серебряные монеты – дирхемы: «Мех за бисер. Монету на мех». В финском приладожье

возникали даже постоянные купеческие фактории. Таковым, в частности, являлось городище на реке Сясь, известное в северных сагах под названием Алаборг⁷².

Активными посредниками в этой торговле являлись скандинавские купцы-воины. На Руси выходцы с европейского Севера назывались варягами, в далекой Византии – варангами. На своих судах, увенчанных деревянными головами драконов, они бороздили морские пространства, достигнув за 500 лет до Колумба побережья Америки, и глубоко заходили по речным артериям в пространство Евразии. Варягам были хорошо знакомы озеро Нево (Ладожское озеро с берущей из него начало Невой) и Хольмгард (Новгород Великий). Походы скандинавских воителей воспевались сказителями-скальдами.

Особый сюжет в книге посвящен Олегу, известному в сагах как Орвар Одд («Прорицание Орвару Одду»). Этому легендарному варягу, жившему тысячу с лишним лет назад, вещуньей-вельвой была предсказана смерть от змеи, которая выползет из черепа его коня. Предсказание сбылось; после совершённых Орваром Оддом подвигов в дальних странах при возвращении его на место, где он провёл ранние годы своей молодости, он был укушен змеей, выползшей из черепа его умершего коня. Нетрудно заметить, что этот рассказ вторичен по отношению к древнерусскому преданию о гибели Олега Вещего, принявшего «смерть от коня своего». Однако, согласно Новгородской Первой летописи, после длительного правления в Киеве Олег «иде к Новгороду и оттуда в Ладогу. Друзия же скажутъ, яко идуще ему за море и укляну змия в ногу, и с того умре, и есть могила его в Ладозе».

Связанными с Ладогой историческими персонажами являются шведская принцесса Ингигерд, жена Ярослава Мудрого, и воевода Добрыня, дядя Владимира Святого («Руны сыну»). Ингигерд получила в качестве свадебного дара Ладогу. Добрыня – в фольклоре былинный богатырь – прославился участием в христианизации Руси при князе Владимире. Вероятные следы его акций – разоренное и почти полностью уничтоженное ладожское языческое капище, остатки которого были открыты раскопками В. П. Петренко.

Многообразен пантеон богов и богинь у древних обитателей Северной и Восточной Европы в дохристианскую эпоху. Среди них «угрюмый Один» – верховный бог скандинавской мифологии. Выполненное в бронзе его изображение обнаружено в основании культурного слоя Ладожского поселения (750–760-е гг.). Фрейя – богиня и прорицательница северных сказаний – являлась олицетворением богатства. В сагах сообщается, что её именем называли всех знатных женщин, а также всякую владелицу имущества и всякую хозяйку, у которой есть свое добро (этимологически имя Фрейи расшифровывается из древнескандинавского понятия «госпожа»).

К славянскому языческому пантеону относятся Перун, Велес и Стрибог.

Перун – это божество дружинной эпохи, сходное по своей семантике со скандинавским богом-громовиком Тором. Более архаичным по времени возникновения был народный, земледельческий культ скотьего бога Велеса. Во многом загадочным остается место Стрибога в дохристианских верованиях. В «Слове о полку Игореве» ветры названы «Стрибожьими внуками». Не означает ли это, что Стрибог для наших далеких предков представлялся старейшиной простых стихий, дедом ветров, то есть повелителем воздуха и верховным небесным божеством?

История Ладogi до сих пор во многом загадочна. Но именно здесь, в Ладoge, следует искать истоки отечественной государственности. Ибо отсюда идет Русская земля.

Евгений РЯБИНИН,

доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник Института истории
материальной культуры РАН,
в 1973–1975 гг. возглавлял раскопки Земляного городища Старой Ладogi

⁷² Песчаный холм Алаборга был снесен в 70-х годах XX века: песок потребовался для строительства автотрассы. То немногое, что осталось от этого утраченного памятника, изучала Анна Мачинская. См.: Джаксон, Мачинский 1989; Богуславский, Мачинская 1993: 117–122 (Прим. А. Ч.).

ФОТОАЛЬБОМ

Николай Рерих. Заморские гости. 1902. Картон, масло. Русский музей.
Справа вверху Любшанская крепость. На горизонте озеро Неве.

...Перед нами один из лучших русских пейзажей. Широко развернулся серо-бурый Волхов с водоворотами и светлыми хвостами течения посередине; по высоким берегам сторожами стали курганы, и стали не как-нибудь зря, а стройным рядом, один красивее другого. Из-за кургана, наполовину скрытая пахотным черным бугром, торчит белая Ивановская церковь с пятью зелеными главами. Подле самой воды – типичная монастырская ограда с белыми башенками по углам. Далее, в беспорядке – серые и желтые остовы посада вперемежку с белыми силуэтами церквей. Далеко блеснула какая-то главка, опять подобие ограды. Что-то белеет, а за всем этим густо-зеленый бор – все больше хвоя; через силуэты елей и сосен опять выглядывают вершины курганов. Везде что-то было, каждое место полно минувшего. Вот оно, историческое настроение...

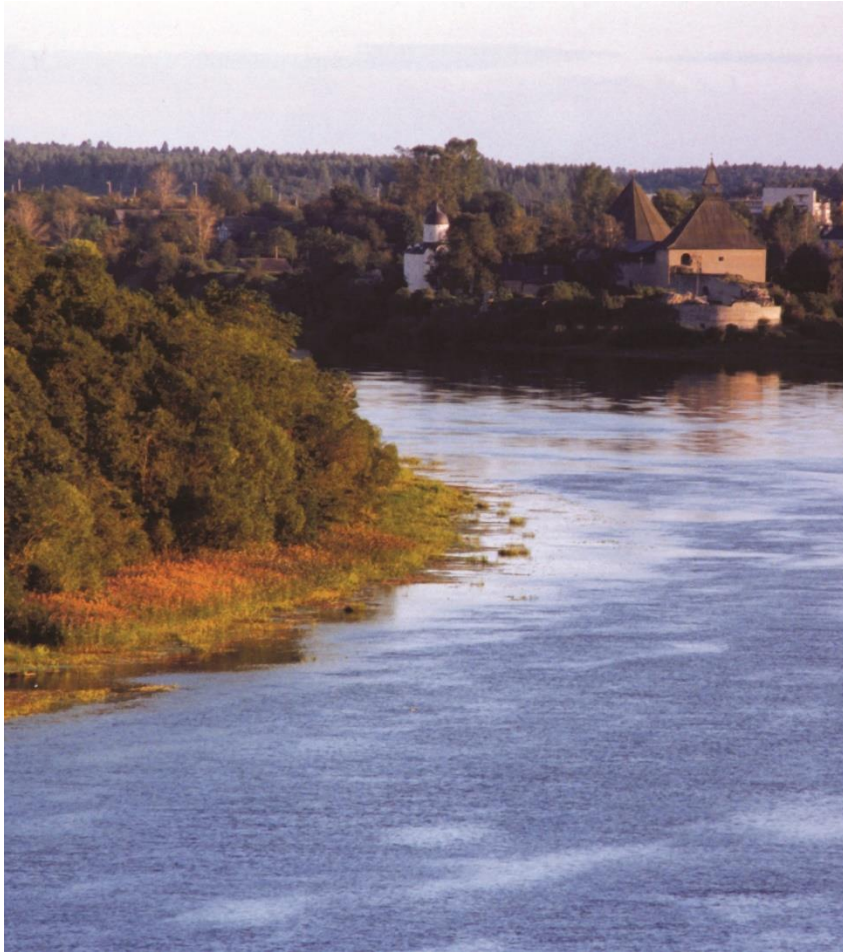
Н. К. Рерих. По пути из Варяг в Греки. Собрание сочинений. Кн. I. М., 1914. С. 46–48.

Полая сопка (Олегова могила). 7 января 1996 г.

Старая Ладога в июне 1809 года. Устье Ладозки при впадении ее в Волхов.
Фрагмент рисунка из альбома действительного члена
Российской Академии наук Константина Бороздина,
преподнесенного им Александру I. (Рукописный отдел РНБ.)
Акварель Д. Иванова.
На горизонте крайний правый объект – Олегова могила.

Вид на Мысовое городище Старой Ладogi с дивинца Олеговой сопки в Морьещине.

Последнее, что мы видим с дивинца Олеговой могилы на этом, на левом берегу, – Георгиевский храм. За ним – край Земляного городища. Ну а с городища окрестность просматривается ровно до Олеговой могилы. В эту самую большую в округе сопку, в сакральную, важнейшую для безопасности города точку, ладожане должны были положить сожженный в ладье прах некоронованного императора Руси.

Викинги приходили с озера Нево, и в цепочке зрительного телеграфа, перекинутой с берега на берег от сопки к сопке, Олегова могила была постом № 1.

А часть пепла отнесли в Киев и положили на Щековице.

Фото Дмитрия Конрадта

Церковь Успения. XII в. Самый северный домонгольский храм Руси. Фото Марка Коляды. Конец 1960-х

Ладужская крепость в конце 1960-х. Фото Марка Коляды

Церковь Успения после реставрации. Фотография Ирины Воиновой. 1999 г.

Архитектор-реставратор церкви Успения и сотрудник экспедиции Ирина Леонидовна Воинова

Смерть Вещего Олега. Миниатюра Радзивиловской летописи.

Стрела на стрекозиных крыльях. Гадательный жребий IX–X в. Земляное городище.
Находка экспедиции А. Н. Кирпичникова. Атрибуция Виктории Новиковой

Георгиевская церковь Старой Ладogi. 7 января 1996 г. Фото Андрея Усова

Старая Ладога 12 июня 1997 г. Фото А. Ч.

* * *

Даше и Наташе Ефимовым

Альдейгия – страна невелика.
Алоде-йоги – Нижняя река,
Где Ладожка вливается в Заклюку
И Волхов различается по звуку,
Где шли на нерест лóдуга и сиг,
Где прожил я счастливый самый миг.

Евгений Рябинин. 12 июня 1997 г.
Фото Андрея Усова

«У Рябинина легкая рука!..», – услышу я от директора Института истории материальной культуры РАН Вадима Михайловича Массона, когда Женя откроет каменную подпорную стену любшанской крепости. Площадку Любшанского городища в начале 1970-х уже копали Валерий Петренко и Глеб Лебедев. Не повезло: прорезали вал, попав точно в створ ворот. Нашли локальный развал камней и несколько стрел. Но Рябинин умел копать не там, где хочется, а где неудобно. Ведь культурный слой – это мусор, которого, как известно, больше всего как раз в дальних углах. В 70-х полез под валы Земляного городища, два года копал перемешанный слой, а на третий нашел кузнечно-ювелирную мастерскую первых ладожан, и по дендрохронологии получил дату – 753 г. (Рябинин, Черных 1988: 70–100).

А когда начальство попросило его уйти из Ладоги, открыл в Ленинградской области памятники народа воедь.

Дмитрий Сергеевич Лихачев тогда сказал: «Даже страшно, как конец смыкается с началом. Только не докапывайте Любшу до конца. Оставьте археологам будущего. Они будут копать лучше».

Глеб Лебедев. 12 июня 1997 г.
Фото Андрея Усова

В тот день мы с Глебом и Женей Рябининым поехали на Любшу выбирать место будущего раскопа. И после сели на берегу. Как раз напротив Любшина омута и деревеньки Велеша. Я пошел к реке и на обратном пути поднял на чьем-то крохотном огороде с только что посаженной картошкой лепной венчик горшка VIII или IX века. (Но точно до 930 года, ведь, как установил Рябинин, гончарный круг в Поволховье появился не ранее этой даты.)

«О.! – сказал Глеб, – ты знаешь, что ты открыл подсопье? На картах этого поселения нет. Надо зафиксировать».

Вечером вернемся в город и узнаем, что Булат Шалвович Окуджава, который тем летом собирался приехать к Рябинину в Ладогу, к нам не приедет.

Фреска в диаконнике Георгиевской церкви на Мысовом городище Старой Ладogi. Ок. 1180 г.

Чюдо святаго
Георгия о змеи
Дѣвѣ Елисаѣ
Градѣ Лаодикеи

О реконструкции утраченной надписи (выше и правой головы коня) см. на с. 155.

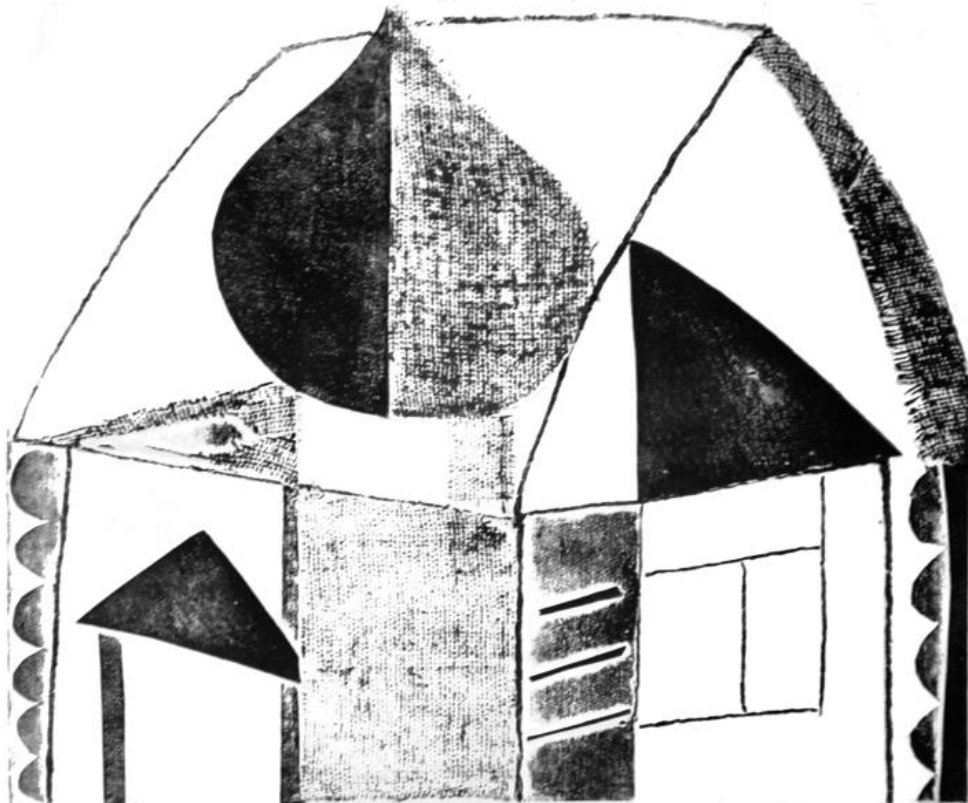
Завен Аршакуни. Старая Ладога. 1965 г. Сухая игла. 12,5x16,5
Церковь Василия Кесарийского XVII в. Слева за Волховом Георгиевская церковь XII в.

1997 г. Аршакуни на лестнице Мраморного дворца. Фото Андрея Усова

Церковь Дмитрия Солунского и Георгиевский храм. Фото Андрея Усова. 7 января 1996 г.

Завен Аршакуни. Изба и церковь. Бумага. Сложная техника. 1972 г. 50,5x60,5

Идол Перуна на облаке. Рисунок штихелем по кости.
 Проорись по черно-белой фотографии.
 Молния, исходя из зигзагообразных усов, бьет в облако.

Гравировки на костяном гадательном жребии середины IX века.
 Старая Ладога, капище на Варяжской улице. находка археолога Валерия Петренко.
 По Повести временных лет у киевского идола Перуна тело было деревянное, голова серебряная, а «ус злат».
 Дерево символизировало дуб (традиционное древо Перуна),
 серебряная голова – тучу, а золотой ус – молнию.

Идол Перуна на облаке. Облако по горизонтали перерезано четырьмя параллельными линиями, отделяющими горний мир от дольного. Высота фигуры 2,6 см.

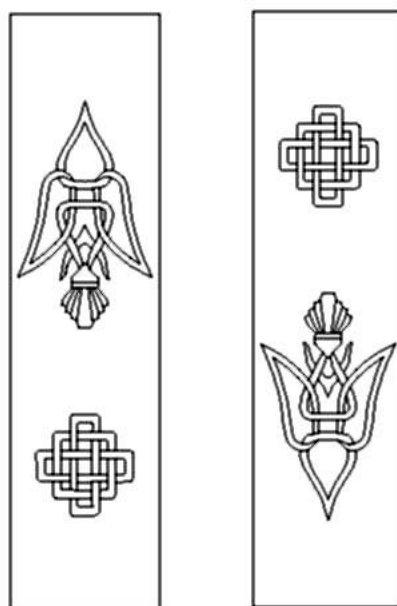

Рисунок с ободка круглой «игральной фишки» (с восстановлением симметрии геометрической формы). В прямом изображении птица, летящая с гнезда, и лик предка. Если рисунок перевернуть, то это – цветок под солнцем и маска Грифона Земляное городище. 890–910 гг. Гравировка на деревянной фишке из «большого дома» времен Вещего Олега. Высота рисунка в развертке ок. 6 см. Находка Е. А. Рябинина.

Поющий Один. Бронза. Высота 5,4 см.
Середина VIII в. ГЭ, № 2551/2
Бронзовый ключ для подтягивания колков европейской лиры.
Найден в 1975 г. Евгением Рябиным
на Земляном городище Старой Ладogi
в составе клада кузнечно-ювелирных инструментов в слое 756 г.

Мой сын Александр предположил, что ладожские глазки потому так ценились их современниками, что воспринимались как нетленные очи Одина.

У Одина рога в виде двух его верных спутников, ворона – Хугина и ворона Мунина. По версии древнего мастера, Один был правшой: правый глаз бога прочерчен парой концентрических окружностей, а другой, левый, – с бельмом. Хотя копьё бога само находило цель, за возможность испить в Нижнем царстве мёда мудрости, он отдал левый глаз. А, значит, бог все же прицеливался сам. И при этом закрывал левый глаз. В запасниках древнерусского отдела Эрмитажа я и атрибуировал эту фигурку, когда под лупой рассмотрел гравировку на правом оке бога.

Фигурка Одина заканчивается квадратным в сечении стержнем. Снизу отверстие – также квадратное. Суздальский историк Игорь Арзамасцев предположил, что рябининский Один – ключ для подтягивания струн на древней лире. Впрочем, аналогов таких ключей не знал даже новгородский знаток древних музыкальных инструментов Владимир Поветкин.

Самый древний древнерусский Велес. До фрески в церкви Св. Георгия еще 400 лет.
Настенный крюк. Дерево. Конец VIII века. Земляное городище.
Раскопки Е. А. Рябикина. Фото А. Ч.

Лаодикийский змей, усмиренный не оружием, а Божьим словом.
Фрагмент ладожской фрески. Ок 1180 г.

Печать митрополита Лаодикийского Леонтия (до реставрации). Ок. 1180 г.
Свинец. 25 × 29,5 мм. Земляное городище. Случайная находка. Фото Андрея Усова

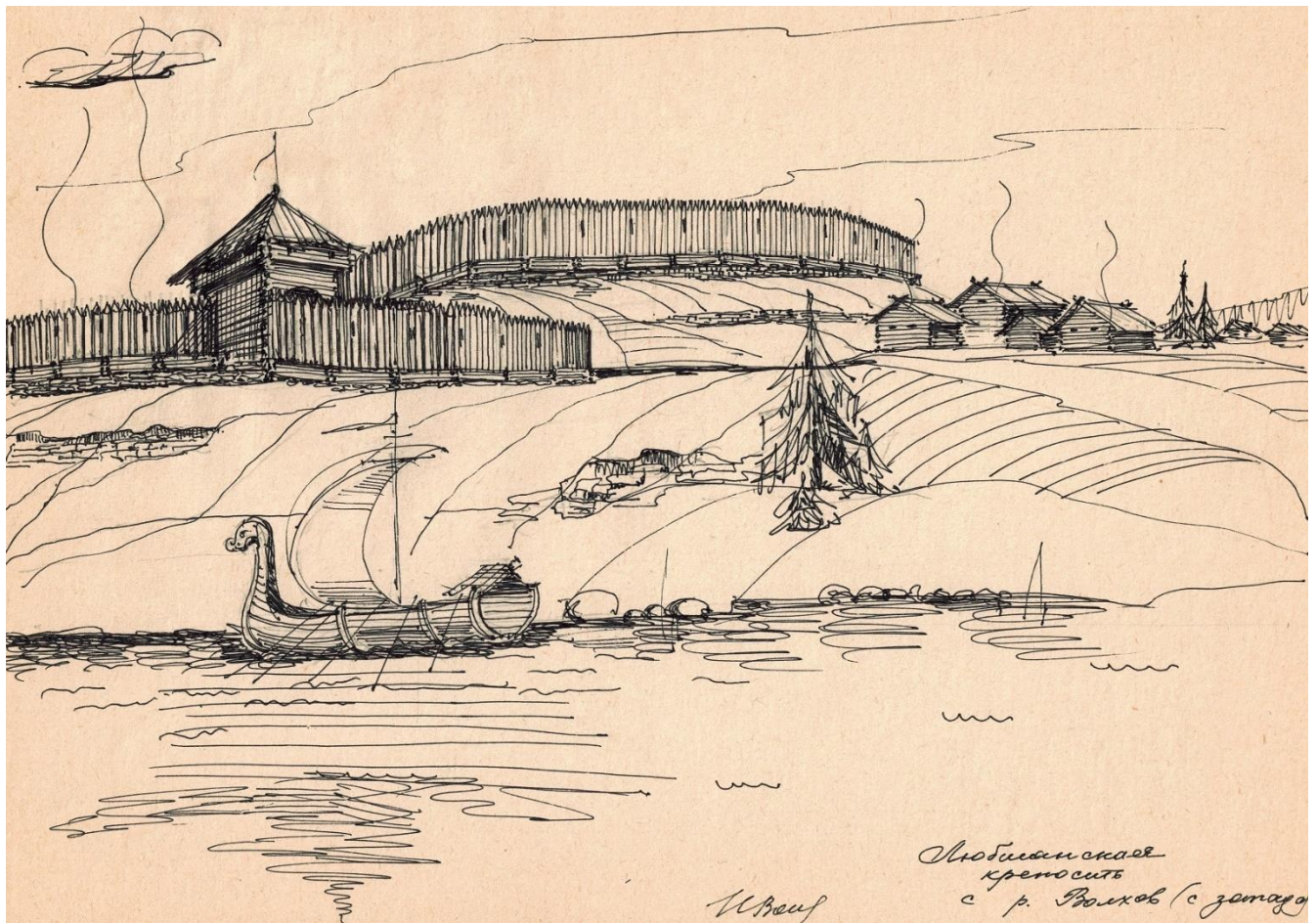
Печать вымыта дождем из земляной ступеньки, которая вела в раскоп № 21; ступенька же была сооружена из верхнего мешаного слоя Земляного городища, который перед началом раскопок был перемещен при помощи бульдозера.

Не могу согласиться с ранней датировкой (XI век), предложенной А. Н. Кирпичниковым.

Печать найдена не в слое, и к тому же уникальна. Однако Зоя Дмитриевна Бессарабова вспомнила, что по преданию именно в Лаодикее святой Георгий освободил город от дракона, запиравшего хвостом источник, и спас Елисаву, царскую дочь, которую жители решили принести змею в жертву. Печать неизвестного нам лаодикийский митрополит могла быть попасть в культурный слой на краю Земляного городища лишь вместе с его грамотой, а грамоту должны были привести греческие богомазы, расписавшие Георгиевскую церковь. Диаконник они украсили шедевром – фреской «Чудо Георгия о змеи». Скорее всего, митрополит из города в Малой Азии писал в Ладугу в ответ на просьбу ладожан прислать мастеров, дабы избавить Ладугу от пережитков архаики человеческих жертвоприношений.

Литература:

Казанский Н. Н., Кирпичников А. Н. Византийская митрополичья печать, найденная в Старой Ладого // *Ладoga и эпоха викингов: Четвертые чтения памяти Анны Мачинской.* СПб., 1998. С. 78.

Любша, каменно-дерево-земляная славянская крепость в устье Волхова в конце VIII века.
Реконструкция Ирины Воиновой. Вид с запада, с левого берега Волхова.

Любшанские ладейные заклепки. VIII-IX вв.

Дмитрий Алексеевич Мачинский и Даша Ефимова. 1997 г.

Евгений Рябинин, Татьяна Сениченкова, Гуля Николаи, Даша и Наташа Ефимовы. 1997 г.
Наша едальня. Тут, в доме купца Калязина, до нас был детский сад. После нас – археологический музей.

Александр Чернов расчищал гребень вала и первым обнаружил каменную стенку.

Александра Чернова

Гребень подпорной стены с напольной стороны крепости

Евгений Рябинин на стене Любшанской крепости – древнейшей на Северо-Западе каменно-земляной крепости восточных славян. Начало октября 1997 г. Первый снег на Любше. Фото Андрея Усова.

Любанская каменно-дерево-земляная крепость VIII–IX веков.
Октябрь 1997 г. Первый снег.
Фото Андрея Усова

Тот же Женя Рябинин. А лето уже другое. Фото Андрея Усова

Евгений Рябинин на Любше. 2000 г.
Стрелы, найденные с внешней стороны подпорной стены. Ими в 860-х выбивали находников из Приладожья. 1999 г.
Фото Андрея Усова

Антон Дубашинский, полевой командир Любшанской экспедиции,
правая рука Евгения Рябинина. Фото Андрея Усова

Дубашинский – Рябинину: «А дротик из жиллого слоя...»

Тот самый славянский одношипный дротик из жиллого слоя. находка 1999 года

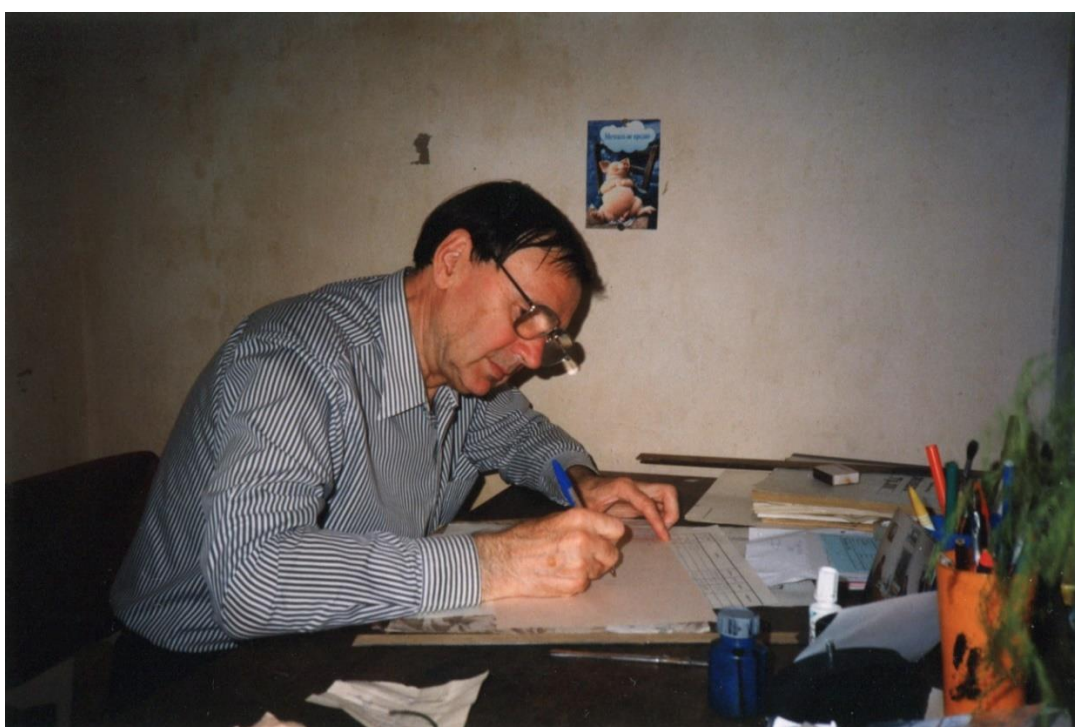
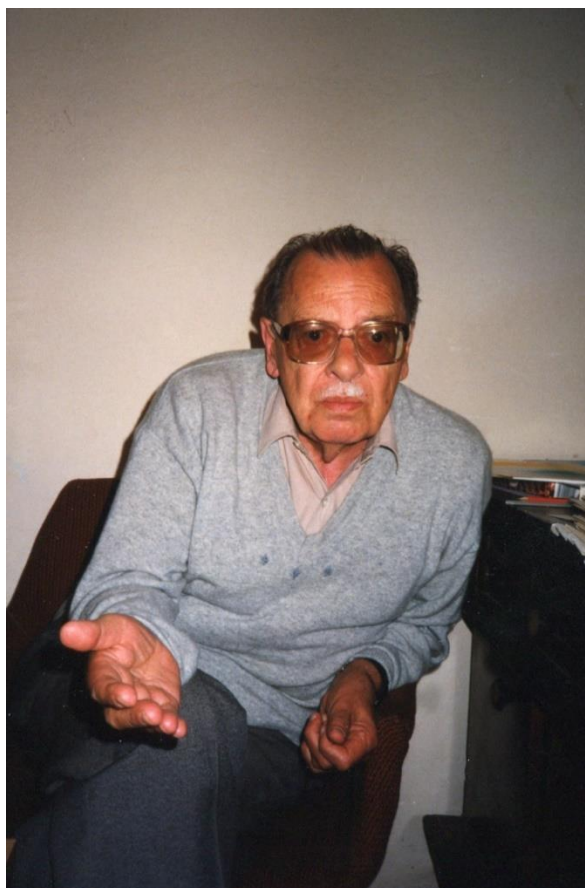
Посоховидные булавки, бритва и серповидный нож с материка.
Любша. III–IV в. н. э. Фото Андрея Усова

За деревьями Любшин омут на Волхове, за ним Велеша.
А на переднем плане надволховская стена Любшанской крепости.

Сопки Морьевшины. Слева двугорбая «полая сопка» (сопка Ходаковского).

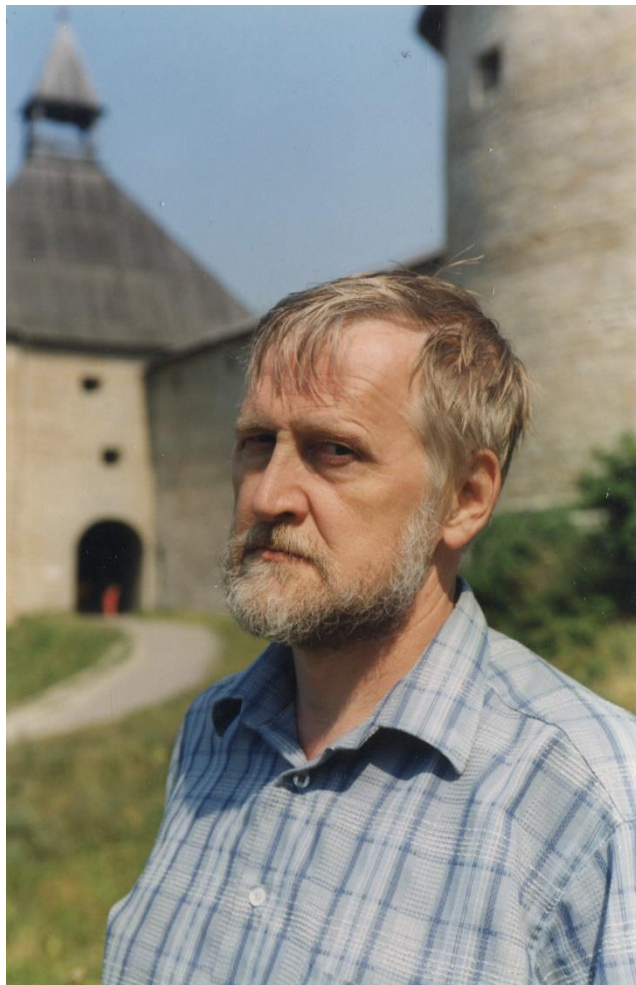
У Валентина Лаврентьевича Янина и Андрея Анатольевича Зализняка. 1999 г.
Янин не поверил, что на Любше мы вышли на слой времен Римской империи.
Обсмеял по телефону: «А в Башкирии, говорят, карту нашли, которой десять тысяч лет...»
Пришлось нам с Рябининым ехать в Новгород –
предъявлять наши финские посоховидные булавки и серповидные ножи.
Академик крикнул: «Да, ранятина пошла...» Фото Андрея Чернова

Новгородца за работой.
С раскопа принесли новую грамоту.
И тут же – вторую...

Павел Гутионтов, Андрей Чернов и Валентин Берестов на Олеговой сопке.
Лето 1996 г. Фото Марины Берестовой

Правозащитник и художник Юлий Рыбаков.
Фото Андрея Чернова

Сергей Мирон, Андрей Чернов и Владимир Сарабьянов на Волхове в руинах Тайничной башни. 1997 г.

Бронзовые весовые гирьки IX–X в.
Две с берега Волхова, но маленькая –
уже вторая с отвала на Земляном городище (раскоп № 2).

Мария Игнатъевы, поэт из Барселоны, у дома № 3
на самой древней улице России – Варяжской

Конек-единорог. IX–X вв. Бронза. 2,2 × 3,7 см.
Найден вместе с комплектом весовых гирек IX–X веков
хранительницей фондов Староладожского музея Зоей Бессарабовой.

Через минуту она скажет:
«Я вижу, вы с ним попрощаться не можете. Вы его поцелуйте,
и тогда он вас отпустит. Я всегда так делаю».

7 января 1996 г. Фото Андрея Усова

Броневая скандинавская стрела для пробивания кольчуги.
Обнаружена Константином Смольниковым при помощи металлоискателя
на вершине начального любшанского вала (внутри линзы золы). 1999 г.
Стрела воткнулась в деревянный острог, венчавший первую каменно-земляную крепость.
Но острог сгорел и наконечник стрелы лег на вершину первоначального вала Любшанской крепости.
Рядом мы положили кольчужное колечко.
Фото Андрея Усова

Справа – студенты, люди взрослые, а слева ладожские школьники. Фото Андрея Усова

Детская игрушка. Уточка из зуба козы.
Сбалансирована так, что, если толкнешь, будет долго качаться.
Старая Ладога. Земляное городище. Еще одна находка на отвале.

Костяное навершие финской женской булавки – вульва, охраняемая головками двух зубастых драконов и четырьмя лебедиными головками.

Начальный этап Любшанского городища. IV–VII вв.

Справа наконечник финского пояса и колечко желтого металла.

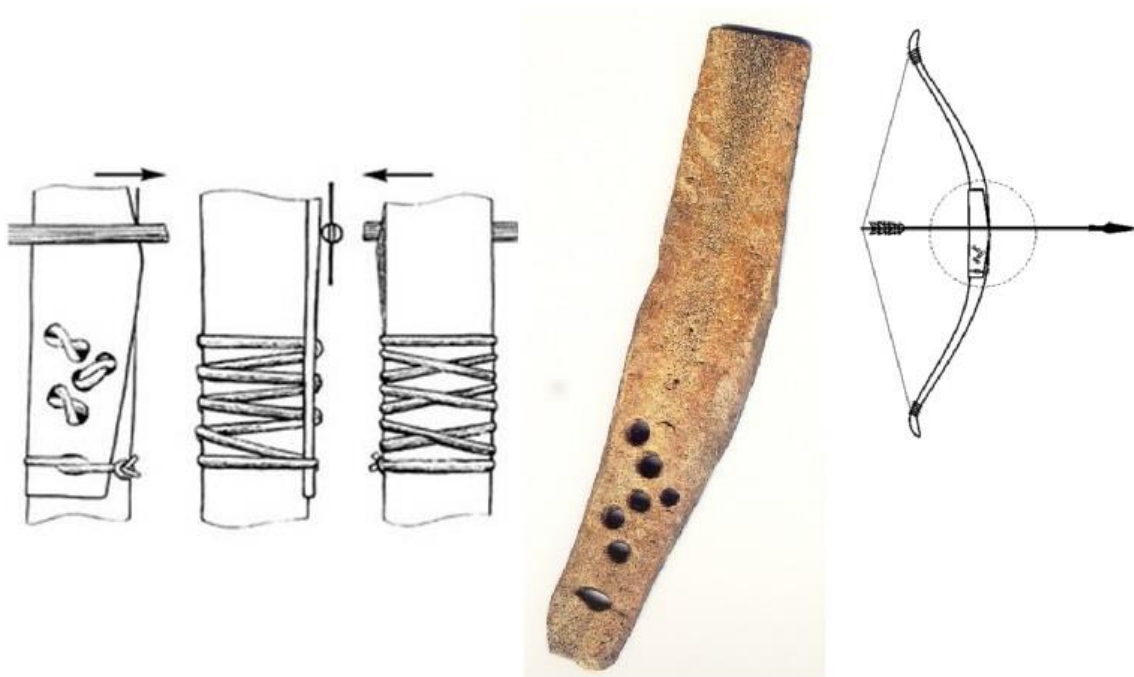

Поясная пряжка финского пояса
(Заподлицо с тем наконечником,
который на верхнем снимке.

Найдена в соседнем квадрате,
хотя и на следующий год.)

Часть любшанского улова 1998 г. Костяная накладка на лук и стрелы (вторая – втульчатая).

Шнуровка налучия.

Так вертикальная направляющая, к которой прижималась стрела, крепилось к луку.

На левом рисунке пластина перекрывает ствол лука;
 на среднем видна в виде узкой вертикальной полоски (справа от шнуровки);
 на правом находится сзади лука и практически не видна.

Реконструкция выполнена московским школьником Николаем Михеевым

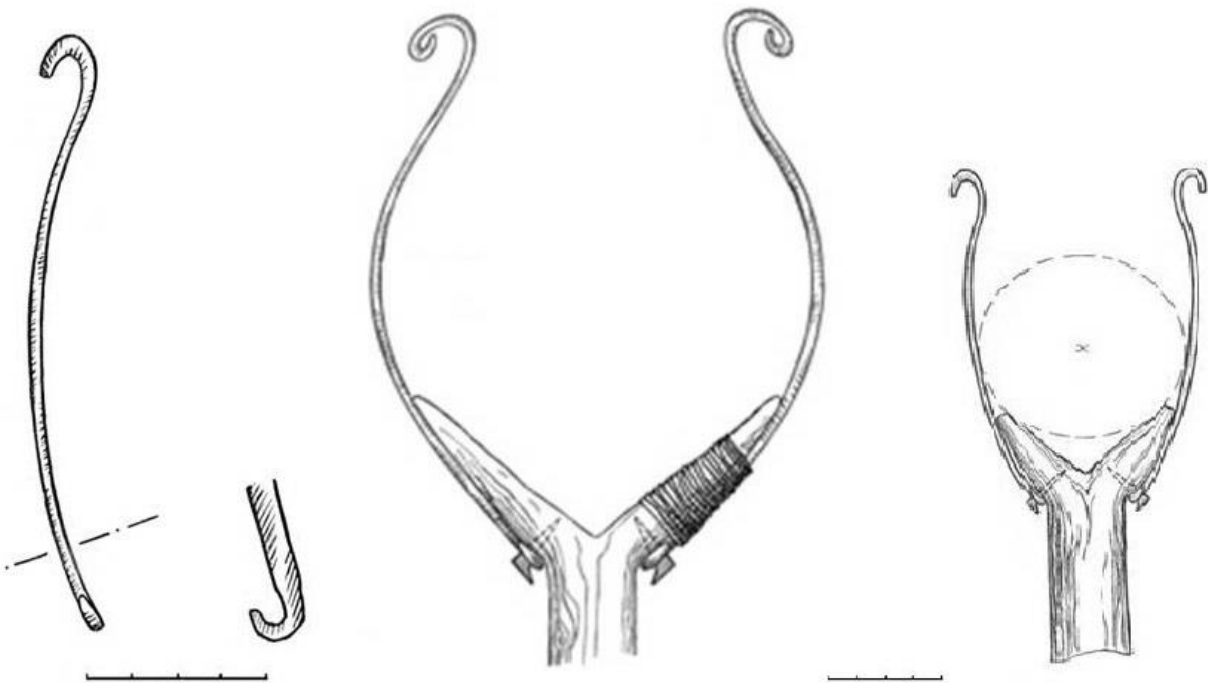
Любшанские бусы. VIII–IX вв. Третья слева – с Дуная. 1999 г.

Справа, как определил Владимир Поветкин, янтарная кобылка (см. *Миляев 2017*) – порожек под струны на европейской лире. Струн, судя по пропилам на спинке кобылки, было шесть.

Находки 1999 г. Рога довульчатого ухвата. Атрибуция Антона Дубашинского

Рога довульчатого ухвата. VIII в. Любанское городище.
Атрибуция археолога-реставратора Антона Дубашинского.
Рисунок Андрея Дробинина.

Такие же ухваты, только маленькие, делались для подхвата литейных тиглей

Любшанский лепной горшок и железная фибула. 1999 г. Фото Андрея Усова

Художник и наш кормилец, владелец кафе «Ладожское подворье» Андрей Дробинин

Пролетарии Рябинина
На драккаре у Дробинина.

Татьяна Рябина, реставратор Старолдожского музея

Елена и Павел

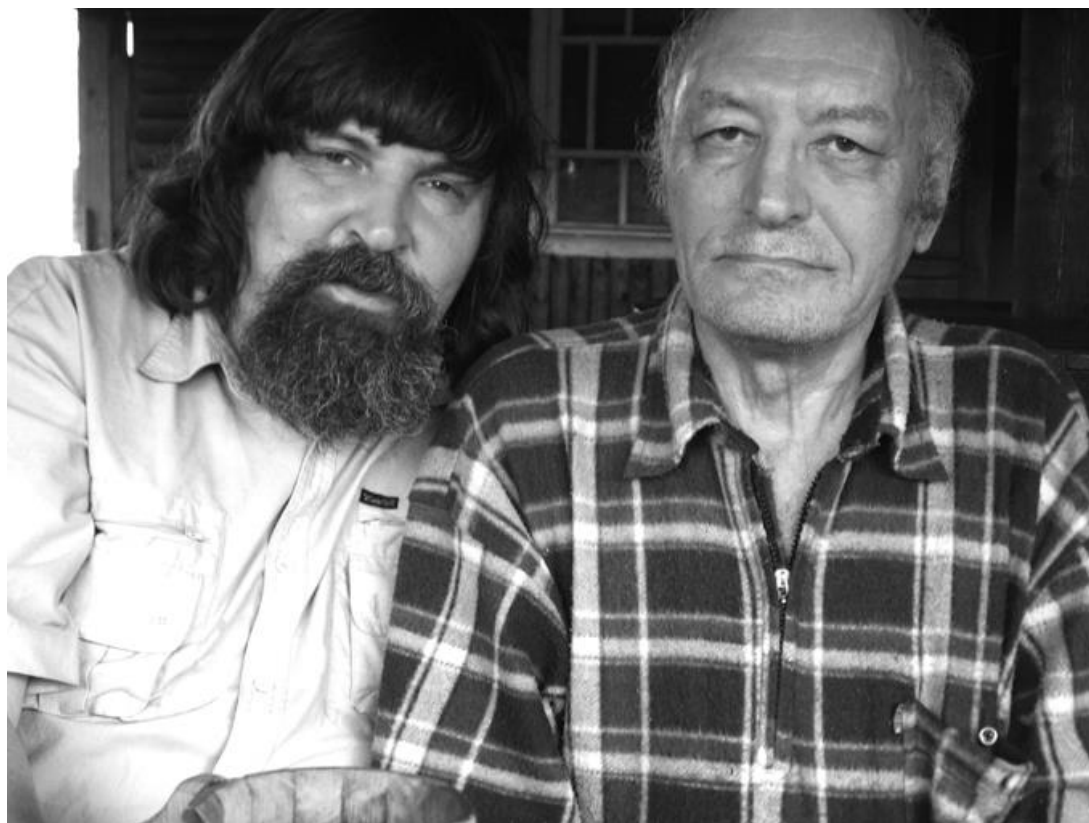
Света

Ладожанка Ольга Кузина, жена паромщика Коли Кузина.
Она, когда копала картошку на своем огороде на Земляном городище,
подняла несколько десятков средневековых бусин

Сергей Белецкий на Земляном городище

Из Москвы приехал поэт Вадим Черняк. 30 июля 2005. «Ладожское подворье».
Фото Алексея Иванова

ФРАГМЕНТ ВОЛШЕБНОЙ ПАЛОЧКИ

Фонды Староладожского музея-заповедника.
Фут ладожских волхвов.

Фрагмент деревянного фута: обрубок мерной линейки, градуированной дюймами.
Языческое капище на Варяжской улице, уничтоженное Добрыней ок. 990 г.
Раскопки Валерия Петренко. Атрибуция и фото А. Ч.

Обыкновенная палочка с аккуратно вырезанными делениями – древняя измерительная линейка. Эта мерка длиной 139 мм найдена археологом Валерием Петренко в слое конца X века на языческом капище на Варяжской улице, уничтоженном при крещении Ладоги около 991 года (Петренко 1985). Найдена, не интерпретирована. Линейка представляет собой часть мерной, овальной в сечении линейки (диаметр от 21 до 26 мм) с четырьмя тонко и аккуратно нанесенными резами, то есть тремя делениями (25,8; 25,8; 26,2 мм). Градуировка в 25,7 мм соответствует 1/12 древнегреческого «олимпийского» фута. Если в целой палочке было двенадцать делений, то величина шкалы была лишь на два с половиной миллиметра длиннее меры, по которой в середине V века до н. э. был построен Парфенон. Можно ли поверить, что на языческом святилище в Старой Ладоге до 991 года сидели волхвы, которые творили свои требы и жертвы, пользуясь античным греческим футом? Впрочем, договор Олега с Византией был подписан за восемьдесят лет до разгрома святилища Добрыней, и заморский фут был нужен волхвам, чтобы измерять

ценившиеся тогда на вес золота греческие ткани, импорт которых в Северную и Центральную Европу шел через Ладогу.

Исследователь средневековой архитектуры К. Н. Афанасьев, написавший монографию о греческом футе на Руси [1], ни разу в ней не упоминает о том, что он, как и английский, мог делиться на двенадцать дюймов. Вернувшись в Москву, я позвонил Афанасьеву: «Кирилл Николаевич, вы когда-нибудь слышали о древнегреческом олимпийском дюйме?» И в ответе девяностолетнего патриарха российской метрологии прозвучало удивление: «Нет, никогда».

Античный греческий фут, равный 0,30871 м, – это 1/100 короткой стороны плиты под Парфеноном Акрополя или, на что исследователи внимания не обратили, – 1/31 от высоты ствола его колонн (каждая по 9,570 м).

Число 31 здесь не случайность, это метрологический каламбур на тему пропорций Парфенона: $100 = 69 + 31$, а отношение 69 к 31 только в 1,005 раз меньше $\sqrt{5}$, на котором, как показал архитектор-реставратор И. Ш. Шевелев, и основаны пропорции Парфенона [2].

По античному футу, за полторы тысячи лет не изменившемуся, построены и первые древнерусские храмы. Впрочем, греческий фут, вероятно, еще древней, чем это полагают, ведь геометрически он – 1/12 диагонали квадрата, сторона которого равна пяти египетским царским локтям (0,5239 м). Это значит, что диагональ пирамиды Хеопса можно измерить без остатка в греческих футах. Греки, по всей видимости, и заимствовали у египтян фут как меру для проверки диагоналей, но превратили его в меру «прямую».

Семь древнегреческих футов точно равны одной так называемой большой древнерусской сажени (2,16 м). А потому русская поговорка «семь раз отмерь, один раз отрежь» – о греческом футе, ведь расчистив площадку будущего храма, архитектор должен был изготовить набор из девяти пропорциональных тростей [3]. Семь раз отложив поясок с эталоном греческого фута, он получал мерную линейку со шкалой в одну большую сажень. Остальные строились уже чисто геометрически.

Саженная система на Руси рухнула в одночасье, когда государь Алексей Михайлович одним росчерком пера ввел вместо большой сажени «казенную». Русский царь желал торговать с Англией и потому решил привязать систему русских мер к английской. Если раньше семь греческих футов составляли большую сажень, то теперь велено было семь раз отмерить английский фут. Английский фут – это тот же древнегреческий. Только на неполных четыре миллиметра короче. Так получили казенную сажень в 2,13 м, что на три сантиметра короче древнерусской большой

сажени. И когда новую сажень встроили в старинную систему, последняя рухнула, поскольку пропорцию указом не назначишь.

А потом и вовсе стали пользоваться французским нововведением – метром.

С падением саженной системы архитектура лишилась инструмента для пропорционального проектирования. Лишь в XX веке Ле Корбюзье, ничего не зная о сажнях, изобрел «модуль» – упрощенный и практически не работающий вариант саженной системы, основанный на одном только золотом сечении [4].

То, что длина английского фута была на неполных четыре миллиметра меньше греческого, на глаз совершенно незаметно. «Обмер» покупателя обеспечивал британским производителям шерстяной ткани выигрыш в один фут на семьдесят девять греческих.

Вот и старолadoжская мерная трость с греческим футом тоже не идентична античному эталону. Только фут, которым в конце X века пользовались русские волхвы, был не меньше, а больше греческого. Русский «обмер» – всего на 2,5 мм с фута! – был еще менее заметен, чем британский, а мера с тончайшими и аккуратными резами одним своим видом должна была внушать уважение не подозревавшему о подвохе даннику.

Волхвы измеряли не отпускаемую, а принимаемую ими ткань – драгоценные ортомы, япончицы, паволоки, аксамиты «и всякие узорочья» (список из «Слова о полку Игореве»), которые привозили купцы из Византии. Очевидно, что они не продавали «узорочья» (тогда их фут был бы тоже меньше греческого эталона) и не покупали их (товар измеряет продавец, а перемерять купленное меньшим футом – абсурд), но принимали дань от тех же купцов за зимовку их морских кораблей в устье Лadoжки или просто за право проследовать по Волхову.

В свою пользу они выгадывали один фут на ста двадцати пяти.

Варяжская улица – древнейшая в России. Она и в конце X века шла там, где идет сегодня – вдоль берега Волхова. Чем же занимались волхвы на порубленном Добрыней капищем? Ну, предсказывали судьбу. Это понятно. И работали таможенниками. А еще людей лечили.

Цитирую резюме к недавней публикации Татьяны Борисовны Сениченковой и Сергея Олеговича Урюпова:

В 1973 г. в Старой Лadoге в раскопе на Варяжской ул. были найдены фрагменты лепной керамики с темно-серым веществом внутри. Это вещество было исследовано в лаборатории Отдела научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа методами электронной микроскопии с зондовым элементным анализом (РСМА) и

газожидкостной хроматографии с масс-спектрометрическим детектированием (ГЖХ–МС). Проведенное исследование свидетельствует о том, что в состав представленного вещества входят: белый наружный слой березовой коры (береста), компоненты живого растения (растений), возможно – растительное масло, жир (или иные продукты) позвоночного животного, весьма вероятно – лососевых рыб. На основании проведенного исследования можно считать исследованное вещество лекарственным средством, скорее всего, наружного применения (мазью). Стратиграфический анализ позволил связать находку с языческим святилищем, разрушенным в 986–991 гг. В исландской Саге о Стурлауге Трудолюбивом есть эпизод: один из героев, будучи тяжело раненным, идет за врачебной помощью именно в Альдейгьюборг. Есть основания предполагать, что ладожское святилище, где не только отправляли культы, но и лечили недужных, было достаточно известно в эпоху викингов. В историческое время мелкотолченую бересту, смешанную со сливками, использовали для лечения ран и ожогов. В настоящее время широко рекламируется лекарство, приготовленное на основе коры березы, – бетулин. Его научное открытие (1788 г.) приписывается российскому химику Иоганну Тобиасу Ловицу. Находка в Ладоге древнего лекарственного средства как нельзя лучше подтверждает поговорку: «Новое – это хорошо забытое старое».

Любша. Костяной финский дротик VI–VII вв.

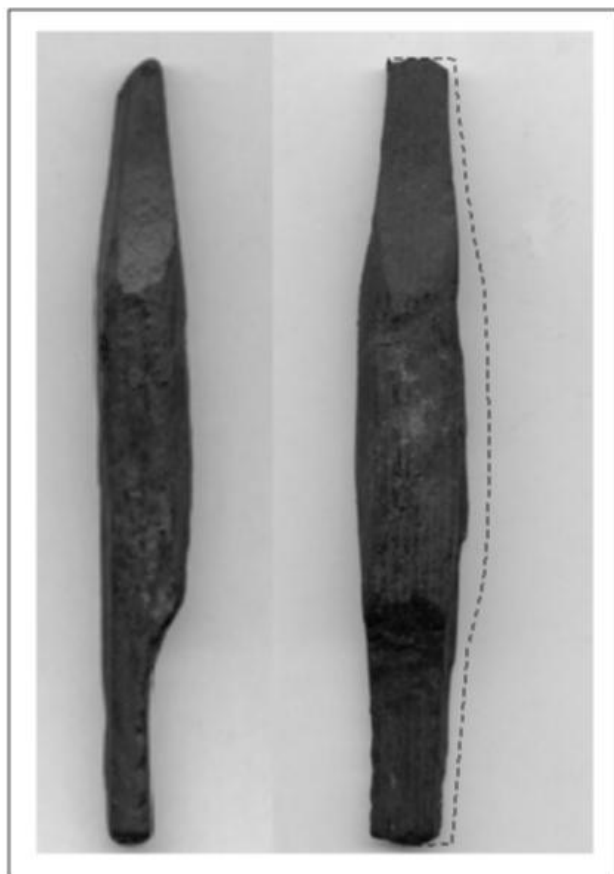
^[1] Афанасьев К. Н. Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими. М., 1961.

^[2] Шевелев. И. Ш. Принцип пропорции. М., 1986. С. 82–95.

^[3] Воинова И. Л., Чернов А. Ю. Система древнерусских сажений и два храма Старой Ладоги // Ладога и эпоха викингов. Четвертые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 1998. С. 111–121.

^[4] Ле Корбюзье. Модульор. М., 1976.

^[5] Сениченкова Т. Б., Урюпов С. О. Горшок знахаря из «большой постройки» Старой Ладоги (раскоп 1973 г. на Варяжской улице) // 8 Élite ou Égalité... Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв. / отв. ред. Н. И. Платонова. – СПб., 2017. С. 245.

Две проекции деревянного наконечника детской стрелы,
подобранного мною на отвале А. Н. Кирпичникова.
120 x 12 мм.

Пунктиром – реконструкция начальной формы.
На нижнем снимке на черешке видны продавы – следы перетяжки.
Фото Андрея Чернова

День археолога на Люше. 2000 г.

День археолога на Люше. 1998 г.
Фото Vica

Любша. Пружинные ножницы. VIII–IX вв.

Когда их увидел М. С. Горбачеву, который помогал собирать деньги на нашу экспедицию, он ахнул: «Я же в войну, в 42-м, такими овец стриг!»

ЗВОН ЛЮБШАНСКОЙ КАЗНЫ

Литейная форма из любшанской мастерской.
Находка 1999 г.

Отливки (серебро из тех самых дирхемов), фрагмент литейной формы, фрагмент тигля и височное кольцо из любшанской литейно-ювелирной мастерской. Фото Андрея Усова

Любша. Ювелирное производство VIII–IX вв.
Бронзовая матрица для изготовления наконечника ремня после расчистки и до.
Бронзовые матрицы для штампования накладок
Фото из альбома Е.А. Рябина и И.А. Коротенко «Русь изначальная». СПб., 2003. С.185

Захожу раз в Георгиевский собор, здороваюсь с реставратором Сергеем Лалазаровым и вижу, что в нише западной стены стоит большой (ведерный, литров на восемь) глиняный горшок. Машинально постучал по нему пальцем, а горшок-то влажный... То есть из земли, а не из фондов.

– Что это? – спрашиваю.

– Да пол вскрыли, а он прямо под плитой.

– Где?

– Между столбами, вплотную к юго-западному. Это, видимо, та самая церковная казна, ради которой шведы в XVII в. весь купол раскурочили. А она не сверху была, а снизу.

– И что?

– Одна серебряная чешуйка. Просто прилипла к донцу.

Поскольку казна была пуста, а горшок на месте, значит, взяли свои. В противном случае тара тоже была бы извлечена.

Горшок, кстати, с трещиной. Бережливые ладожане использовали в качестве заповедного ларца не простую посудину, но такую, что ни в печь, ни на стол не поставишь. Это трещина определила судьбу горшка и сделала его бессмертным. Потому что все большие горшки XVII столетия давно перебиты.

Большинство древнерусских кладов в Ладоге найдены еще в XIX веке по обе стороны дороги, ведущей от крепости в Княщину. Это княжеское (если судить по имени) село, находящееся на берегу речки Заклюки в полутора километрах от Земляного городища. В 1999 г. мы с Константином Смольниковым эту дорогу прошли с металлодетектором. Стерильность была стопроцентной.

В Ладоге арабские дирхемы VIII–X вв. до сих пор вымывает Волхов. Антон Дубашинский однажды умудрился обнаружить четвертинку дирхема на волховском берегу даже зимой: запалили костер, снег подтаял – она явилась.

Но на Любше за пять лет нам не попало ни одного дирхема. Правда, мы обнаружили две дюжины слитков. Думали, – оловянистые сплавы. Но анализ показал, что почти все слитки – серебряные, из низкопробного серебра.

...Записываю в ночь на 26 ноября 2005 г. Только что позвонил все тот же Антон и хитренько так говорит:

– Дай я тебе один текст прочитаю...

Что бывает, когда у Антона такой голос, я знаю. А потому немедленно просыпаюсь. С первых же фраз понимаю, что знаю эту историю: она изложена в

«Старом Петербурге» Михаила Ивановича Пыляева (1888 г.). Только я когда-то не обратил внимание на одну странность этого рассказа и прошел мимо одного из самых замечательных ладожских сюжетов.

Пыляев, повествуя о самых знаменитых петербургских находках арабского серебра, пишет: «В 1809 г. на берегу Ладожского озера рыбак открыл в земле целую бочку серебряных куфических монет весом в несколько пудов». И приводит цитату «из газет» (по публикации, видимо, середины XIX в.):

«Крестьянин г-жи Бестужевой в 12-ти верстах от устьев (так! – А. Ч.) Волхова увидел однажды, что дерево, к которому он привязывал свой челнок, вырвано бурей; желая прикрепить челн к корням дерева, он заметил, что земля под ним подмыта и унесена волнами; вглядываясь, он поражен был изумлением, увидев вдруг множество серебряных монет; при осмотре он увидел, что здесь была закопана бочка денег и дерево посажено над нею как знак для отыскания. Дважды должен был крестьянин возвращаться на своей ладье для перевозки клада в деревню. Скоро о находке проведала земская полиция и помещица. Крестьянин должен был часть возвратить и отдал семь пудов серебра, оставив, вероятно, при себе бóльшее количество, потому что через несколько лет выкупился сам и, выкупив семью, переехал в Тихвин, купил там дом и завел торговлю. Клад этот, к сожалению, перешел в плавильные горшки».

Итак, самая грандиозная из всех известных находок такого рода была сделана летом того самого года, когда действительный статский советник Константин Бороздин по приказу Александра I делал зарисовки Старой Ладого и докладывал императору, что Ладога – «первая столица Рюрика». И серебра было столько, что вывозить пришлось в три захода («дважды возвращался»).

Указание на то, что крестьянин перебрался в Тихвин заслуживает доверия: этот город со средневековья славился *серебряниками* – серебряных дел мастерами. Им-то, конечно, хитрый смерд и сбыл любшанские сокровища. И у них же (что весьма разумно) прикупил дом.

Моя ошибка была вот в чем: я поверил Пыляеву, что клад найден на берегу Ладожского озера в двенадцати верстах «от устьев Волхова» (неясно только на запад или на восток по ладожскому берегу). Конечно, именно на таком расстоянии от озера находятся Любша (если идти по реке) и город Ладога (если по прямой), но я счел это простым совпадением. А поскольку сомневаться в корректности натурной привязки знаменитого краеведа причин не было, убедил себя, что это одна из

кладоискательских баек, вроде легенды о золотом гробе Рюрика, который у нас ищут столь же упорно, как в средней полосе России золотую карету Наполеона.

А Антон сразу увидел детскую ошибку – и Пыляева, и мою: в начале XIX столетия Бестужевы владели именно Любшей (Потом она перешла к Шаховским.). Значит, в газете было сообщено о кладе куфических монет, найденном на Ладоге в двенадцати верстах от устья Волхова, и краевед решил, что имеется в виду берег озера. И превратил любшанского крестьянина в ладожского рыбака.

Семь пудов – цифра, конечно, мифологическая. Поделим молву на четыре: все равно это неправдоподобно много для индивидуального клада. Впрочем, три пуда мужик увез бы в лодке за раз. Да и «бочка» тут не сама бочка, а мера объема. И дерево, посаженное для запоминания места, – это, конечно, фантазия (в противном случае речь должна идти о тысячелетнем дубе).

Однако попытаемся локализовать место. Где именно был обнаружен клад? У самой воды, там, где крестьянин оставлял челнок. Но правый берег Волхова неудобен для того, чтобы надолго «парковаться»: излучина реки, ветер, сильное течение. Другое дело – устье Любши, откуда тропка ведет мимо городища прямо к барскому имению. Крестьянин приплывал на лодке к своей барыне, конечно, из Велеши: эта деревня на левом берегу, а господское имение на правом.

Клад кладу рознь. Есть такие, которые жертвовали богам (так мы кидаем в море или фонтан монетку, «чтобы вернуться»). А есть те, что спрятаны до лучших времен. И не были востребованы потому, что времена эти наступали уже после смерти хозяев.

Любшанский клад следует отнести ко второй категории, и, следовательно, те, кто его закапывал, ненадолго пережили ночь тех серебряных похорон. Это была и казна, и сырье для найденных нами слитков: оборотистые любшанцы переплавляли дирхемы, добавляя в них для веса олово. И уже из сплава делали украшения, каменные формы для которых мы тоже здесь нашли.

Лишь одно *из известных нам событий* претендует на то, чтобы стать ключом к этому сюжету: вероятно, клад был зарыт, когда к крепости в конце 830-х (если судить по ладожскому пожарищу, а не по датам Нестора) подошли находники. Те, что то ли на пару лет, то ли на два десятилетия оккупировали Приладожье. И если казна была спрятана не в крепости, а на берегу, значит, защитники предполагали, что не выдержат штурма.

Видимо, вражеский флот был замечен еще на подходе к устью Волхова. Любшанцы успели прикопать казну и приняли бой. И все погибли.

А потом, когда викингов гнали за море, крепость отбили, взяв ее не с напольной стороны, а прямо с реки. (О чем и говорят оставшиеся у волховской стены разнокалиберные, нескандинавского вида и качества стрелы.) Но это сделали уже другие люди. Забирать клад и отстраивать Любшу было некому.

Таково самое вероятное, на мой взгляд, объяснение.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по археологическому исследованию Любшанского городища

...В результате обнаружено наиболее раннее на северо-западе Руси укрепленное поселение. Сооружение представляло собой глиняный вал высотой более трех метров, укрепленный двумя подпорными стенками. Верхняя часть одной из них возвышалась над поверхностью вала, образуя каменное обрамление гребня насыпи. Выше были устроены деревянные городни (клетки).

Общая высота оборонительного сооружения достигала семи метров.

Любшанская крепость по столь раннему времени возникновения и по технологическим особенностям не имеет аналогов в Восточной и Северной Европе.

Поселение в устье Любши закончило свое существование в конце IX в. (по данным радиоуглеродного анализа и характеру обработки керамики – до 870 г.).

При исследовании культурного слоя выявлено два периода жизни памятника, соответствующих двум периодам его укреплений. Многочисленные находки (около 200 предметов) позволяют высказать предположение об этнической принадлежности обитателей Любшанского городища. Более чем вероятно, что это не были местные финны или балты. Не были это и скандинавы. Есть основания полагать, что памятник оставлен первой волной славянских переселенцев, продвинувшихся в догосударственный период Древней Руси на север Восточной Европы. Ближайшие аналоги Любшанской крепости находятся в Центральной Европе в ареале расселения западных славян – от Дуная до Польского Поморья.

*Е. А. Рябинин
1998*

Подробнее о Любше:

Чернов 1998; Рябинин, Дубашинский 2002; Рябинин 2003; Миляев 2015; Миляев 2017; Миляев 2018

Стрелка мысового городища. Ладожка, а за стрелкой Волхов. Фото А. Ч.

* * *

Е. А. Р.

Двенадцати веков вороньи ризы,
Черты и резы Ноевых колен.
Норманны, фряги, русы, финны, фризы,
Базар хазар на торжищах словен, –

Се Вавилон отеческих глаголов,
До всяких там из тартара монголов
Находник свей, негодник печенег.
Студёный пепел – воспалённый снег.

Вот, собственно, где выпало родиться
И выпадет – как пить дать! – почвой лечь,
Перемешав золу, и кровь, и речь
Полой кургана, как плащом укрыться,

Зелёным, рыхлым, волховским плащом.
И Гоголя шинель тут ни при чём.

Любша. Отвал. Фото Андрея Усова

Любшин омут, а за Волховом – Велеша.
В устье Любши.
Фото Андрея Усова

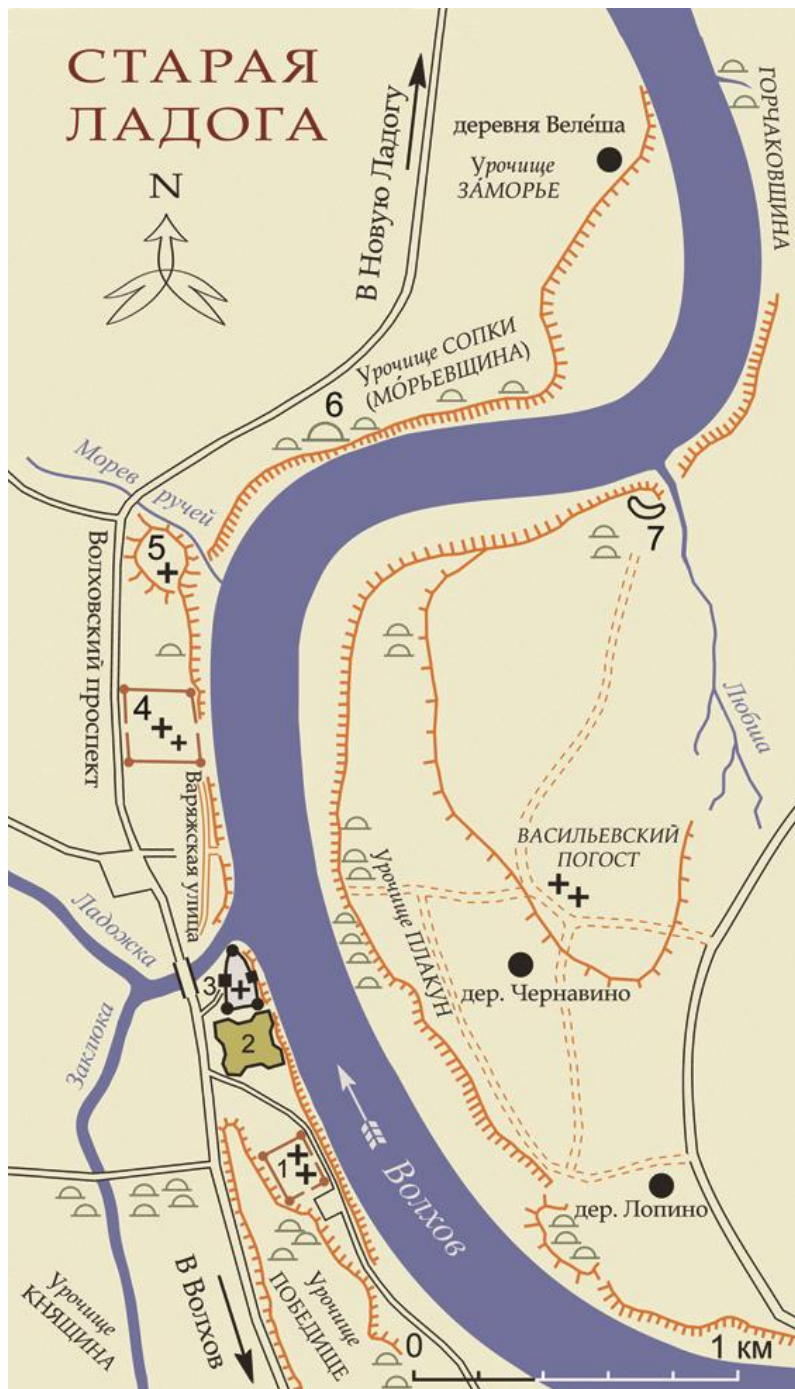
Любшанская крепость. Фрагмент кольчуги VIII–IX вв.
Фото из альбома Е.А. Рябинина и И.А. Коротенко «Русь изначальная». СПб., 2003. С.218

Рябинин копал на средства, которые мы собрали в пущенную по кругу шапку. Сначала мой сын, тогда еще школьник, сделал первый взнос – деньги, отложенные на поездку в Париж. Сашка, не выезжавший дальше Таллина, к тому времени уже два полевых сезона копал в Ладоге и объявил, что Ладога стоит Парижа. Потом скидывались журналисты «Новой газеты» и «Огонька». Кряхтя и посмеиваясь, извлекли известного назначения записку писатели Юрий Карякин и Юрий Давыдов, публицисты Дмитрий Муратов, Юрий Щекочихин, Игорь Бедеров и Георгий Рожнов... Свою лепту внесли Сагадат Хабиров (банкир), промышленники Эримей Черекчиди и Сергей Цыбуков, Татьяна Толстая, майор Вячеслав Измайлов и капитан парвого ранга Борис Азиков, священник Владимир Вигилянский, Татьяна Капчинская (туристическая фирма «Ладога»), предприниматели Сергей Цыбуков, Вадим Капранчик (и его друзья), Анатолий Гуськов сотоварищи, Артемий Лебедев, Александр Шошин, телепродюсер Светлана Попова, режиссеры Григорий Гурвич и Андрей Столяров, художники Дмитрий Крымов и Илья Климов, филологи Мария Шишлина и Сергей Шелов, инженер Игорь Кортаев, строитель Татьяна Зеленская, домохозяйка Валентина Карташова, студент Михаил Силкин, просто Стас Намин, просто Михаил Горбачев.

И, конечно, поэты – Олег Хлебников, Олеся Николаева, Елена Дьякова, Михаил Поздняев, Евгений Бунимович, барды – Андрей Анпилов, Анатолий Головков.

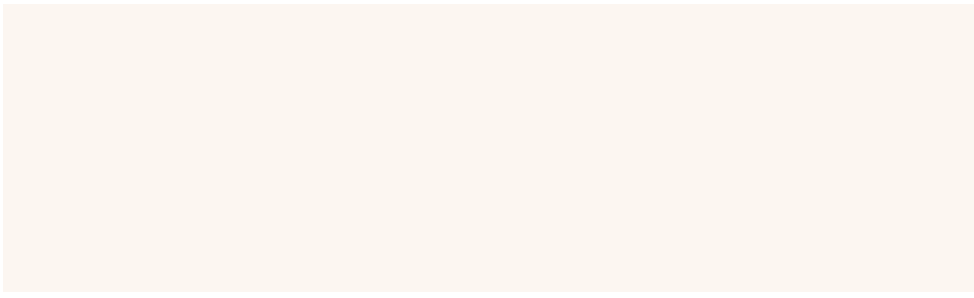
Перечислить здесь всех я все равно не смогу и потому прошу за это прощение.

А деньги на радиоуглеродный анализ дал редактор «Огонька» Володя Чернов. Дважды при мне бегал в пустую кассу бухгалтерии, а после вздохнул и полез в карман пиджака... Спасибо всем! А еще – Староладожскому музею-заповеднику и его директору Людмиле Александровне Губчевской, которая нас приютила и терпела целых пять сезонов.

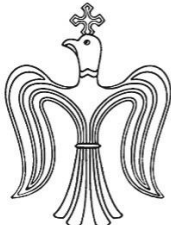

Рисовал А. Ч.

- 1 – Никольский монастырь XII–XX веков
- 2 – Земляное городище Старой Ладоги
- 3 – Ладожская крепость и Георгиевская церковь XII века
- 4 – Успенский монастырь XII–XX веков и церковь Успения Богородицы XII века
- 5 – Церковь Рождества Иоанна Предтечи (XVII век) на Малышевой горе
- 6 – Олегова могила в Морьевщине (урочище Сопки)
- 7 – Любшанская крепость VII–IX веков

СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА В IX–XI вв.

По карте Николая Беляева (1929 г.) перерисовывал и добавлял в 2012–2021 гг. Андрей Чернов.
Слева сверху моя реконструкция сокола Рюриковичей
(на основании ладожской литейной формочки X в. и псевдодирхема княгини Ольги).

*В работе над картой приняли участие Александр Бобров, Леонтий Войтович,
Наталья Ефимова, Андрей Лукошков, Сергей Николаев.*

ЛЮБША И ЛАДОГА

хронология по раскопкам и материалам раскопок Е. А. Рябинина 1973–2001 гг.

Составил А. Ю. Чернов

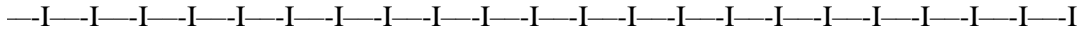
ЛЮБША. РАДИОУГЛЕРОДНЫЕ ДАТЫ 1998 г.

Химический анализ и калибровка результатов выполнены Г. И. Зайцевой в лаборатории ¹⁴С ИИМК РАН

Полужирным прямым шрифтом выделены наиболее вероятные калиброванные интервалы

ПЕРВЫЙ ЭТАП

60 680 700 720 740 760 780 800 820 840 860 880 г. н. э.

№ 5485 – низ кострища

62 ————— **706** 748–760 гг.

№ 5484 – верх кострища

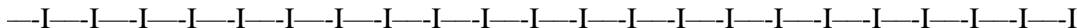
08 ————— **748** 762 ————— 824 836 ————— **870** гг.

№ 5487 – деревья обвалованного острога

662 ————— **728** 732 ————— **772** гг.

ВТОРОЙ ЭТАП

60 680 700 720 740 760 780 800 820 840 860 880 г. н. э.

№ 5483 – деревья с валов каменно-земляной крепости

16 — **742** **774** ————— **822** или **838** ————— **868** гг.

№ 5489 – деревья у основания валов

22–**734** **772** ————— **822** или **836** ————— **870** гг.

В слое проб 5485 и 5484 (низ и верх кострища) отсутствует керамика ладожского типа. Два ранних интервала проб 5485 и 5484 естественно сливаются в один (662–748 гг.), поэтому более поздние интервалы этих проб могут быть выбракованы. Материал пробы 5487 подтверждает правомочность такой выбраковки. Пробы 5483 и 5489 дают два равновероятных интервала (второй и третий), но, если судить по типам наконечников стрел, крепость в последний раз брали не скандинавы, а местное ополчение. Значит, более вероятен третий, позднейший интервал порубки деревьев для конструкций над каменно-земляными валами (после изгнания варягов около 860 г.). Тогда выходит, что Любшанская крепость окончательно гибнет в период смуты (до середины 860-х), или в 870-х во время легендарного восстания Вадима Новгородского.

ПЕРЫЙ ЭТАП (ФИНСКИЙ)

684 г. (± 22) – порубка деревьев низа кострища
695 г. (± 33) – порубка деревьев для обвалованного острога
728 г. (± 20) – порубка деревьев верха кострища.

Первый этап – от сооружения обвалованного острога и кострища рыбоедов во второй половине VII – первой половине VIII в. до 748 г. (верхняя дата кострища), когда кострище перестало существовать, а острог был сожжен словенами.

II ЭТАП (СЛОВЕНСКИЙ)

797 г. (± 25) или 853 г. (± 17) – порубка деревьев, найденных у основания валов
798 г. (± 24) или 853 г. (± 15) – порубка деревьев для конструкций над каменной стеной

Второй этап – от строительства каменно-земляной крепости в середине VIII в. до ее окончательной гибели, произошедшей в интервале 772–870 г.

ЛЮБША. РАДИОУГЛЕРОДНЫЕ ДАТЫ 1999 г.

№ 1. Проба 5659. Раскоп 2, участок 1, кв. 19 – 21.

Угли из-под каменной вымостки в районе горелого слоя первоначального вала.

325 г. н. э. (± 77 лет)

2. Проба 5661. Раскоп 2, участок 2. Угли из прирезки в сторону Волхова у основания земляного вала.

Предматерик. Низ первоначальных деревянных конструкций

525 г. н. э. (± 73 года)

3. Проба 5658. Раскоп 2, участок 1, кв. 19 – 21. Угли из перемешанного супесного слоя.

599 г. н. э. (± 55 лет)

4. Проба 5660. Раскоп 2, участок 1, кв. 10 – 12. Углистый слой на предматерике.

614 г. н. э. (± 60 лет)

5. Проба 5657. Раскоп 2, участок 1, кв. 19 – 21. Угли из нижнего углистого слоя.

681 г. н. э. (± 77 лет)

6. Проба 5662. Раскоп 2, участок 3 (между раскопами 1 и 2).

Угли под основанием каменной кладки (поверх гумусированной супеси, которая перекрывает материк).

695 г. н. э. (± 71 год)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ:

– По материалам полевого сезона 1999 г. Любшанское поселение постарело: местные финские племена обжили эту горку еще III–IV вв. (см. № 1).

– До окончательного своего разрушения в середине VIII в. и постройки каменно-земляной крепости острог как минимум три или четыре раза горел.

(См. № 1, № 2, №№ 5 и 6, а также, возможно, №№ 3 и 4.)

– Кострище, обнаруженное в 1998 г., было во второй половине VII века перенесено на новое место.

Первоначальный острог с обваловкой относится к более раннему времени.

Кострище, современное начальному острогу, нами не обнаружено.

– Пробы 5657 и 5662 (см. № 5 и № 6) дают даты 681 г. (± 77 лет) и 695 г. (± 71 год), что идентично данным пробы 5487, имеющей дату 695 (± 33 года) и пробы 5485, имеющей дату 684 (± 22 года).

Таким образом, результаты исследования 1998 г. оказались подтверждены результатами 1999 г.

Разрыв в датировках конца первого и начала второго этапов существования Любшанского поселения говорит о том, что деревянные укрепления крепости обновлялись, а вал перестраивался.

Поскольку на Любше не найдено ни одной глазчатой бусины ладожского типа и ни одного экземпляра рубленого бисера, нельзя исключить, что Любшанская крепость закончила свое существование не около 860 года, как полагал Рябинин, а до 780 г., то есть была брошена, когда скандинавская Альдейгья стала славянской Ладогой. Но кто же тогда и при каких обстоятельствах зарыл у устья Любши серебряную казну?.. Полагаю, что ответить на этот вопрос должны археологи будущих времен, сегодня, может статься, еще и неродившиеся.

Они, как был уверен Д. С. Лихачев, станут копать лучше нас.

ЛЮБША И ЛАДОГА

Хронология по материалам раскопок Е. А. Рябина 1973–2001 гг.

Составил А. Ю. Чернов

Любша	Ладога
<p>I. На Любшанском Мысовом городище из-за большой высоты площадки (около 21 м по Балтийской шкале при высоте Волхова 4,5 м) неолит не прослеживается, но представлена эпоха раннего железного века (ямчатая, штрихованная и асбестовая керамика).</p>	<p>I. Неолитическая стоянка на Мысовом городище (территория Старой Ладоги) под слоем голубой глины на высоте 9 м по Балтийской шкале. (Раскопки Н. К. Стеценко. 1979 г.)</p>
<p>II. III или IV вв. В эпоху раннего железа стоянка (или капище) финно-угорских рыбаков (50 % рыбных останков – осетровые). Любшанский мыс – последняя возвышенность устья Волхова. В слое посоховидные булавки и серповидные ножи римско-скифского времени.</p>	<p>II. В Старой Ладоге нет раннего железа. Эта территория затоплена при подъеме Карельского щита и повышении уровня озера Нево (до 18 м). До VIII в. уровень Ильменя также выше современного (более 20 м). Поозерье лежит под водой (отсутствуют так называемые длинные курганы).</p>
<p>III. Конец VII или начало VIII вв. Острог с обваловкой. Частичная перепланировка стоянки рыбаков: кострище перенесено на новое место. В слое костяные дротики, рыбацкие крючки. Балто-Камский торговый путь. В слое пряжка и наконечник прикамского пояса.</p>	<p>III. По данным гидрологии Нева потекла, размыв Ивановские высоты, около 2500 лет назад. По материалам Е. А. Рябина Земляное городище подсыхает только к середине VIII в. Но сельскохозяйственная округа освоена кривичами уже в VI или VII вв.</p>
<p>IV. Конец VII – до 750 г. Приход на Любшу словен с берегов Южной Балтики. Финский острог сожжен. Ритуальная запашка площадки и строительство каменно-земляной крепости с двумя подпорными стенами. (Аналоги в Подунавье.) Кострище перекрыто тонким слоем песка.</p>	<p>IV. 753 г. – начало Ладоги (Альдейгы). На Земляном городище работает кузнечно-ювелирная мастерская вендельцев, выходцев с Готланда, как полагал Е. А. Рябинин. Деревянные мостки возле мастерской уложены на торфяной слой. Ниже торфа – горизонт голубой глины.</p>
<p>V. Словене контролируют устье Волхова. Заселяя Южное Приладожье, они захватывают Ладогу, делают ее центром своей экспансии и идут вверх по Волхову к плодородным землям Ильменского Поозерья. Любша – их северный форпост.</p>	<p>V. Ок. 756 г. Гибель вендельской мастерской в пожаре. Рядом с мастерской клад из двух дюжин кузнечно-ювелирных и слесарных инструментов, фигурка Одина, два кресала – скандинавское и славянское. Конец вендельской Ладоги.</p>
<p>VI. Вторая половина VIII в. Железоделательное, кузнечное и ювелирное производство. В слое серебряное серповидное височное кольцо (аналоги на Дунае) и ажурная (серебро, скань) подвеска (по типу великоморавских), заготовки ладейных заклепок и трапецевидных подвесок, ювелирный пинцет, волочишня, литейные формы и слитки серебра, янтарная «кобылка» (подставка под струны) от европейской лиры. Бусы голубого и фиолетового стекла. Отсутствуют бусы ладожской стеклодельни (глазчатые и бисер). Любшанцы не участвуют в ладожском тройном товарообмене.</p>	<p>VI. С 770-х – до второй половины 830-х. Стеклодельня ладожан на Земляном городище, работающая на привозном сырье (по арабской технологии). Глазчатые бусы – платежный эквивалент (<i>ладожские деньги</i>). Можно предположить, что мастерская работает в режиме эмиссионного банка. Тройной товарообмен: ладожане покупают у арабов золу солончаковых растений и делают бусы, бусы меняют у финских охотников на меха, а меха продают арабским купцам за дирхемы. Балто-Каспийский торговый путь. Серебром расплачиваются за каролингские мечи и другие заморские товары.</p>
<p>VII. Любшанская крепость взята варягами. На валу с напольной стороны в линзе золы (зачистка</p>	<p>VII. Ок. 840 г. Варяжская оккупация Приладожья (859 г. по Нестору). Стеклодельня</p>

<p>траншеи В.П.Петренко, копавшего Любшу в начале 1970-х) скандинавская стальная бронебойная стрела (для пробивания кольчуги). Стрелу обнаружил при помощи металлодетектора Константин Смольников. Однако выпущена она еще до перестройки вала и может свидетельствовать о взятии крепости в последней трети VIII века. Иных следов находников на Любше мы не обнаружили. Еще две шиловидных стрелы найдены в жилом слое, но они могут быть стрелами любшанских ратников.</p>	<p>ладожан гибнет в пожаре. В 839 г. находники-свеоны, назвавшиеся «послами народа рос», пришли из Руси через Константинополь и были арестованы в Ингельхейме Людовиком Благочестивым (Бертинские анналы).</p>
<p>VIII. 840-е или 850-е. Крепость отстроена после изгнания варягов. Новый ее штурм (ок. 865 г.?). Два десятка стрел местных типов с внешней стороны вала вдоль Волхова могут относиться как изгнанию находников, так и периоду смуты.</p>	<p>VIII. Ок. 865 г. Период смуты после изгнания варягов. Пожар на Земляном городище. (Место будет пустовать до закладки тут в 894 г. княжеских палат.)</p>
<p>IX. Уровень Ладоги продолжает понижаться. Озеро отступает к северу. Обустроить гавань в устье обмелевшей Любши и наблюдать за акваторией устья Волхова уже невозможно. Любшанская крепость постепенно утрачивает стратегическое значение. Она заменяется цепочкой живого телеграфа – пунктами наблюдения на вершинах сопок. Крепость не восстанавливают ни Рюрик, ни Олег. В жилом слое отсутствует гончарная керамика, появившаяся в Поволховье, как это установил Евгений Рябинин, ок. 930 г. И это при том, что токарный станок знали и использовали. Я спросил Рябинина, почему тут пренебрегали гончарным кругом, и он ответил: «Еду для человека надо готовить руками, душу в нее вкладывать. Ну и посуда должна пальчиками лепиться». Кстати, именно так А. М. Панченко объяснял мне, почему на Руси так долго не заводили книгопечатания: невозможно было ответить на вопрос: «А кто эту книгу написал?»»</p>	<p>IX. летописные свидетельства о призвании Рюрика (в 862 г. по Нестору, но 867 г. по сумме других данных) и строительстве Ладожской крепости (на Мысовом городище для защиты гавани в устье Ладожки). Ладога на рубеже 860-х и 870-х. – первая столица Рюрика. Начало Древнерусского государства. Через два года Рюрик идет к Ильменю и закладывает новый город – Новгород (на Рюриковом Городище).</p>

Я спросил Рябинина, почему на Волхове пренебрегали гончарным кругом, и он ответил: «Еду для человека надо готовить руками, душу в нее вкладывать. Ну и посуда должна пальчиками лепиться».

Кстати, именно так А. М. Панченко объяснял мне, почему на Руси так долго не заводили книгопечатания: невозможно было ответить на вопрос: «А кто эту книгу написал?»

К горшечной теме добавлю и свое соображение: когда хозяйство было натуральным, посуду лепили женщины, но появляется рынок, и вместе с ним мастера-горшечники.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

П о л о н и й (в сторону) ...Милорд, что вы читаете?
Г а м л е т Слова, одни слова.
П о л о н и й Да нет же, принц, я – о содержании...
Г а м л е т Содержании где?
П о л о н и й О содержании вашей книги.
Г а м л е т За клевету она заслуживает строгого содержания.

В «жилом слое» на Любше отсутствует гончарная керамика. Здесь, в Поволховье, как установил Евгений Рябинин, гончарный круг заводят ок. 930 г. При Вещем Олеге горшки тут лепили руками. Но токарный станок знали и использовали: на нем точили дерево и кость.

Я спросил Рябинина, почему пренебрегали гончарным кругом, и он ответил:

– Еду для человека надо готовить руками, душу в нее вкладывать. Ну и посуда должна пальчиками лепиться».

В конце 80-х А. М. Панченко так объяснял мне, почему на Руси долго не заводили книгопечатания: невозможно было ответить на вопрос: «А кто эту книгу написал?» К горшечной теме добавлю и свое соображение: когда хозяйство было натуральным, посуду лепили женщины. Но появляется рынок, а вместе с ним мастера-горшечники. Новгородская летопись рассказывает про некоего питьбянина, жившего на Волхове в устье речки Питьбы. Он хотел на лодке везти горшки на продажу в город и увидел низвергнутого Перуна, которого волной прибило к берегу. Мастер ударил Перуна веслом и оттолкнул на стремнину со словами: «Довольно ты, Перунице, поел-попил, плыви теперь прочь».

Соглашусь с датским принцем: моя книжка заслуживает самого строго содержания. Стремясь удержаться в естественно-научной парадигме, понимаю, что порой все же переходил порог своей компетенции, позволял себе сильные утверждения и забывал повторять две заповеданные моими учителями формулы: «как мне представляется» и «по моему мнению». А потому должен попросить у читателя прощения за то, что так, а не иначе сложилась эта реконструкция, этот мой историко-филологический, а отчасти и версификационный ладожский пасьянс.

Моя вербальная поисковая экспедиция в Ладугу длилась четверть века, и моими ладожскими Вергилиями долгие годы были археологи Евгений Рябинин, Глеб Лебедев и Дмитрий Мачинский. А думать и писать я старался так, чтобы не краснеть перед теми, с кем дружил и у кого учился. Мой поклон в сторону того читателя, который дошел до этой страницы. И, наверное, уже не мое дело, убедил ли я его в своих выводах. Готов выслушать любые возражения и с благодарностью принять конструктивные замечания.

А. Ч.

ИССЛЕДОВАНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ РЁРИКУ

Hollmann H. F. Rustringen, die ursprüngliche Heimat des ersten Ruccischen Grossfürsten Rurik und seiner Brüder /Рустринген, первоначальная родина первого русского великого князя Рюрика и его братьев/. Bremen, 1816.

Голлманн Г. Ф. Рустрингия, первоначальное отечество первого российского великого князя Рюрика и братьев его: Исторический опыт. М., 1819.

Крузе Ф. О происхождении Рюрика // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1836. Январь. С.43–73; *он же.* О первом вторжении южных ютландцев в Россию. Там же. Июнь С. 513–517.

Беляев Н. Т. Рорик Ютландский и Рюрик Начальной Летописи» (Seminarium Kondakovianum. Recueil d'études. Archéologie. Histoire de l'art. Études Byzantines. III. – Prague: "Seminarium Kondakovianum", 1929 / Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н. П. Кондакова. III. – Прага: "Seminarium Kondakovianum". 1929. С. 251.

Ловмянский Х. Рорик Фрисландский и Рюрик «Новгородский» // Скандинавский сборник. Вып. 7. Таллин, 1963. С. 224–229.

Coupland S. From poachers to gamekeepers: Scandinavian warlords and Carolingian kings // Early Medieval Europe. 1998. March. Vol. 7. Iss. 1.

Яманов В. Е. Рёрик Ютландский и летописный Рюрик. // Вопросы истории. № 4. 2002.

Клейн Л. С. Антинорманизм как диагноз. // ПОЛИТ. РУ. 3 декабря 2010

Пчелов Е. В. Рюрик. М., 2010.

Войтович Л. В. Рюрик и происхождение династии Рюриковичей: новые дополнения к старым спорам. //Ладога и Ладожская земля в эпоху Средневековья: [сборник статей. Отв. ред.: А.Н. Кирпичников]. Вып. 5: Материалы международной конференции «Город Ладога и Северная Русь в первые века русской истории», Старая Ладога, 13 июня 2015 г. Санкт-Петербург. С. 148–183.

Губарев О. Л. К вопросу об идентичности Рюрика и Рорика Фрисландского. / Valla. № 2(4–5), 2016.

Губарев О. Л. Рюрик Скьельдунг. СПб., 2019.

ИССЛЕДОВАНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ СТАРОЙ ЛАДОГЕ

Бранденбург Н. Е. Старая Ладога. Тип. Главного Управления Уделов. СПб., 1896.

Сениченкова Т. Б. Керамика Ладоги VIII-X вв. как источник для реконструкции культурных процессов на Северо-Западе Руси, 1998

Джаксон Т. Н. Четыре норвежских конунга на Руси: Из истории русско-норвежских политических отношений последней трети X – первой половины XI вв. М.: Языки русской культуры, 2000.

Церковь Св. Георгия в Старой Ладоге: История, архитектура, фрески // Монографическое исследование памятника XII в. / Автор-составитель В. Д. Сарабьянов. М., 2002. С. 288.

Рябинин Е. А. У истоков Северной Руси. Новые открытия. СПб., 2003

Мачинский Д. А. Ладога – древнейшая столица Руси и ее «ворота в Европу» // Старая Ладога – древняя столица Руси. СПб., 2003.

Чернов А. Ю. Хроники изначного времени. «Слово о полку Игореве»: Текст и его окрестности. СПб., 2006.

Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д. Старая Ладога: Древняя столица Руси. СПб., 2010.

Мильчик М. И. Старая Ладога. Очерк градостроительной истории. Графические реконструкции и документы. СПб., 2014.

Васильев Б. Г. Монументальная живопись Старой Ладоги XII века. СПб., 2014.

Васильев Б. Г. Церкви Святых Георгия и Дмитрия Солунского в Старой Ладоге. СПб., 2015.

Е. Н. Носов, Н. И. Платонова, С. В. Белецкий, А. Н. Кирпичников, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, П. А. Милев, С. Л. Санкина. Новое в археологии Старой Ладоги: материалы и исследования / Труды ИИМК РАН. Т. LIII – СПб., 2018.

БУСЫ СТАРОЙ ЛАДОГИ

Львова З. А. Стекланные бусы Старой Ладоги // Miedzynarodowy Kongres Archeologii Slowianskiej Warszawa 14–18/IX. 1965. Vol. V Sekzja IV. Poczatki wsi i miast Slowianskich wo Wczesnem srednio – wieczu. Wroclaw–Warszawa–Krakow, 1965.

Львова З. А. Стекланные бусы Старой Ладоги. Часть I. Способы изготовления, ареал, время распространения // Археологический Сборник. Вып. 10. Л., 1968.

Львова З. А., Наумов Д. В. К вопросу о происхождении стекланных бус VIII–X вв. Старой Ладоги // Slavia Antiqua XVII, Warszawa, 1970.

Львова З. А. Стекланные бусы Старой Ладоги. Часть II. Происхождение бус // Археологический Сборник Вып. 12. Л., 1970.

Львова З. А. Технологическая классификация изделий из стекла (По материалам раннесредневековых стекланных украшений) // Археологический Сборник. Вып. 20. Л., 1979.

Львова З. А. Признаки способа изготовления изделий из стекла (по материалам раннесредневековых стекланных украшений) // Археологический Сборник. Вып. 21. Л., 1980.

Злата Александровна Львова. Стекланные бусы Старой Ладоги как исторический источник.

Интернет-публикация незавершенной обобщающей статьи:

http://chernov-treznin.narod.ru/ZLATA_LVOVA.htm

Рябинин Е. А. Бусы Старой Ладоги (по материалам раскопок 1973–75 гг.) Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., ЛГУ. 1985. С. 155–175.

Рябинин Е. А. Начальный этап стеклоделия в Балтийском регионе (по материалам исследований Ладоги VIII–IX вв.) // Дивинец старолadoжский, Изд-во СПб ун-та, 1997.

ОТЧЕТЫ ЛЮБШАНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Рябинин Е. А. Отчет Волховского отряда ИИМК РАН об исследовании Любшанского городища в 1997 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 21337. 1998.

Рябинин Е. А. Отчет Волховского отряда ИИМК РАН об исследовании Любшанского городища (Волховский район Ленинградской области) в 1998 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 22062. 1999.

Рябинин Е. А. Отчет Волховского археологического отряда ИИМК РАН в 1999 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 22205. 2000.

Рябинин Е. А. Отчет Волховской экспедиции ИИМК РАН о полевых исследованиях Любшанского городища в Волховском районе Ленинградской области в 2000 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 22206. 2001.

БИБЛИОГРАФИЯ

Александровский и др. 2009 – Александровский А.Л., Арсланов Х.А., Давыдова Н.Н., Долуханов П.М., Зайцева Г.И., Кирпичников А.Н., Кузнецов Д.Д., Лавенто М., Лудикова А.В., Носов Е.Н., Савельева Л.А., Сапелко Т.В., Субетто Д.А. Новые данные относительно трансгрессии Ладожского озера, образования реки Невы и земледельческого освоения Северо-Запада России. // Доклады Академии Наук, 2009, том 424, № 5. С. 682–687.

Белецкий 2017 – С. В. Белецкий. Геральдическая подвеска № 136 и трезубец Владимира Святославича / Культурний шар. Статті на пошану Гліба Юрійовича Івакіна. — Київ. 2017. С. 38.

Беляев 1929 – Беляев Н. Т. Рёрик Ютландский и Рюрик Начальной летописи // *Seminarium Kondakovianum*. Prague, 1929. В. 3.

Бернштам 1996 – Бернштам Т. А. «Слово» об оппозиции Перун–Велес/Волос и скотьих богах Руси // Канун. Вып. 2. СПб., 1996.

Богуславский, Мачинская 1993 – Богуславский О. И., Мачинская А. Д. Сясьское городище и поселения Нижнего Поволховья (опыт сопоставления). // Петербургский археологический вестник, № 6. Saint Petersburg, 1993.

Васильев Б. 2014 – Васильев Б. Г. Монументальная живопись Старой Ладogi XII века. СПб., 2014.

Васильев Б. 2015 – Васильев Б. Г. Церкви Святых Георгия и Дмитрия Солунского в Старой Ладoge. СПб., 2015.

Васильев Б. 2020 – Васильев Б. Г. Монастырь девич Успения Пресвятой Богородицы. СПб., 2020.

Васильев В. 2005 – Васильев В. Л. Архаическая топонимия Новгородской земли. Великий Новгород, 2005.

Войтович 2005 – Войтович Л. В. Рюрик: Легенди і дійсність. u1057 Стан дискусії на початку XXI ст. // Наукові зошити історичного факультету: Збірник наукових праць / Львівський національний університет ім. Івана Франка. Львів, 2005. Вип. 7.

Войтович 2006 – Войтович Л. В. Восточное Прикарпатье во второй половине I тыс. н. э.: Начальные этапы формирования государственности // *Rossica antique*. Материалы и исследования. 2006. СПб., 2006.

Войтович 2006-б – Войтович Л. В. Княжа доба на Русі: Портрети еліти. Біла Церква; Видавець, 2006.

Войтович 2015 – *Войтович Л. В.* Рюрик и происхождение династии Рюриковичей: новые дополнения к старым спорам. //Ладога и Ладожская земля в эпоху Средневековья: [сборник статей. Отв. ред.: А.Н. Кирпичников]. Вып. 5: Материалы международной конференции «Город Ладога и Северная Русь в первые века русской истории», Старая Ладога, 13 июня 2015 г. Санкт-Петербург.

Губарев 2016 – Губарев О. Л. К вопросу об идентичности Рюрика и Рорика Фрисландского. / *Valla*. №2 (4–5). 2016.

Губарев 2019 – Губарев О. Л. Рюрик Скьельдунг. СПб., 2019.

Давидан 1987. – Давидан О. И. Весовые гири Старой Ладоги // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1987. Вып. 28

Джаксон, Мачинский 1989 – Джаксон Т. Н., Мачинский Д. А. «Сага о Хальвдане сыне Эйстейна» как источник по истории и географии Северной Руси и сопредельных областей в IX–XI вв. // Вопросы истории Европейского Севера. Petrozavodsk, 1989.

Джаксон 1993 – Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.). М. 1993.

Джаксон 2001 – Джаксон, Т. Н. *Austr í Görðum*: Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. Москва. 2001.

Джаксон 2003 – Джаксон, Т. Н.: «Три реки текут с востока через Гардарики, и самая большая река та, что находится посередине». В: Ладога: первая столица Руси: 1250 лет непрерывной жизни. Седьмые чтения памяти Анны Мачинской. Санкт-Петербург. 2003. С. 37–44.

Джаксон 2015 – Джаксон, Т. Н. «Страна городов» и ее столица: Новгород в картине мира средневековых скандинавов // *Slověne*. 2015. № 1–2.

Доленга-Ходаковский 1820 – Доленга-Ходаковский З. Проект ученого путешествия по России для объяснения древней славянской истории // *Сын Отечества*. 1820. Ч. 63–64. № 27–33.

Жуковский 2018 – Жуковский М. О. Весы и гири Гнёздова. / Гнёздовский археологический комплекс: Материалы и исследования. Вып. 1. // Труды Государственного исторического музея. Вып. 210. М., 2018.

Иванов, Топоров 1974 – Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей: Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М. 1974.

Кирпичников, Назаренко 1997 – Кирпичников А. Н., Назаренко В. А. Деревянные сооружения Старой Ладogi по раскопкам 1984-1991 г. // Древности Поволховья. СПб., 1997. С. 63–82.

Кирпичников, Сарабьянов 2010 – Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д. Старая Ладoga: Древняя столица Руси. СПб., 2010.

Корзухина 1971 – Корзухина Г. Ф. О некоторых ошибочных положениях в интерпретации материалов Старой Ладogi // Скандинавский сборник XVI. Таллин, 1971.

Корзухина, Давидан 1969 – Корзухина Г. Ф., Давидан О. И. Раскопки на урочище Плакун близ Старой Ладogi // Археологические открытия 1968. М., 1969.

Крузе 1836 – Крузе Ф. О происхождении Рюрика // Журнал Министерства народного просвещения. 1836. Январь. С. 43–73.

Крузе 1836a – Крузе Ф. О первом вторжении южных ютландцев в Россию // Журнал Министерства народного просвещения. 1836. Июнь. С. 513–517.

Кузьмин 2000 – Кузьмин С. Л. Стратиграфия и некоторые проблемы Староладожского поселения VIII–X вв. – *Stratum plus*, № 5, 2000. С. 66.

Кулешов 2003 – Кулешов В. С. (2003): “Нева”. // Ладoga: первая столица Руси: 1250 лет непрерывной жизни. Седьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., С. 27–36.

Лебедев 2005 – Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005.

Ловмянский 1963 – Ловмянский Х. Рёрик Фрисландский и Рюрик Новгородский. // Скандинавский сборник. VII. Таллин. 1963.

Львова 1965–2008 – Львова З. А. Стекланные бусы Старой Ладogi как исторический источник // Интернет-ресурс: http://chernov-trezin.narod.ru/zlata_lvova.htm

Малаховский и др. 1993 – Малаховский В. Б., Арсланов Х. А., Гей Н. А., Джиноридзе Р. Н. Новые данные по возникновению Невы // Эволюция природных обстановок и современное состояние геосистемы Ладожского озера. СПб., 1993.

Мельникова 2001 – Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи: Новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарий. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН. 2001. С. 278–284.

Миляев 2015 – Миляев П. А. Городище Любша в Нижнем Поволховье (по материалам архивов ИИМК РАН и ИА РАН) // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. СПб., 2015. Вып. 5. С. 108–124.

Миляев 2017 – Миляев П. А. Изделия североевропейского облика в материальной культуре городища Любша IX – начала X в. (предварительное сообщение) // *Élite ou Égalité... Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв.* / отв. ред. Н. И. Платонова. – СПб., 2017. С. 234.

Миляев 2018 – Миляев П. А. Городище Любша в Нижнем Поволховье. Планиграфия и стратиграфия памятника по материалам полевой документации 1997–2001 гг. (Раскоп II, участки 1, 2) // *Археологические вести*. 2018. Вып. 24.

Минасян 1980 – Минасян Р. С. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья (к вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне) // АСГЭ. Вып. 21. Л. 1980.

Михайлов 1996 – Михайлов К. А. Южноскандинавские черты в погребальном обряде плакунского могильника // *Новгород и новгородские земли*. Новгород, 1996.

Мусин 1995 – Мусин А. Е. К предыстории христианства на Севере Руси // *Древние культуры и технологии. Новые исследования молодых ученых Санкт-Петербурга*. СПб., ИИМК РАН, 1995.

Назаренко 1985 – Назаренко В. А. Могильник в урочище Плакун // *Средневековая Ладога*. Л., 1985.

Новг. Карамз. – Полное собрание русских летописей. СПб., 2002. Т. 42: Новгородская Карамзинская летопись.

Панченко, Петров, Селин 1999 – Панченко А. А., Петров Н. И., Селин А. А. Дружина пирует у берега. На границе научного и мифологического мировоззрения // *Русский фольклор*. СПб., 1999. Т. 30.

ПВЛ 2012 – Повесть временных лет. СПб., Вита Нова, 2012.

Петренко 1985 – Петренко В. П. Раскоп на Варяжской улице // *Средневековая Ладога*. Л., 1985.

Петрухин 1995 – Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX– XI веков. М., 1995.

Потин 1970 – Потин В. М. Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным IX–XII вв. // Исторические связи Скандинавии и России. Л., 1970.

Потин 1982 – Потин В. М. Нумизматическая хронология и вопросы истории Руси и Западной Европы в эпоху раннего Средневековья // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего Средневековья. Л., 1982.

Пчелов 2010 – Пчелов Е. В. Рюрик. М., 2010.

Рябинин 1982 – Рябинин Е. А. Бусы Старой Ладоги (по материалам раскопок 1973–75 гг.) // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего Средневековья. Л., 1982.

Рябинин 1985 – Рябинин Е. А. Новые открытия в Старой Ладоге (итоги раскопок на Земляном городище 1973–1975 гг.) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985.

Рябинин, Черных 1988 – Рябинин Е. А., Черных Н. Б. Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя Староладожского Земляного Городища в свете новых исследований // СА. 1988. № 1.

Рябинин 1997 – Рябинин Е. А. Начальный этап стеклоделия в Балтийском регионе // Дивинец Староладожский: Междисциплинарные исследования. СПб., 1997.

Рябинин, Дубашинский 2002 – Рябинин Е. А., Дубашинский А. В. Любшанское городище в нижнем Поволховье: (Предварит. сообщение) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья: Сб. науч. ст. – СПб., 2002. С. 196–203.

Рябинин 2003 – Рябинин Е. А. У истоков Северной Руси. Новые открытия. СПб., 2003.

Седых 2005 – Седых В. Н. Клады эпохи Рюрика: археолого-нумизматический аспект. Изд.: XIII Всероссийская нумизматическая конференция: Москва, 11–15 апреля 2005. М., 2005.

Сорокин 2017 – Сорокин П. С. Окрестности Петербурга. Из истории Ижорской земли. СПб., 2017.

Торопова 2007 – Торопова Е. В. Начальный период археологического изучения древностей Новгородской земли (30-е гг. XVIII — 40-е гг. XIX в.) // История и археология Новгорода. 2007. Вып. 21.

Хомутова 1984 – Хомутова Л. С. Кузнечная техника на земле Древней Руси // СА. 1984. № 1.

Чернов 1998 – Чернов А. Ю. Невостребованная столица, или Игра в бисер по-русски // Знание-сила. 1998. № 5. С. 60–72.

Чернов 2006 – Чернов А. Ю. Хроники изначного времени. «Слово о полку Игореве»: Текст и его окрестности. СПб., 2006.

Чернов 2008–2011 – Чернов А. Ю. В Старой Ладого найден герб Рюрика? // Интернет-ресурс: <http://chernov-trezin.narod.ru/GerbRurika.htm>

Чернов 2011 – Чернов А. Ю. Вещий Олег: крещение и гибель // Actes testantibus. Ювілейний збірник на пошану Леонтія Войтовича / Відповідальний редактор Микола Литвин (УКРАЇНА: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Випуск 20: НАН України. Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича). – Львів, 2011. С. 699–726.

Чернов 2012-а – Чернов А. Ю. Проблема 6360: Рудименты старовизантийской хронологии в русском летописании // Княжа доба: історія і культура / [відп. ред. Володимир Александрович]; Національна академія наук України, Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича. Львів, 2012. Вип. 6. С. 19–36. (Републикація в Староладожском сборнике. Вып. 10. СПб., 2013. С. 288–303).

Чернов 2012-б – Чернов А. Ю. Олег и его щит // Староладожский сборник. Вып. 9. СПб., 2012. С. 60–68.

Черных 1985 – Черных Н. Б. Дендрохронология древнейших горизонтов Ладоги // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л.: 1985. С. 76–80.

Черных 1996 – Черных Н. Б. Дендрохронология и археология. М., 1996.

Шитов, Бискэ, Плешивцева, Марков 2005 – М. В. Шитов, Ю. С. Бискэ, Э. С. Плешивцева, А. Я. Марков. Позднеголоценовые изменения уровня Волхова в районе Старой Ладоги. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 7. Геологияч. Вып. 4. 2005.

Яманов 2002 – Яманов В. Е. Рёрик Ютландский и летописный Рюрик. // Вопросы истории. № 4. 2002.

Baranauskas 2000 – Baranauskas T. Lietuvos valstybės ištakos, Vilnius, 2000, p. 42–48, 153–156, 165–167.

Besteman 2002 – Besteman J., 2002. Danish rule in West Frisia: a failed Normandy in the 9th century // Centre, region, periphery; Medieval Europe Basel 2002. Vol. 1. Hertingen.

Besteman 2004 a – Besteman J., 2004a. The two Viking hoards from the former island of Wieringen (the Netherlands): Viking relations with Frisia in archeological perspective // Land, sea and home: Proceedings of a conference on Viking-period settlement at Cardiff, July 2001. Leeds.

Besteman 2004 b – Besteman J. C., 2004. Scandinavisch Gewichtsgeld in Nederland in de Vikingperiode // Van Solidus tot Euro: Geld in Nederland in economisch-historisch en politiek perspectief. Hilversum. Blackburn M., 2008. The coin-finds // Means of exchange: Dealing with silver in the Viking Age (Kaupang excavations project publication series, vol. 2. Aarhus.

Coupland 1998 – Coupland S. From poachers to gamekeepers: Scandinavian warlords and Carolingian kings // Early Medieval Europe. 1998. March. Vol. 7. Iss. 1.

Helinski 2008 – Eugene Helinski (Hamburg). Ladoga and Perm revisited. 1. Old Icelandic Aldeigjuborg, Aldeigja, Old Norse *Aldauga ‘Ladoga’: The old open-sea-like-source of the New River // Studia Etymologica Cracoviensia. Vol. 13. Kraków, 2008, pp. 75–83.

Hollmann 1816 – Hollmann H. F. Rustringen, die ursprüngliche Heimat des ersten Ruccischen Grossfürsten Rurik und seiner Brüder. Bremen, 1816.

Kovalev 2012 – Roman K. Kovalev. Olga of Rus’ Shows the Bird: Her ‘Christian Falcon’ Emblem. / The College of New Jersey. Russian History 39 (2012). Leiden. 460–517.

Mikkola 1906 – Mikkola, J. Ladoga, Laatokka. In: Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1906. 23/23.

Francorum 1895 – Анналы франкских королей 1895 – Annales regni Francorum et Annales Q. D. Einhardi. Hannoverae, 1895. (Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum).

Noonan 1994 – Noonan T. S. The Vikings in the East: Coins and Commerce // Birka Studies. Vol. 3. Stockholm, 1994.

Saxonis 1931 – Saxonis Gesta Danorum, Haunia, 1931, t. 1, p. 232. (Глава 3.5.1)

Willemsen 2009 – Annemarieke Willemsen. Dorestad. Een wereldstad in de middeleeuwen – Zutphen: Walburg Pers, 2009.

***Более полный список архивных источников и литературы, посвященной
Старой Ладоге и Поволховью, см.:***

Е. Н. Носов, А. В. Плохов, Н. В. Хвоцинская. Рюриково городище. Новые этапы исследований / СПб., 2017. Труды ИИМК РАН. Т. XLIX. С. 267–286.

Е. Н. Носов, Н. И. Платонова, С. В. Белецкий, А. Н. Кирпичников, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, П. А. Миляев, С. Л. Санкина. Новое в археологии Старой Ладоги: материалы и исследования / Труды ИИМК РАН. Т. LIII – СПб., 2018. С. 433–470.

В КНИГЕ:

- НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ *AB OVO* – 2
- I. ФИБУЛА ИЗ КОЛОДЦА В ДОРЕСТАДЕ
И СЕРЕБРЯНЫЙ КЛАД НА ВОЕННО-МОРСКОЙ БАЗЕ РЁРИКА – 18
- II. ПОЧЕМУ РЁРИК УШЕЛ В ЛАДОГУ – 26
- III. КОНУНГ НА ЛАДОЖСКОМ ПЕПЕЛИЩЕ – 37
- IV. ВАМ ПОКЛОН ОТ ПРИНЦА ДАТСКОГО – 55
- V. ТЕНЬ ВЕРГИЛИЯ – 57
- VI. КТО БЫЛ ОТЦОМ РЁРИКА? – 59
- VII. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЙ ПОРТРЕТ РЁРИКА ФРИСЛАНДСКОГО
НА ПОДВЕСКЕ ИЗ КЛАДА С ОСТРОВА ВИРИНГЕНА – 62
- VIII. СКОЛЬКО В ДРАККАРЕ ЛАДЕЙ-ОДНОДРЕВОК И КАК СМЕРТЬ ВЕЩЕГО ОЛЕГА
ЗАПЕЧАТЛЕНА НА ДРЕВНЕЙ МОНЕТЕ ИЗ ХЕДЕБЮ – 75
- IX. ОЛЕГ И ЕГО ЩИТ – 80
- X. ЗЛОЕ ЛЕТО 6421 – 86
- XI. СВИДЕТЕЛЬСТВО О КРЕЩЕНИИ ВЕЩЕГО ОЛЕГА – 116
- XII. СОКОЛИНЫЙ ПЛАЩ ФРЕЙИ – 138
- XIII. СОКОЛ ИМПЕРИИ РЮРИКОВИЧЕЙ – 142
- XIV. ПОЧЕМУ ЛАДОЖСКАЯ ФРЕСКА «ЧУДО ГЕОРГИЯ О ЗМИЕ»
НАПИСАНА В ЧЕСТЬ ВЛАДИМИРА СВЯТОСЛАВИЧА ВЦИЖСКОГО – 154
- ГАРДАРИКА (книжка ладожских стихов) – 161
- ФОТОАЛЬБОМ – 229
- ФРАГМЕНТ ВОЛШЕБНОЙ ПАЛОЧКИ – 278
- ЗВОН ЛЮБШАНСКОЙ КАЗНЫ – 285
- Старая Ладога. Схема. – 295
- Северо-Западная Европа в IX–XI веках. Карта – 296
- Любша. Радиоуглеродные датировки – 297
- Любша и Ладога. Хронология по материалам раскопок Е. А. Рябинына – 300
- Заключение – 302
- Исследования, посвященные Рёрику – 303
- Исследования, посвященные Старой Ладоге – 304
- Отчеты Любшанской экспедиции – 306
- Библиография – 307

О книге А. Ю. Чернова
«Энеида Рёрика Ютландского:
Опыт историко-филологической реконструкции»

Новая книга Андрея Юрьевича Чернова, автора многочисленных научных статей и монографических исследований, содержит материал, чрезвычайно любопытный как для историков, так и для филологов. Обнаруженные Черновым факты, касающиеся Рёрика Ютландского и Олега Вещего, дают неожиданное освещение не только эпохальным событиям Древней Руси и важнейшим фрагментам «Повести временных лет», они касаются ключевых мифологем русского исторического самосознания, остававшихся актуальными в течение многих столетий, включая пушкинскую эпоху. Не случайно несколько страниц книги посвящено Пушкину, к творчеству которого Чернов возвращается, начиная с 1980-х годов с профессиональным интересом к его рукописям, в частности – к атрибуциям его рисунков. Один из рисунков Пушкина интерпретирован и в книге о Рёрике. В работах Чернова неизменными остаются острота взгляда, умение устанавливать связи там, где они не были замечены, поэтический слух в сочетании с аналитической четкостью, способность вживаться в изучаемую эпоху (будь то Древняя Русь, первая треть XIX века или двадцатое столетие), горячий, заражающий читателя интерес к изучаемому предмету. Все эти особенности творческого почерка А. Ю. Чернова проявились и в книге «Энеида Рёрика Ютландского», в которой научное исследование органично дополняется связанными с его темой стихами автора. Я уверена, что эта книга достойна публикации.

М. Н. Виролайнен,
доктор филологических наук,
член-корреспондент РАН,
главный научный сотрудник
Института русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН,
зав. отделом пушкиноведения